

Адо́льф Янушкевич

**Дневники и письма
из путешествия
по казахским степям**

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ ЖӘНЕ
ҒЫЛЫМИ МИНИСТРЛІГІ
С. ТОРАЙГЫРОВ АТЫНДАҒЫ ПАВЛОДАР
МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ

Адольф Янушкевич

**Қазақ даласына жасалған саяхаттан
күнделіктер мен хаттар**

Павлодар 2006

ББК-63.3 (5Каз)

Я-65

«Мәдени мұра»

мемлекеттік бағдарламасы бойынша

Редакция алқасы:

Арын Е.М. (бас редактор), Артықбаев Ж.О. (жауапты редактор), Талтенов А.А., Арын Р.С., Кадысова Р.Ж., Койгельдиев М.К., Исағұлов О.И., Әжіғали С.Е., Шалекенов У.Х., Төлеубаев Ә.Т., Құдабаев А.Ж., Ақышев А.А., Ерманов А. Ж., Нурбаев К.Ж.

Я-65 Янушкевич А.

Қазақ даласына жасалған саяхаттан күнделіктер мен хаттар (Қазақ этнографиясының кітапханасы 29-ші том) – Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ, 2006, - 390 бет

ISBN-9965-808-39-2

«Қазақ этнографиясының кітапханасы» сериясының берілген томына профессор Ә. Диваевтың қазақтың ауыз-әдебиеті бойынша жинаған материалдары енді. Олардың бірқатары көне дәуірдің аңыз-хикаялары мен ерлік жырлары болса, енді бірқатары таза этнографиялық дүниелер. Ә. Диваев жинақтаған халық шығармашылығы туындылары тарихшылар мен этнографтар үшін аса маңызды дерек қызметін атқарады. Кітап зиялы оқушы қауымға арналған.

ББК-63.3 (5Каз)

Басылымға жауапты: Күзембаев Н.Е.

ISBN-9965-808-39-2

Я 0505000000
00(05)-06

© Артықбаев Ж.О., мақаласы, 2006
© Күзембаев Н.Е. комментарий, 2006
© С. Торайғыров ат. ПМУ, 2006

863(5К)
965
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С. ТОРАЙГЫРОВА

Адольф Янушкевич

**Дневники и письма из путешествия
по казахским степям**

Павлодар 2006

ББК-63.3 (5Каз)

Я-65

Издается по государственной программе
«Культурное наследие»

Редакционная коллегия:

Арын Е.М. (гл. редактор), Артыкбаев Ж.О. (ответ. редактор), Талтенов А.А., Арын Р.С., Кадысова Р.Ж., Койгельдиев М.К., Исмагулов О.И., Валиханов Э.Ж., Ажигали С.И., Шалекенов У.Х., Толеубаев А.Т., Кудабаяев А.Ж., Акишев А.А., Ерманов А.Ж., Нурбаев К.Ж.

Я-65 Янушкевич А.

Дневники и письма из путешествия по казахским степям (Библиотека казахской этнографии, 29 том) – Павлодар: ТОО НПФ, «ЭКО» 2006, -390 стр.

ISBN-9965-808-39-2

Известная работа А. Янушкевича представляет собой кладезь информации по этнографии, истории и культуре казахского народа. В книгу вошли письма и выдержки из дневника польского путешественника. Издание адресовано историкам, этнографам, культурологам и искусствоведам, а также всем интересующимся историей и этнографией Казахстана.

ББК-63.3 (5Каз)

Ответственные за выпуск: Кузембаев Н.Е.

ISBN-9965-808-39-2

Я 0505000000
00(05)-06

- © Артыкбаев Ж.О. статья, 2006
© Кузембаев Н.Е. комментарий, 2006
© ПГУ им. С. Торайғырова, 2006

АДОЛЬФ ЯНУШКЕВИЧ И ЕГО КНИГА

Удивительны бывают порой судьбы писателей и их произведений! История же Адольфа Янушкевича и его книги «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» не только удивительна, но и глубоко драматична.

В жизни Янушкевича было два совершенно не похожих один на другой периода. Первый – до 1831 года – семья, университет, друзья, любимая невеста, родина, путешествия за границу, мечты о будущем... 1831 год стал в его жизни переломным: участие в восстании, тяжелое ранение, плен. А потом начался второй период: тюрьма, многоверстные дороги в неизвестную даль с кандалами на ногах, суд, ссылка. Двадцать пять лет ссылки. Все в прошлом. И горестное свидание с родными у самого края жизни.

Судьба книги тоже необычна. Она вышла давно, более ста лет назад, но была известна лишь небольшому кругу лиц. А до своего настоящего читателя она дошла только теперь.

Детство и юность Адольфа Янушкевича, родившегося в Несвиже (бывшей Минской губернии) в 1803 году, прошли в семье, где старшие часто вспоминали, что они сражались за свободу и независимость Польши в войсках Тадеуша Костюшки. Вспоминали с тем большей гордостью, что Костюшко приходился близким родственником матери Адольфа.

Восемнадцатилетним юношей, окончив Винницкую гимназию, Адольф поступил в Виленс-

кий университет на филологический факультет. Университет в Вильне жил в те времена бурной, напряженной жизнью: там под руководством Адама Мицкевича существовала тайная организация филоматов¹, тесно связанная с Лелевелем², с русскими декабристами. Филоматы создавали многочисленные кружки филаретов под названиями «голубые», «розовые» и т. п., стремясь разжечь среди студенческой молодежи искру национально-освободительной борьбы. Адольф не остался в стороне; он стал участником кружка «голубых» и убежденным пропагандистом свободолобивой поэзии Мицкевича.

По окончании университета Янушкевич вернулся в родные места, позднее поселился в Подолии. Казалось, все пророчило ему счастливую будущность: и доверие сограждан, избравших его депутатом сейма, и любовь очаровательной девушки Стефании, и уважение родных.

Немного беспокоило здоровье: ему едва минуло 25 лет, а доктора уже советуют лечиться на водах. И вот Адольф в Карлсбаде. Впрочем много ли надо молодому, неистощенному организму, чтобы поправиться? А потом – увлекательное путешествие по Европе: Вена, Италия, Швейцария, Германия, Франция. В Риме он повстречался со своим великим земляком Адамом Мицкевичем и его друзьями. Молодые

¹ Филоматы и филареты – любители науки, вольнолюбивая организация студентов в Виленском университете в начале 20-х годов XIX века, разгромленная царским правительством.

² Лелевель Иоахим (1786-1861) – выдающийся польский историк и революционный деятель, один из вождей восстания 1830-1831 гг.

люди быстро нашли общий язык и дальше уже путешествуют вместе. Их соединяло многое: и мечты о будущем Польши, об участии в освободительной борьбе своего народа, и любовь к литературе.

О том, какое впечатление произвел Янушкевич на великого поэта, лучше всего свидетельствует тот факт, что он стал прототипом образа «Адольфа из Варшавского салона» в драматической поэме А. Мицкевича «Дзяды». Поэт вкладывает в уста Адольфа рассказ об узнике царизма. И какими же пророческими по отношению к рассказчику явились эти слова: Я помню узников рассказы о неволе,

*Я думал – о своей и он расскажет доле,
Опишет подвиг свой, геройские дела
Сынов родной земли, которых погребла
Рука тирана там, в узилищах Сибири,
Где Польши летопись полней, чем в целом мире.*

(Пер. В. Левика).

Шел по Европе революционный 1830 год... Янушкевич возвращался домой через Париж и Брюссель, где уже ощущались подземные толчки будущей революции. Встречи с Лелевелем в Варшаве решили судьбу юноши: отныне его долг – борьба за освобождение родины. Едва лишь добрался он до родных мест, как туда прилетела весть о восстании в Варшаве. И не успев даже обнять родных и друзей, Адольф вместе с братом Евстахием тайно переходит Неман и добирается до восставшей столицы.

Янушкевич горячо любил свою родину, он без колебаний становится одним из самых активных деятелей повстанческого движения, с оружием в руках борется против войск российского царизма. В одном из сражений он вместе с товарищами был окружен превосходящими силами неприятеля и тяжело ранен. Семь ранений, настолько тяжелых, что он потерял сознание и упал с лошади. Друзья, видевшие это, решили, что он погиб. Но Янушкевич был взят в плен и выжил.

Пленных отправили пешком через Брест и Москву к далекой Вятке. Было у Адольфа на этом крестном пути лишь одно светлое мгновение: свидание с матерью. Это было в 1831 году. В следующий раз он увидит ее только через двадцать пять лет!

Из Вятки снова в дальнюю дорогу – на суд в Киев, куда он прибыл в конце 1831 года.

Вот он стоит перед следственной комиссией, возглавляемой фельдмаршалом Сакеном, известным своей жестокостью. Напрасно судьи стараются заставить его признаться в том, что «действовал он бессмысленно». В ответ они слышат: «Что сделал – то сделал сознательно, по доброй воле, по искреннему убеждению, что каждый настоящий сын отчизны должен посвятить ей всю свою жизнь»³. Он почитал это своим святым долгом! Вот почему в длинном списке «польских мятежников» и «полити-

³ Zywoł Adolfa Januskiewicza. Berlin, 1875, t. 1, s. 13. Перевод здесь и далее мой. В дальнейшем по техническим причинам источник указывается в русском переводе.

ческих преступников»⁴ он был отмечен, как один из самых упорных и закоренелых в своем «преступлении».

Приговором от 4 марта 1832 года Адольф Янушкевич был лишен дворянского звания с конфискацией имущества и сослан на поселение в Сибирь.

В мае 1833 года Янушкевич оказался в Тобольске. Поскольку он принадлежал к категории «политических преступников», ему пришлось испытать на себе всю тяжесть «руки карающей» царского правосудия: в отличие от уголовных поселенцев политические не могли работать или служить, передвигаться с места на место, они обязаны были являться в определенные сроки в полицию для регистрации. Но жизнь в Тобольске была бы сносной, если бы там можно было остаться. Увы! Вскоре по прибытии Янушкевича в Сибирь был раскрыт заговор ссыльных революционеров, так называемое «Омское дело». Горячие головы решили поднять восстание и пробить себе дорогу через Бухару и Индию в Европу. И хотя Янушкевич не был причастен к этой группе заговорщиков, репрессии посыпались на виновных и невиновных. Адольф был выслан из Тобольска, о чем он сообщает в письме к матери с грустным юмором:

«10 декабря оставляю Тобольск и еду в Ишимский уезд, в деревню Желяково... Купил себе огромные сани и, упаковавши себя самого и все свое имущество, накопленное за это время, скоро двинусь в дальнюю сторону. Буду теперь,

⁴ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4174, л. 824.

как скромный крестьянин, сажать репу где-нибудь на берегах Ишима или Карасу...»⁵

Кажется, в ссылке Янушкевича увлекает все, что происходит вокруг. Он ездит на охоту, занимается хозяйством, переводит с английского «Историю завоевания Англии норманнами», читает литературные русские и иностранные журналы, интересуется общественной и политической жизнью, жадно ловит новости. Но одновременно он живет в мире грез и мечты, воспоминаний о далеком прошлом. В этой его жизни огромную роль играет переписка с милыми сердцу родными и друзьями. Насильно оторгнутый от привычного круга, культурной жизни, заброшенный в далекий суровый край, он оставил свое сердце там, за Неманом.

Он пишет им часто, почти ежедневно. И несмотря на то, что письма идут долго – они в пути месяца полтора, – между адресатами протягивается тонкая, но крепкая нить, связующая страждущие сердца. Они сообщают друг другу о разных милых мелочах личной жизни, о болезнях, о происшествиях со знакомыми. Но это только внешне: за этими строчками такое щемящее страдание, что кажется: вот-вот оборвется нить горестным возгласом: «Не могу больше!»

Еще в Тобольске Адольф получил от невесты кольцо – свидетельство решимости, несмотря ни на что, выйти за него замуж. Но годы уходили, надежды рушились: сколько он еще тут пробудет? Адольф не мог примириться с тем, что из-за него похоронит себя в глуши юная возлюб-

⁵ Жизнь Адольфа Янушкевича. Берлин, 1875, т. 1, стр. 30

ленная, он должен страдать один... Постепенно он внушает ей мысль, что нужно расстаться. У него даже хватает силы написать матери с некоторым юмором после того, как было отослано невесте кольцо: «Окончился роман, за который господин Бальзак мог бы, описав все в четырех томах, получить 30 тысяч франков». Но горечь прорывается сразу же: «А я... что мне осталось? Воспоминания... одни воспоминания...»⁶.

В 1835 году Адольфу Янушкевичу было разрешено переехать в Ишим, где к этому времени обосновалась большая колония ссыльных поляков. Адольф обладал счастливой способностью собирать вокруг себя людей хороших, душевных, гуманных. Сосланный сюда же поэт-романтик Густав Зелинский нашел в нем подлинного друга. Зелинский уже уедет на родину, а переписка с Янушкевичем будет продолжаться еще много лет; письма к Густаву составят, пожалуй, одну из самых интересных страниц ныне публикуемой книги.

Когда стало ясно, что жить в Ишиме придется долго, он купил небольшой домик, в котором «клетушек много, и будет тепло, когда отремонтируем, потому что, правду сказать, это просто развалина. Дом стоит как-то набекрень, словно шапка у улана, уличная стена выпятилась, как большой живот, окна смотрят хмуро... Но что можно приобрести за такие деньги?»⁷ В этом домике из присылаемых ему из дому книг и журналов Янушкевич создал для ссыльных небольшую библиотеку.

⁶ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр. 49.

⁷ Там же, стр. 52

Присутствие духа, неистребимый юмор не оставляют этого замечательного человека. Когда начинают одолевать тяжелые мысли, он берет в руки пилу, топор или молоток и идет во двор – чинит, рубит, строгаёт, приводя в порядок свой развалившийся домишко. Тоске нельзя поддаваться!, иначе она задавит, а он живет надеждой, что еще обнимет своих близких.

Уходили дни, месяцы, годы... Так прошло восемь лет. В 1841 году вышло «ослабление»: можешь стать солдатом или чиновником. Из двух зол Янушкевич выбрал меньшее – с августа этого года становится канцеляристом Омского окружного суда. Впрочем в суде он пробыл недолго, осенью его переводят на службу в канцелярию начальника Пограничного управления «сибирскими киргизами». Работа приносит ему некоторое удовлетворение, он надеется заслужить облегчение своей участи – разрешение вернуться на родину. Здесь он знакомится с казахским языком, ездит в далекие служебные командировки по делам Управления, становится секретарем Комитета «по уложению проекта киргизского права».

Уже во время первой поездки в июне 1843 года Адольф влюбился в казахские степи. В письме к матери от 2 июля, возвратившись из командировки, он пишет:

«Я переезжал через высокие горы, одетые лесами и населенные медведями, маралами, лосями и оленями, вплавь перебирался через реки, не ведомые никому в Европе, а над ними, впервые за двенадцать лет, услышал я милое

пенье соловья... Я видел киргизские племена, кочующие в составе тысячи и более юрт на протяжении 25 – 30 верст, покрытых косяками коней, верблюдов, баранов и рогатого скота чудной красоты... Встречал купеческие караваны, идущие из Ташкента и Коканда, стада сайг, диких коней, называемых куланами... Наконец, должен был узкой степной дорогой лететь через пылающую степь. Разве все это не интересно? Разве не интереснее, чем вид немецких полей, засаженных картофелем, или неаполитанских лаццарони, объедающихся макаронами? Здесь я нигде не видел посевов, не встречал заборов, вокруг – бесконечный простор. Дышал полной грудью, как араб в пустыне»⁸.

В 1845 году Янушкевич снова побывал во владениях Средней орды, а в 1846 году в составе экспедиции, возглавляемой пограничным начальником генералом Вишневым, надолго покидает Омск и уезжает в казахские степи.

Предыстория этой поездки изложена у самого Янушкевича так: в мае 1846 года в Омск приехал посол Большой орды и передал просьбу пяти племен о принятии их в Российское подданство. Посол ссылался на ряд причин, в частности, говорил о желании жить мирно и избегать междоусобных раздоров, разжигаемых известным в те времена султаном Кенесары Касымовым. Экспедиция, выехавшая из Омска, имела несколько задач, но главной была встреча

⁸ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. I, стр. 132-133. В книге Оставлены прежние наименования казахов – «киргизы», киргизов – «каракиргизы» и т. п. для сохранения исторического колорита.

на реке Лепсе с руководителями пяти племен Большой орды.

В мае выехала группа, которой предстояло разобрать одно спорное дело, а позднее, после встречи на Лепсе, произвести перепись населения и скота во владениях Средней орды. Группу возглавлял друг Адольфа Виктор Ивашкевич, сосланный за организацию польского тайного общества «Черных братьев» и сочинение «возмутительных писем и стихов»⁹.

Янушкевича осенила блестящая мысль: ежедневно записывать наиболее интересное из того, что он будет наблюдать, а кроме того, писать своим родным и друзьям подробные письма о своем путешествии. Его, конечно, тешила мысль: когда-нибудь все эти письма и записи увидят свет...

И вот день за днем ведутся записи. С любой оказией отправляются письма в Польшу или друзьям в Сибирь.

Пять долгих месяцев – от первых майских дней, когда степь зеленела яркой и свежей травой, до прихода жестокой стужи и ветров в уже высохшую степь – колесит он по бескрайним просторам от Иртыша до «снежной стены Ала-Тау», обратно к Тарбагатаю и китайской границе, затем спускается к озеру Балхаш. В октябре путешествие закончилось, экспедиция вернулась в Омск. Снова утомительная канцелярская служба, многочасовое сидение в присутствии... Годы проходят, слабеет надежда на освобождение. Работа начинает тяготить,

⁹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1750, л. 3.

одолевают болезни, особенно плохо со зрением. Осенью 1849 года Янушкевич уволился с работы в Пограничном управлении в чине коллежского регистратора. Он пробыл в ссылке уже 18 лет. Хлопочут за него в Петербурге не только родные, но и знакомые родных, влиятельные люди. Тщетно.

Письма Адольфа в эти годы полны печали: «Мое будущее представляется во все более грустных красках. И ничего удивительного! Старость, слабость, ухудшение здоровья и столько раз обманутые надежды. Разве это не является достаточной причиной, чтобы наполнить сердце изгнанника такой тоской, которая велит ему на все смотреть мрачным и недоверчивым взглядом»¹⁰.

Теперь в его письмах все меньше и меньше проявляется интереса к жизни. Стареющий, одинокий (все друзья давно получили освобождение и уехали), он оставался в изгнании. Единственным утешением в последние годы ссылки стали цветы: Янушкевич с необыкновенным энтузиазмом занялся их разведением, и в этой области он хотел создать что-то уникальное. Любопытнейшее письмо пишет этот удивительный человек своей старой матери, стараясь потешить ее:

«Мои георгины выросли до пяти аршин и своей красотой восхищают весь Омск, что чрезвычайно радует мою хозяйку, которая гордится тем, что у нее такой мудрый постоялец, сумевший на горсточке песка сотворить такое чудо».

¹⁰ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр. 162

И далее: «Очень жалею, что не могу послать маме изумительно красивый кактус, который только вчера расцвел, а сегодня стоит на окне и принимает поклонение от всех прохожих»¹¹.

Родных тем временем все больше тревожила судьба изгнанника. Брат его, эмигрант, встретился за границей с известным аристократом графом Демидовым и рассказал ему об Адольфе. Демидов принял живое участие в судьбе ссыльного и пригласил его в Нижний Тагил, пообещав создать условия для жизни и работы. «Ах, этот город на тысячу верст ближе к дому!» – это стало главным стимулом в его решении переехать в Нижний Тагил.

Как он потом пожалеет об этом! «Пишут из Омска Ивашкевичи, они там все вместе, а я здесь совсем один». И окончательно он осиротел, когда управляющий Демидова, его соотечественник, внезапно умер. Просто страшно читать такие строки письма: от них веет безнадежностью и полным разочарованием в жизни:

«Януарий (брат.– Ф. С.) пишет мне о какой-то научной экспедиции, выбирающейся в наши края. Спрашивает, не смогу ли я стать в ней переводчиком? Не очень-то улыбается мне эта экспедиция! Прежде всего то, что, несмотря на всяческие там замыслы – ничего из этого не выйдет; во-вторых, не при нынешнем состоянии моего здоровья таскаться по горам и лесам, подвергаться морозам Березова или Туруханска. Миновало то время, когда я любил и мог путешествовать; сегодня мне нужен тихий и

¹¹ Там же, стр. 168.

теплый угол. Хватит с меня Сибири! Тот, кто подал Януарию мысль об этом, якобы возможном для меня, путешествии, не знал или, может быть, забыл, что завтра мне исполняется 50 лет, что, живя уже более двадцати лет в сибирском климате, я перенес десяток горячек, два воспаления легких и горла, три зимы сплошного ревматизма, и все это от холода»¹².

Увы, в пятьдесят лет он стал совершенно немощным и живет только письмами родных и друзей. Отправляя прах демидовского управляющего в Петербург, он перешел границу Азии и Европы, и это потрясло бедного изгнанника:

«Вот при этих-то обстоятельствах, – сообщает он, – таких для меня тяжелых, я впервые за столько лет имел возможность стоять на европейской земле, так как ездил до самой пристани на реке Чусовой и был даже 50 с лишним верст за столбом, на котором по-русски написано «Уральский хребет», а выше большими буквами с одной стороны «АЗИЯ», с другой – «ЕВРОПА»¹³.

И все же, несмотря на плохое состояние здоровья, Янушкевичу хотелось работать. Ему наконец удалось получить должность библиотекаря на демидовском предприятии. Эта работа занимала все его время. Но зачем оно ему?

Только после смерти царя Николая вновь возродилась надежда, но, как пишет первый биограф Адольфа Янушкевича Феликс Вротновский, «когда царская рука подписывала по-

¹² Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр. 189 – 190.

¹³ Там же, стр. 192.

милование, смерть уже занесла свою руку над помилованным»¹⁴. У него открылась болезнь, которая быстро прогрессировала. Даже получив долгожданное «помилование», он не мог горячо радоваться ему: болезнь приглушила все чувства. Совершенно ослабевший, он выехал в июне из Нижнего Тагила и через месяц, в июле 1856 года, перешагнул родной порог. И слег. И менее чем через год по возвращении из ссылки его не стало.

После смерти Адольфа Янушкевича его закадычный друг и товарищ по ишимской ссылке Густав Зелинский при первой же своей поездке в Париж отвез младшим братьям Янушкевича – политическим эмигрантам – все письма и дневники Адольфа. Семья решила увековечить память о старшем брате и, отобрав некоторую часть дневников и писем, издала на свои средства книгу его путешествий. Почти половину ее занимала биография, написанная давним другом и коллегой Адольфа по Виленскому университету Феликсом Вротновским. На хорошей плотной бумаге очень небольшим тиражом книга вышла в 1861 году в Париже. Она называлась «Жизнь Адольфа Янушкевича». В первом томе была статья Ф. Вротновского, широко использовавшего личную переписку Адольфа, во втором – «Письма и дневники из путешествия по киргизским степям».

Через несколько лет, видя возросший интерес к книге, братья решили выпустить второе издание. Оно вышло в Берлине в 1875 году на польском языке, как и первое.

¹⁴ Там же, стр. 226.

В Польше в журналах и некоторых отдельных изданиях порой упоминалось (очень кратко) о Янушкевиче, особенно тогда, когда издание было посвящено описанию жизни польских ссыльных революционеров в Сибири. Но писали, конечно, в основном о самом Янушкевиче, а не о книге. В России же до Октябрьской революции, то есть при царизме, дорога этой книге была закрыта. А потом о ней попросту забыли, многие же и совсем не знали.

В Польше в 20-х и 30-х годах несколько раз упоминалось имя Янушкевича в словарях, посвященных польским ссыльным-революционерам, однако о книге речь тоже не шла.

Лишь в 50-х годах нашего века работы молодого польского писателя и историка литературы Януша Одровонж-Пененжка о поэте-романтике Густаве Зелинском, об Адольфе Янушкевиче и других «сибиряках» (как называют в Польше ссыльных революционеров) привлекли к этой теме широкое внимание общественности. Сначала были переизданы (22-й раз!) в Варшаве избранные сочинения Густава Зелинского, куда вошла поэма «Киргиз» и другие произведения, затем в 1956 году в «Известиях Польско-Советского общества» была напечатана статья Я. Одровонж-Пененжка «История мицкевического Адольфа», где говорилось не только о Янушкевиче, но и о книге, и даже приводились интересные цитаты из «Дневников и писем».

И хотя том «Известий Польско-Советского общества» простоял на полке библиотеки в Алма-Ате неразрезанным до 1964 года, все же

эхо этих публикаций докатилось до Казахстана: ныне покойная Ева Федоровна Симонова, работавшая в середине 50-х годов доцентом Казахского университета и имевшая связь с польскими учеными, напечатала в журнале статью, скорее заметку, о Янушкевиче.¹⁵ Она цитировала те же выдержки из книги, которые напечатаны в статье Я. Одровонж-Пененжка, но так как Е. Симонова сама никогда не держала этой книги в руках, то, естественно, она настоящей цены ей не знала. И сама заметка эта не привлекла внимания общественности.

Начав в 1963 году работать в области польско-казахских литературных связей в XIX веке – изучать творчество Густава Зелинского, я получила от Януша Одровонж-Пененжка изданную им (как составителем и автором вступительной статьи) в Варшаве романтическую поэму «Киргиз», которую поэт-революционер написал в Ишиме во время ссылки. Здесь я и прочла впервые упоминания о Янушкевиче и его книге. Книга эта меня сразу заинтересовала, и я решила отыскать ее, написав сначала в Польшу. Оказалось, что в Польше книга – библиографическая редкость, приобрести ее просто невозможно. Поиски в книгохранилищах Советского Союза сначала тоже были безрезультатны, но вскоре берлинское издание было обнаружено в коллекции «Россика» Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

¹⁵ Е. Симонова. Польский поэт-революционер о Казахстане. «Советский Казахстан», 1958, № 1, стр. 112 – 114.

Спустя три месяца после получения известия об имеющейся в Публичке книге, я с волнением держала два маленьких томика в серо-зеленой обложке. Быстро перелистываю страницы второго тома. Мелькают имена Кунанбая, султана Барака, султана Али, акына Орынбая... Уже беглый просмотр убедил меня, в том, что в руках я держу ценное свидетельство современника об интереснейшем периоде истории казахского народа, до сего времени не известное ни русским, ни казахским историкам. Доказательством этого является то, что книга Янушкевича не упоминается ни в одном библиографическом справочнике по истории Казахстана.

Вскоре появилась и другая задача: отыскать в архивах следы пребывания здесь ссыльных польских революционеров. Совершенно очевидно, что, поскольку полиция вела за ними секретное наблюдение, где-то должны сохраниться сведения и о Янушкевиче. Но где? В Омске? Или в других городах Сибири? Или в Казахстане? Один из историков, ныне покойный В.Ф. Шахматов, посоветовал обратиться в Центральный государственный архив Казахстана, так как, по его сведениям, там сохранились некоторые материалы Омской городской полиции, под наблюдением которой находился Адольф.

И снова волнения и переживания, понятные всякому исследователю, когда на страницах описи нужного мне фонда я увидела имена Янушкевича и его товарища по ссылке и работе Павла Цеплинского. Много интересного оказалось в этих с виду очень скучных серых папках.

Осмотр первой же из них, на которой было написано: «Дело о прошениях служащих Омского окружного суда Цеплинского и Янушкевича о приеме их на службу в Пограничное управление, начато 20 октября 1841 года, окончено 18 января 1842 года», вполне подтвердил это. В деле, включающем переписку начальников, тогдашних вершителей судеб политических ссыльных, были подшиты собственноручные заявления Янушкевича и Цеплинского о приеме их в Пограничное управление, написанные сухим канцелярским языком на официальных бланках под ненавистным им императорским орлом, оплаченные гербовым сбором.

Стоит здесь отметить, что хлопотал о переводе ссыльных к себе в канцелярию тогдашний пограничный начальник – полковник, а позднее – генерал-майор Николай Францевич Вишнеvский, настроенный к польским революционерам весьма благожелательно. Несколько строк о нем в книге Янушкевича наводят на мысль о том, что Вишнеvский сам был польского происхождения.

Как бы там ни было, а симпатии Вишнеvского к двум новым служащим управления заходят так далеко, что он сразу же разрешает им, пользуясь «высочайшим повелением», сделанным другому лицу – «государственному преступнику фон дер Бригену», получать большие суммы денег из Польши от родных, хотя и «должно следить за употреблением получаемых денег»¹⁶. Сам Адольф пишет в письме домой, чтобы сообщили

¹⁶ ЦГА КазССР, ф. 374

брату о том, что он «может получать денежные пособия из дому прямо в свои руки и без всякого ограничения»,¹⁷ хотя власти и следили (без его ведома) за их употреблением.

Наиболее интересной оказалась папка с делом, которое называлось «Дело о представлении Янушкевича и Цеплинского к наградам за беспорочную службу, начато 30 ноября 1843 года и закончено 1 марта 1845 года». Именно в этом деле заключены вспыхнувшие и разгоревшиеся ярким огнем надежды на освобождение. В письмах к родным Адольф обстоятельно описывает хорошее отношение к нему начальника, особенно после удачной командировки в казахскую степь летом 1843 года. Его даже повышают в должности – назначают «столоначальником», от чего он вынужден был отказаться из-за слабого здоровья, особенно зрения, ему выносят благодарность по службе. В письме к матери он пишет:

«Мои непрерывные труды, успешная работа и порядочное поведение обратили на меня взоры моих начальников, и я верю, что теперь не закончится только на благодарности, которую я получил в прошлом году. Пограничный начальник сделал на меня представление...»¹⁸ Именно это «представление» и заключено в упомянутой папке. Пограничный начальник не пожалел красок, чтобы описать работу и отношение к ней, а также поведение двух ссыльных – Янушкевича и Цеплинского, особенно первого. О нем в деле имеется такое заключение: «Исполняя поруче-

¹⁷ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр. 116.

¹⁸ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 1, стр. 136.

ния начальства по службе с постоянным усердием и ревностью, обратил на себя внимание и потому вполне достоин награды»¹⁹.

Янушкевич знает о представлении, с нетерпением ждет ответа, положительного, естественно. А дело тянется, долго лежат бумаги то у губернатора, то в Петербурге. И наконец приходит ответ, который мы читаем в этой же папке и от которого сразу сжимается сердце: в этом ответе нет ни слова, ни малейшего упоминания о Янушкевиче, как будто и не было о нем запроса на стольких листах! В бумаге, которая последовала в ответ на «представление» о ДВУХ ссыльных к награде – возвращению домой, речь идет только об ОДНОМ, Павле Цеплинском. Ему разрешалось покинуть Сибирь и отправиться на родину. Очевидно, такое «высочайшее повеление» можно объяснить только злой памятью царя Николая, отметившего в списке «мятежников и преступников» мужественно и смело державшегося на суде в Киеве Адольфа Янушкевича.

Янушкевич остался в Пограничном управлении один. И это сразу отражается на его письмах, хотя он и шутит порой, но шутит лишь для того, чтобы поддержать упавшую духом мать.

Случайно обнаруженное любопытнейшее дело (случайно потому, что, казалось, к Янушкевичу оно не имеет отношения) проливает некоторый свет на обстановку, в которой жили и работали «политические преступники». Дело это называется «о запрещении политичес-

ким ссыльным делать фотопортреты, начато 28 января 1846 года, окончено 19 июля 1846 года»²⁰. Все документы дела помечены грифом «секретно». Начинается издалека: генерал Вишневецкий сообщает о том, что «некий отставной инженер-поручик Давинсон в проезд свой через Томск, снимал посредством дагерротипа портреты поселенцев из политических преступников...»²¹ Очевидно, это дало толчок к тому, чтобы ссыльные завели дагерротипы и, снимая портреты, стали посылать их своим далеким родственникам, «обращая на себя неуместное внимание», – как говорится в одном из документов дела, поскольку этот вопрос поднимается дважды – второй раз по требованию шефа корпуса жандармов в Петербурге!

Следует «справка», что в Управлении на службе состоит только один «государственный преступник» – Янушкевич. И вот уже экзекутор Пограничного управления, некий Стерлегов, «по секрету» сообщает в своем рапорте:

«Вследствие указа оного Управления от 31 января за № 26 осматривал я в квартире служащего в Пограничном управлении канцеляриста Янушкевича и высказанных в указе как портретов его, равно и принадлежностей дагерротипов, не нашел, о чем Пограничному управлению имею честь донести»²².

Вопрос этот, как видно из переписки, поднимался не раз, ставился; на заседании присутствия и, в конце концов, раз у Янушкевича

²⁰ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 58.

²¹ Там же, л. 1.

²² ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 58, л. 5.

¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1.

ничего не найдено, то, чтобы он «имел об этом в виду и на будущее время, о том у него отобрана подписка». В конце цитируемого документа, после подписей членов присутствия, мелким почерком: «читал канцелярист Янушкевич»²³.

Омская городская полиция несколько раз в году представляла сведения о «политических преступниках», поэтому в делах указанного фонда есть много весьма однообразных сведений о Янушкевиче. Писали каждые четыре месяца одно и то же, видимо, и самим чиновникам надоело писать то же самое без конца, поэтому случались забавные ошибки и опiski. Вот, например, в деле, где хранятся формулярные списки чиновников Пограничного управления «сибирскими киргизами» за 1846 год, есть сведения об Адольфе Янушкевиче, а на обороте листа на вопрос графы, «из какого звания происходит», твердым канцелярским почерком записано: «Из политических преступников»²⁴.

Найденные в архиве материалы не только хорошо дополняют уже имеющиеся сведения о жизни и судьбе Янушкевича, но и, как мы увидим несколько далее, удостоверяют то, что он сообщает в своих записях.

Письма Янушкевича к родным и друзьям перемежаются дневниковыми записями. Это разнообразит книгу, письма позволяют вводить обращения, доверительный тон, что сообщает повествованию особую интимность, порой юмористическую окраску: он частенько подсмеива-

²³ Там же, л. 12 об.

²⁴ Там же, д. 4174, л. 824

ется над собой и над друзьями. В дневнике же Янушкевич как бы разговаривает сам с собой, дает оценку действиям царской администрации, русским чиновникам и богатым казахским аристократам, сочувствует бедным казахам-труженикам, с которых снимают шкуру и баи, и царские чиновники.

Вначале Янушкевич настроен несколько идиллически. Пройдя пешком через крепостную Россию, насмотревшись на страдания рабов, которые были просто вещью, собственностью богатых бар, он вдруг увидел свободно (как ему казалось!) разъезжающих по бескрайним просторам степей пастухов! Такая жизнь показалась ему поначалу просто раем! Но вскоре он увидел, что это далеко не так, что среди казахов есть бедные и богатые, что внутри племен идет междоусобная борьба.

С большой симпатией относится Янушкевич к простым пастухам, или, как он пишет, «номадам», находит у них богатые природные задатки, хотя видит и свойственные им недостатки. Он твердо надеется, что казахский народ в будущем займет «почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз»²⁵. Борясь против русского царизма, глубоко ненавидя его, он вместе с тем прекрасно понимал, что только вместе с русским народом казахи могут развивать прогресс и культуру, что вступление в российское подданство – лучший выход для казахов Большой орды, которым постоянно

²⁵ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 2, стр. 98.

докучает их мятежный соплеменник султан Кенесары Касымов.

Особой выразительности достигает Янушкевич, рисуя колоритные образы родоначальников казахских племен, народных батыров, воспетых в фольклоре, таких, как султан Барак, поэтов-песенников Орынбая и других. Очень интересно, порой с некоторым сочувствием, показывает он отца великого Абая, Кунанбая, восторгаясь его великолепной памятью, вместе с тем видя его невежественное суеверие, хитрость и двуличие. Ему импонирует то, что Кунанбай из простонародья, что стал богатым наперекор султанам, кичащимся своей родословной от Чингисхана, и достиг могущества в результате своей одаренности.

Живо и непринужденно ведет свой рассказ Адольф Янушкевич, прибегая иногда – для большей точности своих записей – к переводческому мастерству толмачей. И хотя он сам неплохо знает казахский язык, он все же при помощи толмачей записал примечательное соревнование между двумя певцами степей – Орынбаем и Джанаем; с большим уважением рассказывает он о старом, всеми забытом, а когда-то широко известном поэте Тюбеке; он записал и передал прозой рифмованные строчки слепой поэтессы Джазык, весьма нелестно отзывавшейся о царских чиновниках и султанах своего племени, вместе угнетавших простой народ. По всему видно, что Янушкевич питает пристрастие к народному творчеству: легендам, песням, сказаниям – и с удовольствием записывает их в

своем дневнике. Ярко и красочно описывает он байгу, устроенную в честь присоединения пяти племен Большой орды к России.

Большого мастерства достигает Янушкевич в описании природы. Пустыни, реки, озера, леса и особенно горы все время привлекают его внимание не только как любознательного человека, но и как художника. Кусты и травы, деревья и скалы, пение птиц, журчание ручьев, блеск молний и сияние радуг – для всех явлений природы и населяющего ее мира находятся в его палитре щедрые краски.

И все это освещено великим светом гуманной души, ибо Янушкевич никогда не остается сторонним наблюдателем, а весьма активно вмешивается в то, что вокруг него происходит, и потом, всегда немножко с юморком, дает оценку многим событиям, своему поведению. При этом он часто привлекает латинские или французские слова и целые устойчивые обороты, готовые изречения, высокая серьезность которых приходит в полное противоречие с исполненным житейского обычного смысла явлением или поступком. Любитель поэзии, он часто цитирует стихи известных авторов, чтобы выразить переполняющий его душу восторг или страдание.

Все это делает дневники и письма Янушкевича неповторимым в своем роде произведением. Отпечаток его замечательной личности хранит вся книга. И нашим современникам доставит большое удовольствие знакомство с ним, а его высокие моральные качества и эрудиция вызовут к нему уважение.

Но всегда ли прав Янушкевич в своих действиях и поступках, верна ли его оценка исторических событий и лиц, которых он встречает в степи. Вот именно здесь и необходим конкретно-исторический подход к подобному свидетельству современника тех далеких событий первой половины XIX века.

По своему миропониманию Адольф Янушкевич – революционер, активный участник польского восстания 1830 – 1831 гг. Что представляли собой эти польские события, как их расценивать?

Убедительный ответ на эти вопросы дают работы классиков марксизма-ленинизма. В.И. Ленин в статье «Национальный вопрос в нашей программе», детально освещая польский вопрос, писал, что у Маркса мы можем найти правильную и подробную его характеристику. Говоря о революционных настроениях в Польше первой половины XIX века, «Маркс ссылался на особые социальные условия, в силу которых «Польша сделалась революционной частью России, Австрии и Пруссии... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократически-аграрной революции. Польша была уже очагом европейской демократии...».²⁶ И, резюмируя вышеприведенные в своей статье высказывания К. Маркса из его статей, напечатанных в «Новой Рейнской газете» в 1848 году, В.И. Ленин говорит:

²⁶ В.И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 6, стр. 415.

«Тогда революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы... Тогда полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. Тогда Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии».²⁷

Адольф Янушкевич был подлинным демократом своего времени, представителем именно такого революционного дворянства, с оружием в руках выходившего против российского самодержавия. Конечно, многого из того, что он наблюдал в Сибири и в казахской степи, он просто не смог понять по причинам исторически объективным. Тем выше мы оцениваем сегодня стремление Янушкевича помочь незнакомому ему народу, его желание быть объективным судьей, гуманным, доброжелательным из самых широких демократических побуждений.

Вместе с тем ненависть к царскому самодержавию, угнетавшему его горячо любимую отчизну, ненависть, к которой примешивалась всегда и глубокая неприязнь из-за личного горя, поскольку он был насильно отторгнут от семьи, друзей и привычной жизни, порой заглушала в его душе голос рассудка. Тогда он без конца рассуждает о высоких моральных и деловых

²⁷ В.И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 416.

качествах своих соотечественников, польских революционеров, эмигрантов и ссыльных, живущих в Сибири (и не всегда его доказательства повисают в воздухе!), не замечая их недостатков или стремясь простить и оправдать их, особенно в сравнении с худшими представителями царской администрации.

К чести Адольфа Янушкевича моментов не объективности в книге не так уж много, не так часто он выступает пристрастно, чаще в своих суждениях он стремится к объективности.

Характерно, что многие сведения из книги Янушкевича подтверждаются данными Центрального государственного архива Казахской ССР.

Например, когда во время съезда на Лепсе стал обсуждаться с вождями племен Большой орды вопрос о мятежном султানে Кенесары Касымове, то, как пишет Янушкевич, «пришли к тому, что помощи против Кенесары они не обещают, но поручились, что с ним не соединятся, и что он, увидев это, должен будет уйти от них. Стало быть – мир, и вся наша экспедиция закончилась без кровопролития»²⁸.

В архивных делах Пограничного управления «сибирскими киргизами» имеется документ, который подтверждает эту запись Адольфа, а именно:

«1846 года июня 23 дня, мы нижепоименованные султаны и бии Большой орды родов: дулатовского, абдановского, сивановского, чапрашевского и джалаирского, приложили

²⁸ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 2, стр. 145-146.

свои печати и тамги в том, что по единодушном совещании нашем обще с старшими султанами Каркаралинского, Аягузского и Кокбектинского округов, в присутствии состоящего в должности пограничного начальника сибирских киргизов г. генерал-майора и Кавалера Вишневого мы положили с неколебимою твердостью: мятежного султана Кенесару Касымова и его приверженцев, пришедших на наши места, как нарушителя общественного спокойствия, считать врагом нашим, не иметь с ним никаких сношений, и, чтобы как он, Кенесара, так и его приверженцы, не находились на занимаемых нами местах; если же теперь, а равно и по удалении его от нас, заметим или услышим о враждебном его предприятии против киргиз Средней орды и особенно близлежащих округов, то обязуемся тотчас извещать их Для предупреждения злодейских покушений мятежника»²⁹.

В дневниковой записи от 4 июля (23 июня по старому стилю) в книге Янушкевича мы находим такое сообщение: «Сегодня было заключено соглашение между киргизами Большой и Средней орды, чтобы жили между собой в согласии и мире»³⁰.

В том же архивном деле хранится копия документа от 23 июня 1846 года, где говорится о том, что «Большой орды султаны и бии родов дулатовского, абдановского, сивановского, чапрашевского и джалаирского, единодушно» пришли к ряду постановлений, в том числе:

²⁹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 5085, лл. 5 и об., 6.

³⁰ Жизнь Адольфа Янушкевича, т. 2, стр. 144.

«Будущее время обязуемся не делать между киргизами Средней орды противозаконных поступков, барантов, грабежей и краж и свято сохранять заключенную дружбу и мир между обоими народами»³¹.

Таких подтверждений можно найти немало. Это свидетельствует в пользу автора записок. А с другой стороны, обнаружение в делах Омской полиции и Пограничного управления многочисленных записей и документов о Янушкевиче как бы придало его образу, такому далекому и туманному, черты ясности: он становится реально ощутимой личностью.

Особенно живым представляется он тогда, когда описывает все мелочи трудного похода, в котором участвует, называет пункты, где экспедиция останавливается на ночлег или отдых, подробно обрисовывает их, высчитывает, сколько верст пройдено, сколько осталось пройти...

Все это упрямо наводило на мысль: а где же именно прошла эта экспедиция, по каким местам? Ведь тогда на юг от Аягуза не было ни городов, ни поселков, только более или менее длительные стоянки казахских племен... И чем дальше к горам Ала-Тау, тем пустынее были места... Можно ли руководствоваться географическими названиями, которые приводит Янушкевич, можно ли проложить его маршрут на современной карте Казахстана?

* * *

Для выполнения этой задачи летом 1965 года мной была предпринята поездка по местам, где

³¹ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 5085, лл. 7 и об.

предположительно прошла экспедиция генерала Вишневецкого. Особенно заманчивым представлялось решение такой исторической загадки: где-то на реке Лепсе, в таинственном урочище Ой-Джай-тау произошло присоединение пяти племен Большой орды к России. Ни на одной карте не было названия этого урочища. Так где же все-таки произошло это присоединение? Пусть даже после этого события прошло 120 лет...

Наносить на карту маршрут, данный лишь в описании человеком в этих местах чужим, как пришлось убедиться, — дело очень и очень сложное.

Начало маршрута от Омска через Семипалатинск к Аягузу интереса не представляло: путешественники ехали проторенной дорогой, трактом, по которому возили почту и указы начальства в Приказы Средней орды. Дальше места шли совсем глухие — старые караванные тропы на Кульджу, на Чугучак, а чаще вовсе бездорожье.

Сильно затрудняла дело неточность географических названий; книга набиралась с листочков, написанных весьма неразборчивым почерком автора³². Выправлять корректуру книги было некому: Адольфа давно не было в живых.

Приведу хотя бы такой пример. Между реками Каракол и Урджар Янушкевич называет реку Игеу-су; на самом же деле эта река называется

³² Польский историк литературы Я. Одровонж-Пененжек, получивший доступ к парижским архивам Янушкевича, рассказывал, что он сидел, часами уставившись в одно слово, разбирая его по буквам.

Егинсу. Автор записок упоминает реку Чынчылы, а речь идет о реке Чинжала.

Таких расхождений много, они доставили переводчику особенно много неприятностей при расшифровке названий казахских родов.

Из Аягуза экспедиция шла, как уже было сказано, на юг, «оставив справа реку Аягуз, текущую к озеру Балхаш»³³, и вышла к горе Чингужи (современный населенный пункт Шингожа), где и стала на ночевку. На второй день перешли через речушку Аи и вышли к источнику Карабулак. Действительно, и речка Аи, и источник Карабулак в верховьях реки Каракол есть на карте. У источника они провели вторую ночь. Тронувшись в путь на следующее утро, они «увидали слева Тарбагатай, а прямо перед собой – горы Ала-Тау».

Янушкевич восторгается открывшимися картинами. Правда, перед путешественником встают в далекой дымке, словно призрачные, воздушные серебристые вершины Джунгарского Ала-Тау. Величественное зрелище! Слева мрачно насупились стоящие какими-то большими глыбами Тарбагатайские горы. Где-то здесь, по-видимому, проходила экспедиция генерала Вишневого. Как она пошла дальше? Что касается нас, то выбирать нам было не из чего: автомобильная дорога уходила немного вправо, по западному берегу Сасык-Куля, далее – по краю песков Сарыкум к отрогам Джунгарского хребта. В конечном счете, дорога выводила к реке Чинжала, куда вышла и экспедиция.

³³ Все эти коротенькие цитаты даются из текста книги, читатель в этом легко может убедиться, поэтому сноска не даем.

То ли за 120 лет произошли изменения, то ли сместились у людей понятия из-за проложенных асфальтированных дорог, но только, по моему мнению, которое я здесь высказываю не без тайной робости, вопреки мнениям местных авторитетов, экспедиция, перейдя реку Каракол, пошла влево, северо-восточнее камышей Сасык-Куля, устремляясь к перешейку между озерами Сасык-Куль и Ала-Куль.

Дело в том, что при обсуждении с местными товарищами возможных путей экспедиции было выдвинуто три варианта перехода участка пути от реки Каракол к предгорьям Джунгарского хребта. Именно:

I. Переход северо-восточнее обоих озер, в районе Джарбулака, по мертвым пескам. Не доходя до Джунгарских ворот, участники должны были пересечь старую кульджинскую тропу, а там – по ущельям, мимо источника у подножия одной высокой горы – к верховьям Лепсы.

Этот вариант скоро отпал, так как при просмотре этого района сверху стало ясно, что таким трудным путем они не могли пройти, да и расстояние почти вдвое длиннее указанного в сводке.

II. От Каракола – северо-восточнее озера Сасык-Куль, мимо Уялы-Куля по перешейку, мимо западной оконечности озера Ала-Куль; далее на юг, забирая чуть на запад.

Этот вариант был встречен возражениями из-за полной якобы непроходимости около озера Сасык-Куль, где много камышей. «Там и машины-то не ездят никогда!» (А если верхом? А если 120 лет назад?).

III. От Каракола, не переходя его, – к востоку, по камышам возле западной оконечности Сасык-Куля, откуда они увидели единственный остров Арал-Тобе, а потом пошли по краю песков Сарыкум до горы Сайкан. Этой Дорогой я ехала на машине в жаркий июльский день.

Сайкан маячила вдалеке за синей дымкой, словно призрак на краю пустыни.

И вначале я согласилась с этим третьим вариантом, который действительно предлагали мне местные товарищи. Но тогда, значит, Янушкевич не видел Ала-Куля, видел только Сасык-Куль?! А разве можно написать такие строки, какие он написал об этом озере: «За его величину и великолепие мы утвердили почетное звание «тенгиз», данное ему киргизами!»

После долгих раздумий я пришла к выводу, что самым правильным является второй вариант, то есть, что экспедиция прошла по перешейку между озерами. Конечно, и у этого варианта есть, как сказал бы сам Адольф Янушкевич, свои «pro» и «contra»!

Вот что сообщает он о третьем дне путешествия:

«После четырех часов марша отдыхали над Караколом, речкой в прекрасной зеленой долине». Но уже появились «солонцы, следы отступления моря, которое нынче представляют ала-кули (озера)». Я привожу слова эти, как говорится, с дальним прицелом. Очевидно, для Янушкевича в силу и тогда существовавшей теории все эти «ала-кули» были когда-то одним большим озером, морем... Далее мы читаем: «С

часу до восьми на марше», то есть они идут, не отдыхая, семь часов, что с пройденными до привала четырьмя часами составляет 11 часов пути. Заночевали в «камышках Ала-Куля». Точнее, вероятно, Сасык-Куля.

На четвертый день начинаются, пожалуй, с точки зрения защиты второго варианта пути самые интересные заметки. Янушкевич пишет, что «баши хотел провести нас ближайшей дорогой, то есть через камыши, но так завяз в болоте, что едва смог выбраться... Он не растерялся и объяснил все тем, что море увеличилось, потому что сорок лет назад он не только само болото, но и брод переходил не один раз без всякого ущерба. Поэтому, не тратя времени, мы подались более длинной, но вполне надежной дорогой, мимо дебрей камышовых зарослей, обход которых занял у нас пять часов». Обход! Назад они не возвращались, поэтому и попасть на западный берег Сасык-Куля не могли. Да и расстояние не позволяет нам сделать такой вывод: ведь они шли только пять часов. Нет основания и не верить бывалому человеку – баши, который говорит об изменениях, произошедших возле озера за 40 лет. А что произошло за 120?!

Следовательно, обойдя с севера камышовые дебри, двигаясь к востоку, путешественники вышли прямо к озеру Ала-Куль, очевидно, где-то в районе нынешнего поселка Рыбачье, ниже его к югу.

Что касается «брода», то именно это слово наводит на мысль, что они шли по перешейку. Там сейчас протоки, соединяющие озеро с речкой Урджар и между собой.

Когда путешественники выскочили к озеру, оно ошеломило их своей красотой. Такое впечатление они могли вынести лишь от озера Ала-Куль. И хотя я смотрела на озеро с другого пункта – из Джарбулака, все равно оно великолепно, ходят по нему огромные волны, украшенные белыми гребнями, песчаный берег, крутой обрыв к песку, вдали скалистый остров. Все это делает весь пейзаж похожим на приморский, тем более, что противоположного берега озера совершенно не видно!

Янушкевич пишет, что они увидели «единственный остров, несущий на своих плечах дикую мрачную островерхую гору Арал-Тобе...».

На Ала-Куле два острова. Но с той точки, откуда глядел Янушкевич, он видел только один – Улькен, который полностью закрывает второй остров. Потому что на Сасык-Куле хотя и «единственный» остров, он совершенно плоский. Никакой островерхой горы на нем нет.

Но вернемся к Янушкевичу. Уставшие люди, верблюды и кони спустились «на берег доступного в этом месте Ала-Куля», здесь они купались в озере и отдыхали перед переходом через пустынные места.

Пожалуй, лучшим доводом «рго» этого варианта маршрута является совпадение расстояния, пройденного экспедицией с километражем пути, проложенного по этому описанию на карте. Ведь расстояние не может ни увеличиться, ни сократиться, хоть пройдет тысяча лет. Сводка, помещенная в дневнике от 20 июня 1846 года, содержит такую запись:

«3. Над рекой Каракол – 24 версты. Мимо камышей Сасык-Куля, около Уялы-Куля, а в общем около Ала-Куля – 42 версты.

4. Обход камышей до Ай-Тобе – 24 версты. До источников в ущелье у горы Сайкан – 60 верст».

Указанные здесь пункты никогда не могли бы быть названы, если бы экспедиция прошла по западному берегу озера Сасык-Куль.

Может быть, единственным «темным местом» этого варианта является то, что Янушкевич нигде не упоминает реку Тентек, не говорит о переправе через нее, хотя, идя этим путем, они должны были ее совершить. Можно только предполагать, что здесь упоминание этой реки просто опущено, поскольку дневниковые записи приведены в книге не полностью, а по выбору издателей, вполне случайному. В сводке упоминается река Чинжала, являющаяся притоком Тентека, и впадает она в него в тех местах, где они по этому варианту появились, идя от озера Ала-Куль. Янушкевич мог принять нижнее течение Тентека за реку Чинжалу.

Пустыни, как ее описывает Янушкевич, в этих местах теперь (я подчеркиваю «теперь») нет, местность, однако, очень грустная, много могильников, о которых он упоминает, солонцы. Переночевав у подошвы горы Сайкан, путешественники поехали по левому берегу реки Чинжала, красивыми местами, и спустя несколько часов, после 50 верст пути, стали на ночь. С утра, повернув от реки, прошли урочище Каргалы, а оттуда, отмахав еще 20 верст, вышли к месту будущего лагеря в урочище

«Ой-Джай-тау» на реке Лепсе. Ох уж это «Ой-Джай-тау»! Сколько мучений мне доставило это географическое название, не показанное ни на одной карте, даже очень старой, даже очень крупномасштабной! И ведь никто из местных старожилов такого названия и не помнил.

Путешествие «по следам Янушкевича» привело меня на Лепсу, в район селения Лепсинск, лежащего в прекрасной долине, по которой многочисленными ручейками весело бежит Лепса. Долина показалась мне особенно красивой, когда я поднялась на перевал, ведущий в урочище Уйгентас. Глубоко внизу виднелись домики, окруженные полями цветущего сейчас бледно-сиреневого, почти белого, мака, то тут, то там сквозь густую зелень цветов и деревьев проблескивала река, вдали вздымались голубоватые заснеженные хребты Джунгарского Ала-Тау. Как все похоже на то, что описывал Янушкевич!

С книгой в руках я бродила по берегам Лепсы, словно река могла мне что-то подсказать... Но подсказала мне сама книга Янушкевича. Вчитываясь снова и снова в текст, я вскоре обратила внимание на то, что в одном географическом названии есть ошибка. Адольф сообщает, что неподалеку от стоянки экспедиции в Лепсу впадает река Ахана-Катла. На самом же деле река эта называется Агыныкатты! И тут меня словно осенило: а нет ли подобного рода ошибки в замучившем меня названии урочища? Дело в том, что написание польской буквы «Т» и твердого «Л» очень сходно, а если у человека

неразборчивый почерк, то вообще невозможно будет разобрать, какая из двух этих букв написана. И если ошиблись в слове «Агыныкатты», написав вместо «Т» букву «Л», то разве не могло случиться наоборот? А если исправить ошибку, то получится «Ой-Джайлау», то есть «Низкое пастбище». А в этом есть смысл!

Вернувшись в Лепсинск, я подошла на улице к очень древнему на вид старику и спросила:

– Аксакал, это место раньше как называлось?

– Это? Лепсинск.

– Нет, раньше. Давно?

– Старики говорили «Ой-джайлау»... «Чубар-агач ой-джайлау»...

Так вот где 120 лет назад стоял лагерь экспедиции, вот какой долиной восторгался Адольф Янушкевич!

И я уже по-новому осмотрела место, лежащее вокруг меня. И сразу стали находиться доказательства правильности моей догадки. Обратимся к книге Янушкевича:

«Над нами горы, покрытые пихтой, березой, тополями; в ущельях яблони, джигида, иргай, разные кусты с ягодами (чубар-агач!). По над этими горами еще более высокие, покрытые сосновым лесом, а над ними возвышаются еще одни – в облаках, где царит вечная зима. Перед нами Лепса, журчащая по камням в несколько русел. Всюду трава по колено» (Ой-Джайлау!).

Второе, очень важное свидетельство. Янушкевич пишет, что ездил на прогулку к месту впадения реки Агыныкатты в Лепсу, и Лепса уходит там в скалистые горы. Сейчас местные

жители называют эти скалы, куда устремляется Лепса, «щеки». Здесь удивительно красиво, «щеки» находятся в 6 – 7 километрах от Лепсинска. Это совпадает с сообщением Адольфа, пишущего, что он проехал около 15 верст (туда и обратно).

Описывает автор еще одну прогулку – в верховья Лепсы. Он утверждает, что деревья там в несколько обхватов. И правда, жители Лепсинска говорили мне, что село построено из леса, срубленного именно в верховьях Лепсы. И сейчас там растут огромные деревья.

Выйдя как-то утром на прогулку, Янушкевич заметил, что «казак копал печку, и я увидел состав земли: чернозем на глине». В Лепсинске слой чернозема лежит действительно на глине.

Косвенные подтверждения этим предположениям, которые, впрочем, дороже всяких прямых, нашлись в интересной книге известного писателя Сергея Маркова «Идущие к вершинам». С. Марков пишет, что в этих местах в 1856 году (десять лет спустя после Янушкевича) побывал Чокан Валиханов. Он ехал из другого пункта, переправившись через реку Теректы (ее также упоминает Янушкевич, который туда ездил на прогулку) и уже известную нам Агыныкатты. С. Марков в своей книге пишет: «От Теректы надо было преодолеть несколько пологих перевалов, прежде чем начать спуск в долину реки Лепсы, где раскинулась окруженная горами Чубар-Агачская станица – будущий Лепсинск... Чубар-агач был основан за два года до приезда Чокана сотней десятого казачьего полка. Затем в долину

пришли триста семей тобольских крестьян. В 1856 году поселение продолжали строить»³⁴.

Можно считать, что пока селения не было (во времена приезда туда Янушкевича), местность называлась «Ой-Джайлау», а со времени создания поселения стали называть «Чубар-Агач».

Перед самым приездом экспедиции в Ой-Джайлау туда прибыл отряд офицера Бозачинина с двумя артиллерийскими орудиями (пикет). Не потому ли маленькая речушка на левом берегу Лепсы, у подножия гор, называется сейчас Бикетка?

В урочище Ой-Джайлау была еще летняя кочевка султана Буленя; об этом мы находим упоминание у Янушкевича: «Стали на берегу чарующей Лепсы, у султана Буленя...» Не потому ли маленькая речка под горой называется Буленька? Во всяком случае, старожилы не знали, почему она так называется, но со мной согласились.

Итак, нынешний Лепсинск – это то самое урочище Ой-Джайлау, где 4 июля 1846 года произошло добровольное присоединение к России пяти родов Большого жуза.

Отсюда несколько недель спустя после прибытия вся экспедиция тронется в обратный путь. Потом она разделится на два отряда: одни во главе с генералом поедут прямо домой, а другие во главе с Виктором Ивашкевичем отправятся к Тарбагатайским горам, к китайской границе. Каким путем они пойдут? Трудно сказать. Здесь только стоит привести в защиту второго варианта пути экспедиции к Лепсе слова

³⁴ С. Марков. Идущие к вершинам. Алма-Ата, 1963, стр. 76

из книги Сергея Маркова, который пишет, то «из Чубар-Агача к Ала-Кулю не было иного пути, как на урочище Кызыл-Джар, реку Чинжалу и Тентек... За горами Сайкан барханами и гладкими солонцами лежали плоские берега Ала-Куля, разделенного перешейком на два озера – Западное и Восточное»³⁵.

Если не было другого пути, значит, они шли туда и обратно по одному маршруту. Сейчас об этом говорить трудно. Во всяком случае Янушкевич пишет брату: «Мы поедем мимо озера Ала-Куль на вершины Тарбагатая».

Поэтому через некоторое время он очутился в пустынных местах, где протекали реки Каракол, Егинсу, наконец, Урджар, несколько его русел, протекавших по пустыне. Что там теперь?

Теперь в том месте, где Янушкевич переезжал одно за другим несколько, русел Урджара, большой районный центр Урджар, к которому ведет чудесное, осененное тенистыми деревьями шоссе. В самом центре кипит стройка, на улицах много машин, подъемные краны.

Всюду, где раньше была пустыня, бесплодные пески, там лик земли изменился: едешь не по караванной тропе, а по бетонированной дороге, вдоль которой сплошь да рядом волнуются хлеба, высоко в горах светят белые юрты, где по вечерам люди собираются послушать радио. Днем на пастбищах ходят отары, колхозники косят высокие травы, тяжелые молоковозы спускаются в долины со своим грузом...

И теперь не нужно дня, чтобы пересечь пустыню Дала, а всего один час на машине по

³⁵ С. Марков. Идущие к вершинам, стр. 76.

хорошей дороге. А из районного центра Андреевка, расположенного на реке Чинжала, добраться до Лепсинска можно за два часа. Селение Лепсинск, уютно расположившееся в Ой-Джайлау, – это беленькие домики и большие дома, где помещаются правление совхоза, библиотечный техникум, магазины, школа.

Чокан Валиханов писал в 1856 году: «Чубар-Агач – едва ли не лучшее место в хозяйственном отношении во всей юго-восточной половине степи»³⁶.

Благодатный край! Недаром им так восторгался Адольф Янушкевич.

Книга его – это прошлое казахских гор и степей, картина того, что было 120 лет назад, нарисованная рукой друга. И как всякое прошлое народа, который хочет расти и идти вперед, она должна быть ему дорога. Ведь теперь, 120 лет спустя, есть с чем сравнить, увидеть, как далеко ушли те, кому Янушкевич еще тогда предсказывал «почетное место» в кругу других народов. И даже тогда, когда картины, нарисованные автором, горьки и страшны, что ж, тем заметнее перемены к лучшему, свершившиеся за годы Советской власти.

Книга Янушкевича – произведение удивительное, привлекающее богатством чувств и мыслей самого автора, огромным самообладанием и мужеством человека, писавшего в условиях горького существования узника самодержавного режима. Она привлекает пылким свободолюбием, безусловной честностью, наконец, разнообразием интересов и познаний.

³⁶ Цит. по кн.: С. Марков. Идущие к вершинам, стр. 76.

Польско-казахские литературные и культурные связи, завязавшиеся в первой половине XIX века при помощи ссыльных польских революционеров, позднее были поддержаны великим казахским просветителем Абаем, посвятившим прекрасное стихотворение польскому пленному генералу.

В наше время эти связи окрепли. Польские писатели не раз бывали в красавице Алма-Ате, писали о Казахстане. Тадеуш Гождикевич, приезжавший к нам летом 1965 года, опубликовал в Польше серию статей, посвященных своей поездке в Казахстан, писатель и историк литературы Януш Одровонж-Пененжек, приезжавший осенью того же года, напечатал ряд интереснейших материалов, посвященных жизни и искусству казахского народа. На казахский язык переведены две поэмы Г. Зелинского «Казах» и «Степи».

Пусть эта книга А. Янушкевича станет в ряд с теми произведениями, которые способствуют дружбе двух народов.

Особую благодарность я хочу выразить Л. Ауэзовой, ныне покойному Е. Исмаилову, И. Андронику и А. Жовтису, которые своими советами помогли мне в работе над книгой, поддерживали в трудные минуты.

**ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА
ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО
КАЗАХСКИМ СТЕПЯМ**

ОМСК, 8 мая 1846 года. ПИСЬМО МАТЕРИ.

I

Еще несколько минут, и мы будем уже в пути. Экипаж, почтовые лошади, охрана из казаков – все готово. Только плач жены, детей и слуг товарища по путешествию и его собственные слезы задерживают нас в Омске.

Прежде чем он вырвется из объятий семьи, я успею передать тебе, дорогая мама, еще раз мой прощальный привет и поручить себя твоим благословениям.

Предстоит мне долгий путь, ждут меня на нем большие трудности, неудобства и, может быть, опасности. Ведь это путешествие совсем не похоже на то, которое я совершил несколько лет тому назад по цивилизованной Европе. Еду я нынче в совершенно неизвестные страны, в глубь киргизских степей, буду жить среди кочующей орды, с оружием в руках, переплывать реки на диком коне, взбираться на вершины гор, куда еще не ступала нога ни одного поляка. И все же это путешествие не тревожит меня нисколько: я предпринимаю его, доверившись богу, уверенный, что мой каждый шаг на этом пути будет охраняться молитвой лучшей из матерей.

Ты правь конем, ты правь моей ладьей, Ты будь моей надежною звездою!..³⁷

Еще раз прощай, милая мама! Прощаюсь со всеми вами, будьте здоровы!

³⁷ Байрон. Абидосская невеста. – Прим. перев. (В дальнейшем все примечания, где не обозначено, что это авторские, сделаны переводчиком).

СЕМИПАЛАТИНСК, 14 мая. ДРУЗЬЯМ
П., М., П.

II

Ay! Let me like the ocean-patriarch roam
Byron.

Если б я мог бушевать, как тот «патриарх моря!»³⁸ Желание это, которое уже много лет живет в моем сердце и не дает спать по ночам, кажется, наконец начинает сбываться. Говорю «кажется», потому, что действительно одной ногой уже стою у цели, но знаю по опыту, что все мои желания, мечты и надежды всегда рассеивал встречный ветер. Боюсь, как бы и на сей раз «железная рука слепого рока» (по напыщенному выражению известного вам Голуховского), с колыбели нависающая над моей головой, не вернула меня в Омск! Будь что будет, но сейчас очень похоже на то, что через несколько дней я буду плыть, как Ной по воде, по сухому океану киргизских степей.

Пускаясь в такое смелое начинание, я не простил бы себе, если б не написал старинным друзьям несколько слов, не попрощался бы с теми, кто уже пятнадцать лет разделяет мою судьбу, хотя я уверен, что, куда бы ни понесли меня быстрые волны этого океана, мысленно я всегда буду с вами. Но и вы мыслями будьте с путником!

Не думайте, однако, что целью моего путешествия является только желание поплавать по степи. О нет! Это было бы под стать како-

³⁸ Байрон. Абидосская невеста.

му-нибудь бедуину, фарису или английскому туристу, который хочет избавиться от сплина. Мне этого мало. Я хочу воспользоваться оказией, чтобы отыскать в киргизских степях вторую Ниневию.

Вам следует знать, что Рубругиз или Рюбругиз и Плано Карпини [1] в своих воспоминаниях или дневниках путешествия (которых я, правда, не имел чести читать, и читать, может быть, никогда не буду) утверждают (как меня в этом уверил один из омских киргизско-татарско-монгольских ориенталистов), «что за Волгой, в тридцати днях конного пути лежит большой город, монгольский Каракорум [2], столица Чингисхана [3], в которой они не только собственными персонами были, но еще и пили кумыс и каракумыс». Сегодня европейские ученые ломают себе головы над разгадкой вопроса: где стоял этот город, из которого властелин Азии метал свои молнии, как Юпитер с Олимпа? Одни считают, что Каракорум на берегах Енисея, другие – что над Сыр-Дарьей, Старым Яксартом Геродотов и Страбонов; самые ученые советуют искать его в пустыне Гоби, а если и там нет, то уж обязательно обнаружится на дне Байкала. Отсюда страшный шум, спор и крики, угрожающие миру во всех пяти частях света. Чтобы предупредить пролитие крови и чернил, основываясь на преданиях киргизов, которые, как наследники части монгольского государства, имеют право на лучшее знание дела и ясно утверждают, что «зимняя чингис-

ханская резиденция была в их степях»³⁹, я еду искать развалины этого мощного города и остатки трона великого возмутителя спокойствия. Вы не верите, что этого самопожертвования с моей стороны требует любовь к человечеству, и так уже довольно страдающему? А поскольку в библиотеках сибирской столицы, богатых только «Парижскими тайнами», «Вечным Жидом» и «Курсом философии преферанса», мало серьезных произведений, заклинаю вас во имя мира и будущих поколений – просмотрите тобольские книгохранилища и, если найдется в ваших льдах какой-нибудь мамонт вроде дона Рубругиза или синьора Карпини, немедленно высылайте мне выписки из их путешествий к чингисханской резиденции.

Нашли же Ниневию, почему бы мне не найти Каракорум?!

Будьте здоровы!

СЕМИПАЛАТИНСК, 17 мая. ПИСЬМО БРАТУ.

III

Дорогой брат! Уже несколько дней мы в Семипалатинске, и только Иртыш отделяет нас от киргизов. Иртыш, та мощная река, на берегах которой, на мерзлых останках допотопных жителей выросли холодный Тобольск и город ветров Омск, два знаменитейших города Сибири, окрестности которых некогда, по свиде-

³⁹ Поскольку здесь находятся Чингистауские горы. – Прим. автора

тельству Гумбольдта, заливали волны океана. Множество моих писем, написанных на берегах этой реки, уже хорошо познакомили тебя как с древними владениями Кучум-хана, завоеванными триста лет назад дротиком простого казака, так и с нынешней столицей генерал-губернатора Западной Сибири. Незнакомый еще тебе Семипалатинск, несмотря на то, что он меньше и скромнее по своим историческим памятникам и политическому значению, чем Тобольск или Омск, все же заслуживает упоминания, как пункт обширной торговли, которую Сибирь ведет с Китаем, Ташкентом, Кокандом, Бухарой, а также со Средней и Большой ордой киргизов. Семипалатинск, некогда областной центр так называемой Омской области, ныне принадлежащий к Бийскому округу Томской губернии, лежит в 1300 верстах от Тобольска и в 700 от Омска, при впадении речки Семипалатинки в Иртыш. Заложен он, а точнее, перенесен на это место во второй половине XVIII века, так как ранее, в 1716 или в 1726 году, укрепление того же названия было в 20 с лишним верстах ниже, и ему частые разливы Иртыша грозили полным уничтожением. Сегодняшний Семипалатинск, отстроенный на руинах старой крепости джунгаров, насчитывает до 7000 жителей, более всего татар, ташкентцев и бухарцев. Поэтому только одна церковь, но шесть или семь мечетей. Киргизский язык употребляется почти повсеместно. Даже прекрасная половина русского племени бегло говорит на нем, как наши дамы по-французски.

Здесь купцы за российские товары, привозимые из Ирбита и Нижнего Новгорода, получают из пограничных китайских городов Чугучака и Кульджи чай, шелковые материи, фарфор, разные мелочи. Из Ташкента, Коканда и Бухары – халаты, ковры, различные изделия из хлопка, рис, сушеные фрукты, а из киргизских степей – невыделанные шкуры лошадей, коров, овец, лис и других зверей, войлок и т. п. Вся эта торговля ведется с помощью верблюдов, многочисленные караваны которых выходят оттуда в мае, а возвращаются в декабре. Доходы здешней таможни доходят порой до 20 000 рублей с лишним. Среди запрещенных товаров первое место занимает опиум, который правительство не разрешает ввозить в Китай, так же, как и киргизскую соль не разрешается провозить в Сибирь, щедро снабженную этим даром природы. Два батальона пехоты, конная казачья артиллерия и пограничные казаки составляют гарнизон Семипалатинска. Здесь штаб командира казачьей бригады. Гражданская власть в руках городничего.

Климат Семипалатинска здоровый: зимние морозы, хоть и большие, но не бывают, однако, такими сильными и продолжительными, как в Омске. Летом досаждают несносная жара, особенно оттого, что там сыпучие пески покрывают улицы города, но эту сторону африканской, можно сказать, неприятности, частично вознаграждают дыни, а более того – арбузы, совершенно неизвестные в других частях Сибири, тем более, что они великолепны. Несколько барж,

нагруженных ими, словно бомбами, прибывают в конце августа в наш Омск, богатый только репой и картошкой.

Семипалатинск еще тем счастливее Омска, что его окружают сосновые леса, доставляющие жителям в избытке материал для топлива и строительства; зверей и птицы в досталь; только хлеб гораздо дороже, потому что сторона лесная и песчаная. Промышленность города складывается всего лишь из нескольких кожевенных заводов и мельниц. На одной из последних видали мы мельничные камни, доставленные из-под Киева; за них на месте заплачено 500 рублей, вместе с доставкой обошлись они хозяину 1000 рублей ассигнациями. Это камни из весьма знакомой мне деревни Жорнищи.

В семи верстах от Семипалатинска, в романтическом месте, в долине, перерезанной ручьем, и частично на скате горы, одетой лесом, с вершины которой открывается великолепный вид на Иртыш, на киргизскую степь и тянущийся вдоль нее пояс Семитауских гор, находится так называемая «заимка», или хутор купца Попова. Это прекраснейшее из известных мне мест в Сибири. Чарующий оазис, как будто чудом перенесенный сюда из счастливых стран мира! Здесь мой взор, утомленный однообразием грустных пустынь и скучных пейзажей, с удовольствием приветствовал укромный уголок севера, где, кроме удивительного очарования самой местности, привлекают еще клумбы, покрытые самыми разнообразными цветами. Этот прекрасный уголок, хоть и не ухожен-

ный, как он того заслуживает, за неимением средств у нынешнего хозяина, перенес меня в иной край, где я был несколько лет тому назад... И несколько мгновений я мечтал... Здесь так хорошо, что, несмотря на мою неприязнь к шампанскому, особенно такому, каким обильно снабжается наша Сибирь, находясь в обществе его больших поклонников, выпил и я несколько бокалов Монтебелло, которое не только заставило меня расчувствоваться, но даже слезу уронить... Такова сила картин прекрасной возрождающейся природы! Ведь не может же быть, чтобы лишь название нектара, напоминающего великую победу, что как утренняя зорька перед восходом солнца блестит в истории перед еще более блестящей победой, одержанной на полях Маренго, или воспоминания о кровавом бое под Эсслингом были причиной моей повышенной чувствительности.

Но раз речь зашла о шампанском, должен тебе сказать, что не знаю, где его больше пьют: в Шампани, в любом другом месте пропорционально к населению (замечу, кстати, что последователи Магомета отдают ему большую честь) или в Семипалатинске? Представь себе, что в течение четырех дней, куда бы нас только ни приглашали на завтрак, обед, чай, кофе или преферанс, повсюду Клико, Монтебелло и Силлери заменяли квас и воду. Даже на мельнице и кожевенном заводе (за будущий помол и выделку кожи) тосты поднимали только шампанским! Наконец, вот тебе исторический факт: на свадьбе одного купца за здоровье молодых опорожнили 1500 бутылок!

Видел я здесь пять рогатых животных, которые на днях прибыли из Тибета, и, отдохнув немного после трудностей похода, должны идти

в Петербург. Животные эти невысокого роста, косматые, с широким коротким хвостом, известные в этих краях под названием «кудасов»⁴⁰ дают много хорошего молока. К редкостям, особенно привлекшим мое внимание, можно отнести также:

1) собственноручный рисунок Палласа, изображающий этого известного путешественника по Сибири разговаривающим с бурятами в их юрте;

2) несколько фраз, начертанных в одном альбоме рукой Гумбольдта во время его пребывания в этом городе;

3) несколько фазанов с берегов Балхаша;

4) несколько архаров с Аркатских гор;

5) маленькую римскую монету 101 года христианской эры. Вот все, что вместе с шампанским представляет старый и новый свет – Азию и Европу. Немного, правда, но разве недостаточно для этих далеких сибирских мест, лежащих на самом краю европейской цивилизации?

Прекрасная погода делает наше пребывание в Семипалатинске очень приятным. Его гостеприимные жители помогли нам забыть о холоде и трудностях, испытанных во время путешествия из Омска. Но вот приходит весть, что кони из ближайших киргизских аулов пригнаны и ждут нас на другом берегу Иртыша. Значит, завтра ставим крест на цивилизации, обрекаем себя на все неудобства, приключения и опасности кочевой жизни, но *fortes fortuna juvat!*⁴¹

Будь здоров!

⁴⁰ Автор имеет в виду яков.

⁴¹ *Fortes fortuna juvat* – храбрым всегда везет (лат.).

УРОЧИЩЕ КАК, 22 мая. ПИСЬМО БРАТУ.

IV

Милый Януарий! 19 мая, в час пополудни, закончив все наши приготовления к степному путешествию, мы подъехали к берегу Иртыша, который в этом году из-за скопления льдов поднялся до такой высоты, какой и не помнят жители Семипалатинска.. Один богатый киргизский купец, имеющий свой дом на другой стороне реки, в так называемой Тушкинской слободе, узнав о времени нашего выезда, специально приехал сюда для знакомства с Виктором и приглашения его на чай. После обычных для восточного приветствия фраз он сказал ему: «Если бы не слышал я о тебе столько хорошего, никогда бы не приехал тебя встретить; скажу тебе откровенно, что хотя и бывают у меня знатные лица – есаулы, полковники, генералы, я не привык ради них подниматься с места». После такого комплимента он сел в лодку и отплыл к себе. А мы, попрощавшись со знакомыми, Семипалатинском и Сибирью (прощание не обошлось, *comme de raison*⁴², без шампанского), взошли на паром, который содержат татары [4], и, несмотря на необычайно высокую воду, после часового плавания, значительную часть которого я проспал, высадились на киргизском берегу. Здесь мы застали табун коней для нашей колымаги и казаков, составляющих наш вооруженный отряд. Ожидавшие уже на берегу дрожки повезли нас к тому купцу, и

⁴² *Comme de raison* – разумеется (франц.)

мы провели у него около часу, гостеприимно потчуемые урюком, кишмишом, финиками и, увы! снова шампанским! Снова Монтебелло, вырвавшее туго забитую пробку и метнувшее ее за занавеску алькова, где укрывались скромные черноокие дочери последователей Магомета, с шумом полилось в высокие бокалы, и мы, несчастные, должны были опрокидывать их за здоровье хозяина, счастливое возвращение его караванов из Ташкента, наконец, за собственное здоровье и счастливую дорогу! После этой пирушки мы сели в повозку и пятерка киргизских коней понесла нас в степь по караванным путям, ведущим к Чугучаку, а киргизы и казаки, сопровождающие нас верхами, пустились вскачь. Невольно пришел мне на память мицкевичевский сонет:

Я выплыл на простор сухого океана...

Но продолжать я не мог, так как у Мицкевича дальше:

*Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав...*

Здесь было наоборот – во все стороны простиралась степь, желтая, ровная, заросшая лишь колючей травой и полынью. Повстречали мы, правда, несколько обработанных нив. Переменив три или четыре раза лошадей, которые, не будучи приспособленными к хомуту, после нескольких верст уставали и еле тащились,

к вечеру мы все же прибыли в первый аул, расположенный неподалеку от могилы Бозая, в урочище Караванкуль. За четверть часа нам поставили юрту, в которой – первый раз в этом году – пили мы кумыс [5], это киргизское шампанское, и под прикрытием ее колыхающегося купола провели первую ночь в степи.

Наутро шум стада, крик уток, перепелок и пение жаворонка разбудили меня еще до восхода солнца. Прежде чем встал Виктор, я вышел с ружьем к ближайшему озеру. Один из сопровождающих нас киргизов, бледный как мертвец, жаловался, что у него «курсак пропал», что должно было означать на его русско-киргизском наречии, что он страдает от страшных болей в желудке, и просил у меня лекарства. Но товарищи его утверждали, что ему никакое лекарство не поможет, так как он одержим дьяволом.

После моего возвращения с одной уткой съели на дорогу кусок баранины без хлеба и двинулись дальше: я в сопровождении своего флигель-адъютанта Амантая⁴³, а Виктор с волостным управителем Увак-Кереевской волости, почтенным стариком, сильно напоминающим еврейского раввина, Канаем, в повозке, что безмерно осчастливило нашего киргиза, который эту любезность Виктора расценивал как честь, высоко поднимающую его в глазах соотечественников, хотя это удовлетворение самолюбия обошлось ему очень дорого, потому что, как он сам потом с улыбкой признался нам с Виктором, он всю дорогу испытывал страшные

⁴³ Молодой киргиз, служащий у Виктора. – Прим. автора.

муки, поскольку не знал в своей жизни другой езды, кроме верховой...

Первый раз после шести лет сидячей жизни вскочил я на коня и в неслыханный зной пустился по степи. Амантай, не умея скрыть радости, что дышит свежим воздухом своей пустыни, скакал на своем жеребце то туда, то сюда, забавляясь, словно наш студент, едущий на каникулы. Я получил не меньшее удовольствие, несмотря на печальные мысли, которые при воспоминании о родной стороне теснились в моей голове.

Ехали мы по берегу озера Караван-Куль, на островках которого столько утиных, гусиных, лебединых гнезд, что нет свободного места для следа человека. Канай по этому поводу сделал замечание, способное поставить в тупик самого Жоффруа де Сент-Илера: «Как это птица, среди такого множества гнезд, сразу может попасть в свое?». Невдалеке за озером голубели горы Джельбиге-Тау, кое-где еще пестревшие от снега. Вязкий грунт трясин, известных в Сибири под названием «солонцов», сильно затруднял продвижение, особенно в это время года, и часто принуждал нас заезжать в аулы для перемены лошадей. Эти визиты не всегда приходились по вкусу киргизам. В одном ауле все население выразило по этому поводу свое неудовольствие нашему баши, который нас туда привел; прекрасный пол ругал его немилосердно. А один из старейшин выступил с такой речью: «Ну, что ты хорошего сделал? Нужно ли было доставлять большим господам столько неудобств

в такую-то жару? Обрезать их на жажду, ведя по дороге, лишенной хорошей воды, когда есть более короткая и лучшая?

Наконец после нескольких часов путешествия, переплыв быстрый Чар, мы остановились в урочище Как, среди кочевий айкимбет-сиванкереев. Тут нас приветствовал их волостной управитель Бейсеке, провел в большую, уже несколько дней как приготовленную юрту. Эта первая скачка меня так замучила, что, сойдя с коня и опрокинув в себя две китайские чашки кумыса, обливаясь потом, почувствовал нечто вроде дурноты... Я не мог удержаться на ногах, разделся до рубашки и, снова хватив кумысу, упал на кошму, думая найти отдых во сне, но чрезмерная усталость и жара долго не давали мне заснуть. Под вечер я, однако, почувствовал себя лучше, только руки и ноги мои, отвыкшие за столько лет от конной езды, невыносимо болели.

В сумерках мы стали готовиться к чаепитию, но сколь горьким было наше разочарование, когда Амантай вбежал с сообщением, что в водоеме, выкопанном в соленом грунте, кони и коровы так замутили воду, что ее нельзя наливать в чайник. Поэтому пришлось дожидаться ужина, во время которого Виктор, как большой знаток киргизского этикета, сердито выбрал меня за нарушение правил: я подставил руки под струю воды для мытья вместе с ним, а надо было, о чем я не знал, мыть каждому по отдельности, да не стоя, а присев на корточки. И вторая такая же важная ошибка: я вел себя, как голодный

пес, набросившись на еду, стал грызть бараний мосол, в то время как хорошо воспитанный человек должен обрезать его пшакком – ножичком, всегда специально для этого висящим на поясе у каждого киргиза. Несмотря на этот выговор, мне удивительно вкусным показались и тостик (запеченная на углях баранья грудинка), и куырдак (род зраз, поджаренных на бараньем сале), и бишбармак (мелко нарезанное баранье мясо, варенное в шурпе, то есть в супе из баранины), казы (конские колбасы), и тому подобные деликатесы киргизской кухни. Правда, ночью мне снились форшмаки, бифштексы, бламанже, желе и разные специи семипалатинских обедов, но ни эти воспоминания о цивилизованной гастрономии, ни даже безрезультатное нападение барантачей на табун коней нашего хозяина не сумели разбудить меня от глубокого сна, полностью восстановившего мои силы.

Когда мы после ужина закурили сигары, один любопытный киргиз спросил у Виктора:

– Что ты куришь?

– Сигару.

– Что это такое «сигара»?

– Скрученный табак.

– А сколько она стоит?

– 5 копеек.

– А сколько ты в день выкуришь сигар?

– Бывает, пятнадцать.

– О глупец! Лучше бы ты эти деньги в карман спрятал.

На такое *dictum acerbum*⁴⁴ ответить было нечего.

⁴⁴ *Dictum acerbum* – горькая истина (лат.).

Ранним утром завыл ужасный ветер и полил дождь, но около полудня небо прояснилось, а весеннее солнце почти в мгновение ока осушило размякшую степь. Я вышел из юрты оглядеть окрестности. О, как пусто и грустно, ни одного деревца поблизости! Только кое-где колючие кусты карагайника⁴⁵ и синеющий вдали Джельбиге-Тау разнообразили эту пустыню. Но если вид ничем не оживляемой природы наводил тоску, то, с другой стороны, толпа киргизов, прибывших из соседних аулов, отгоняла грустные мысли и бесконечно занимала меня.

Поводом этого собрания киргизов было дело, именно-для которого мы сюда и прибыли и которое я тебе кратко опишу.

Несколько киргизов от своего имени, а также от имени сорока пяти своих сородичей подали пограничному начальнику просьбу, жалуюсь, что Бейсеке, являющийся волостным управителем, угнетает и тиранит их, и добивались, чтобы вместо него позволили им выбрать старшину Койчубая. Пограничный начальник, желая удостовериться в справедливости этих жалоб, поручил Виктору разобраться на месте в существе дела и обратить особое внимание на то, не являются ли эти жалобы вымыслом Койчубая, который год назад домогался этой должности, но большинством голосов был отвергнут. Дело это отняло у нас несколько дней, потому что поднялись для борьбы две враждебные друг другу партии. Пробудились все интересы и

⁴⁵ Из рода стручковых, есть два его вида: один цветет розовыми, другой желтыми цветами. Повсюду употребляется для топлива.— *Прим. автора*

страсти. Каждую минуту выступали новые ораторы, и некоторые из этих степных демосфенов захватывали меня своей выразительностью и полной энергии речью. Старшина Токумбай и сам Бейсеке сгибались бы под тяжестью лавров, если бы жили в Древней Греции или Риме. Но чтобы ты имел более полное представление об этих публичных выступлениях, я бегло обрисую тебе все это.

Лишь только наша юрта наполнилась киргизами, Виктор открыл заседание соответствующей речью и, пересказав содержание поданной пограничному начальнику просьбы, спросил: «Кто ее сочинил и писал?» Все одновременно закричали, что автором ее является состоящий при Койчубае секретарь, молодой мулла. Последний подтвердил, что действительно он написал проект жалобы со слов старшин, которые на ней оттиснули свои печати, а плебс поставил свои тамги [б] (знаки родов, например, + ○ □ † и т. п.); на просьбе же, переписанной начисто, вместо тех и других он собственноручно приложил их печати и тамги. Сразу же несколько десятков киргизов, поименованных в просьбе, закричали так, что юрта дрогнула, что, не имея ни малейшей претензии к Бейсеке, никогда своих знаков не ставили против него, что некоторые из тех, чьи печати стоят на жалобе, уже лет десять как умерли.... После такого протеста один из старшин, человек среднего возраста, бедный, но благородной внешности, с быстрыми и черными как уголья глазами, по имени Токумбай, который до того времени молчал, не мог более

сдержатъ своего гнева и нетерпения, несколько раз сплюнув и потеряв ладони, встал и заговорил с огромным энтузиазмом, приписывая эту жалобу интригам Койчубая.

- Это твое дельце, Койчубай! Ты давно хочешь управлять нашей волостью, но мы, хорошо зная твои свойства, отвергли тебя... Сегодня ты снова хочешь насильно навязать нам себя... Чтобы посеять вражду, ты замутил мир между людей и потребовал расследования.

Это по твоей милости столько киргизов должны были бросить свои юрты, свои табуны, детей и жен, ехать в рабочее время из далеких аулов; некоторые даже пешком пришли. Все мы должны терпеть трудности и голод. Собрались мы тут и объели бедный аул, а им самим есть нечего. Это ты, обязательно желая стать нашим ел билеуши⁴⁶, помчался в Омск обивать пороги у пограничного начальника, Турдубека и Курбанака.⁴⁷ Это ты за Иртышом не жалеешь лести русским, а прицепив сбоку купленную за 20 рублей саблю и повесив на шею какой-то деревянный орден, хвастаешь и играешь перед киргизами роль какой-то важной персоны... О! Да я твоего покойного отца!..

Тут посыпался такой град «комплиментов», каких мое ухо еще никогда не слышало. Эта филиппика произвела мощное впечатление на слушателей. Токумбай выпалил ее с энергией и жестикуляцией, свойственной большим ора-

⁴⁶ Ел билеуши – волостной управитель. – Прим. автора.

⁴⁷ Первый – советник Пограничного управления со стороны киргизов, а второй – толмач при пограничном начальнике. – Прим. автора.

торам, раз даже передразнил Койчубая, как он лебезит перед российскими чиновниками, и закончил, воскликнув несколько раз: «О мурдар! мурдар!» (пакостник). Потом, немного переведя дух, обратился к народу и сказал: «Говорите, какие у вас жалобы на Бейсеке?», а поскольку все молчали, он крикнул:

- Что же это? Или вам Койчубай навозом рты залепил? Говорите!

Тут люди постарше отозвались:

- Все мы довольны Бейсеке и не хотим другого ел билеуши.

Койчубай же, разбитый молниеподобным нападением степного трибуна, видя, что его никто не поддерживает, только краснел, поминутно отстреливаясь одним, неизменным в устах этого киргиза, скверным ругательством. Однако победа его противника еще не была полной. Вскоре на поле боя вышло около пятидесяти киргизов, среди которых было трое старшин из партии Койчубая. Они начали жаловаться на Бейсеке. Поднялся страшный шум, все кричали разом, так, что пришлось вывести недисциплинированное собрание из юрты, и под открытым небом образовался круг, посреди которого сел Виктор, рядом с ним я, мулла и Канай, который, как управитель соседней волости и муж, повсюду уважаемый, играл роль посредника, старающегося примирить растревоженные умы.

Тут поднялась еще более страшная буря: одни кричали, требуя оставления Бейсеке, другие орали, домогаясь новых выборов. Когда оказалось, что невозможно утихомирить

разбушевавшиеся волны этого моря, и когда руководители партий заявили, что не все еще киргизы в сборе, Виктор отложил собрание на завтра, а тем временем они приказали, каждый от своей стороны, зарезать по кобыле. Посредник же принимал все меры, чтобы сблизить их между собой. Знакомый с этой дипломатической интервенцией увак-кереевского волостного управителя, Токумбай снова так яростно выступил против Койчубая, что тот сел перед ним, снял шапку и попросил у него прощения. Остаток дня и всю ночь продолжались шумные сборища и совещания – то под наметами, то в кустах *a la belle etoile*⁴⁸.

Назавтра собрание удалось начать лишь около полудня, так как народ, подкрепившись вкусными кусками бедных кобыл, спал как убитый. Снова образовался большой круг, но уже из одних только сторонников Бейсеке, так как вожди противной партии, сообразив, что большинство не на их стороне, решили выступить со своими жалобами позднее. Весь круг единогласно грохнул: «Мы довольны Бейсеке! Он наш благодетель. Хотим, чтобы и дальше он управлял нами!»

И хотя большая часть подписей фигурировала на просьбе, поданной против него, все, однако, объяснили, что подписи поставлены без их ведома и согласия. Вызванный статс-секретарь Койчубая, автор упомянутой просьбы, страшно смутился, когда Токумбай, введя его в круг, подводил ко многим киргизам и с гроз-

⁴⁸ Под прекрасными звездами (франц.)

ным выражением лица и искрящимся от гнева взором спрашивал: «Этого ты знаешь? Этого ты знаешь?» А он не только не знал их, но и видел-то их в первый раз в жизни и не мог назвать их имен. Бедняга словно язык проглотил, а когда Виктор вскользь сказал, что этот его поступок на основании такого-то параграфа права ... пахнет карабином, который ему придется таскать всю жизнь, он едва нашел силы на слабое оправдание, что во всем виноваты сами старшины, которые велели ему писать просьбу и класть тамги.

В упоении ходил Бейсеке среди собравшихся, пожимая каждому руку, как некоторые наши депутаты, избранные на второе трехлетие.

В то время, когда все это происходило, по другую сторону нашей юрты был создан кружок, составленный только из политических друзей Койчубая. Во главе их встал Ералы, старшина, завзятый противник Бейсеке, молодой, чрезвычайно интересный мужчина. Но напрасны были все его усилия предъявить какое-либо серьезно обоснованное обвинение Бейсеке. Все претензии, какие огласил тот кружок, были лишены основания и, видимо, выдуманы. Самым главным было: «Мы его не любим».

Тем временем посредник Канай степенно ходил со словами мира и согласия от одного круга к другому; каждую минуту казалось, что сейчас наступит мир, но вожди вновь вспыхивали и припоминали один другому давние обиды, сыпали тысячами колкостей и упреков, а когда и это было исчерпано, Койчубай начал кичиться

своими предками. Надувшись, словно павлин, он хвалился, что много сделал услуг Паше (царю), как, например, на заречной стороне, где сам обычно кочует, поставил мельницу, давал сено казачьим коням, не раз помогал деньгами крестьянам и казакам. На такую похвалу Бейсеке, разразившись смехом, ответил:

«О Койчубай! Отец твой ел русский тезек, а мой ловил и ел сурков; дадим же мир праху наших отцов, а поговорим лучше о себе. Когда ты был еще в пеленках, я уже крал коней, и у меня их крали; мой отец ничего не имел, а у меня теперь тысяча коней и красть я перестал, но приобретение их стоило мне трудностей, опасностей и риска для жизни. Когда ты, возя для русских сосновые бревна, получал разве что веткой по лбу, я свой лоб сто раз подставлял железу. Не в одной битве побывал! Гляди на мои раны: все они от айбалты! Я заслужил среди киргизов свою славу, и поэтому нынче их начальник. Спроси на этой стороне Иртыша, кто сильнее, кто смелее меня? Твои услуги, оказанные Паше, смешны. Если ты поставил мельницу – так тебе же от этого польза. Если дал каких-нибудь 20 фунтов сена для казачьих коней – это тоже не велика щедрость, я же для своих делаю, которым никто не помогает».

Тут, обернувшись к нам, он сказал: «Видите мой народ? Моих оборванных, ободранных; были бы они живы, если бы не я? Видели вы людей Койчубая? Бедные, голодные... кто их кормит? Никто! Спросите кого хотите от Семипалатинска до Бухтармы, кто такой Бейсеке?»

Все меня знают, все скажут, что я делюсь моим достатком со своими... Могут сказать: «Бейсеке – вор!» Но скажут также: «Бейсеке честный, Бейсеке порядочный, человечный!»

Судите же теперь сами, кто делает большую услугу Паше: я ли, кто платит ему ясак с тысячи коней 350 рублей ассигнациями, кормит киргизов, которые являются его подданными и благодаря моей помощи также платят ясак, или Койчубай со своей мельницей и сеном?»

Он замолк, и только несколько ругательств, все тише бросаемых своему противнику, долетело до нашего слуха. Но когда тот отозвался, что и он, как говорится, «не вылетел у сороки из-под крыла», что и он бывает в гостях у казачьего полковника, что его хорошо принял генерал и у него подарок от князя – трубка с чубуком... Бейсеке с запальчивостью прервал его: «Обнимайся, обнимайся, братайся со своими полковниками, генералами, князьками; я – киргиз и хочу всегда им остаться». Наконец, обернувшись к Виктору, он сказал: «Ты! Или выпусти из меня кровь, чтобы ни капли не осталось в жилах, или сдери кожу с Койчубая, так, чтобы на ней шерсть не росла. Иначе у нас никогда ладу не будет!» После этого энергичного нравоучения, основанного на не совсем лестном для моего друга предположении, что его суд можно превратить в застенок, Канай серьезным голосом произнес: «Слушайте! Я у тебя, Бейсеке, никогда не ел барана! И ты меня не угощал, Койчубай, в своей юрте! Я всего лишь ваш сосед, доброжелательный к обоим и

желаю мира между вами. Чего вам ссориться? Вражда приведет вас к гибели!...».

Используя обстоятельства, Виктор рассказал им сказку об умирающем отце, который, призвав своих сыновей, каждому из них в отдельности давал ломать прутик, что они с легкостью выполняли. Но когда он потом дал им сразу пучок прутьев, ни один из них ничего не смог сделать. Из этой сказки он извлек мораль. Ее азиатский дух произвел большое впечатление на киргизов. Сказку Виктора приняли с громким одобрением, крича «барекельде!» А Бейсеке, решив, видимо, выступить в подобном жанре, медленно произнес: «Я и Койчубай забросили каждый свою удочку в колодец... Сидим оба теперь над его краем... Время покажет, кто из нас вытащит щуку!» На наш вопрос, что означает этот колодец и удочка, он ответил: «Колодец – это ты, пулкундык (киргизы называют Виктора полковником), а удочка – пограничный начальник». Несмотря на то, что мне эти аллегории показались чересчур темными и глубокими (может быть, особенно потому, что я никогда не видел щуку в колодце), сказка, однако, очень понравилась слушателям, они осыпали его знаками своего удовлетворения, и оратор, возвращаясь на свое место, имел честь, как Тьер или Гизо, сходящий с трибуны, получить поздравления не только своих сторонников, но и со стороны оппозиции.

Я подумал, что на этом деле конец, как вдруг с растрепанными волосами, плача и стеная, в юрту вбежала старая киргизка, страшная, как

мегера, жалуясь на Бейсеке, будто его работник Байжан по приказу своего господина отнял у нее среди бела дня саукеле [7]⁴⁹ и фанзовую рубашку⁵⁰. Чтобы убедиться в справедливости ее жалобы, мы вызвали несколько десятков киргизов, среди них посадили Байжана и позвали ее, чтобы она его указала. Баба наша, несколько раз обойдя круг, выбрала совсем другого, непохожего на Байжана человека, говоря: «Вот это Байжан, который меня ограбил». И когда эту ведьму, даже противники Бейсеке, униженные этим случаем, уверяли, что она ошибается, она оправдывалась тем удивительным доводом, что он переменял халат, и она не смогла его узнать. Бейсеке хотел еще доказать, что даже и ее прабабка-то ни саукеле, ни фанзы не имела, но не получил возможности блеснуть своим красноречием, поскольку смущенная правнучка оставила форум, жалуясь на людскую несправедливость.

Когда же средство, основанное, видимо, на принципе: «Где черт не сумеет, туда бабу пошлет», не помогло обвинить Бейсеке, Койчубай торжественно объявил, что в знак примирения хочет обменяться с ним халатами. Когда Бейсеке согласился на это предложение, оба сбросили с себя халаты, метнув этот особый трактат примирения в нас, и стали просить, чтобы мы его взяли в память о такой важной минуте. Но мы отказались от выполнения их просьбы, осно-

⁴⁹ Женский головной убор наподобие сахарной головы, стоящий иногда 2 или 3 тысячи баранов, осыпанный дорогими камнями, жемчугом и золотыми монетами. – Прим. автора.

⁵⁰ Фанза – шелковая китайская ткань. – Прим. автора.

вываясь на статье Права «о взятках», и каждый из них надел на себя халат своего противника, а борьба партий закончилась тем, что два руководителя пили кумыс из одной посуды, и снова две бедные лошади пали под ножом для угощения проголодавшегося парламента. Мы же, описавши всю историю, представили ее «по порядку»⁵¹. Кто вытянет шуку – казалось уже несомненным. Тем временем для дополнения твоего представления о моих героях я приведу еще несколько деталей, которые сделают понятными для тебя некоторые черты киргизского быта.

Бейсеке и Койчубай, как курдасы, то есть однолетки, ровесники, были когда-то большими друзьями и не раз в своей молодости вместе занимались барантой. Курдасы могут говорить друг другу разные глупости, на которые никто из них не имеет права обижаться. Но когда оба впали в амбицию и каждый пожелал стать волостным управителем, ненависть разожгла огонь в сердцах побратимов до такой степени, что каждый раз, встретившись, один другому не жалел обидных слов. Койчубай забыл обычай курдасов, разорвал его, хватив Бейсеке по лбу айбалтой. Бейсеке упал с коня, но, встав, облитый кровью, поклялся мстить.

Результаты его клятвы противник уже чувствовал неоднократно. Несмотря на сегодняшний обмен халатами, она обязательно при любой случайности даст свои кровавые плоды. Тем более, что оба горды и бешеного нрава. Бейсеке

⁵¹ Вписано по-русски, смысл – «по начальству».

рассказывал нам, что шестнадцатилетним, когда он еще крал коней, как делают смолоду все его сородичи, считая это для себя возможностью выделиться и обучиться рыцарскому ремеслу, был пойман среди чужого табуна. Привязанный, а точнее, распятый на керегах юрты, был потом избит так, что не знает, били когда-либо кого-нибудь ужаснее, чем его, и не понимает, каким чудом Аллах сохранил ему жизнь. Однако, несмотря на эту операцию, на широкий шрам от раны, которую ему нанес Койчубай, и множество шрамов, свидетельствующих о стычках в степи, здоровье его не только не понесло ущерба, но, напротив, силы его окрепли до такой степени, что он слывет Геркулесом в Аягузском округе.

Страшной будет когда-нибудь его встреча с Койчубаем, тем более, что этот лев временами может прикинуться лисой. Он рассказал нам, что приехали как-то к нему два киргиза с просьбой возместить им десять украденных коней. Он же, как уверял нас, чувствуя себя в этом случае неповинным, не хотел платить за чужую покражу. Те, видя его упорство, предложили ему поехать с ними на джугуну, то есть суд биев. Мой невинный барашек охотно согласился на это, но говорит: «Покажу я им джугуну!» Сел на коня и, взяв с собой приятеля, двинулся в путь. Проезжая мимо могилы известного некогда бия Тана, мудрым и справедливым приговорам которого все подчинялись, придержал коня, слез и, взойдя на курган, вызвал одного из жалобщиков, чтобы подал свою руку, что по киргизскому

обычаю означало вызов для торжественной присяги над мертвыми останками, лежащими под ними, в том, что действительно Бейсеке, он, а не кто другой украл коней. Глупец дал себя обмануть этим приглашением: подал ему руку, которую Бейсеке стиснул своей железной клешней, приказав тем временем своему приятелю лупить камчой так, что, услышав вопли, оставшийся сидеть на коне киргиз рванул с места что сил хватило. Избитый до потери сознания обвинитель Бейсеке навеки забыл и о джугуне, и о своих десяти конях.

Хватит, однако, нескончаемых присказок, которые я должен писать на коленях, словно какой-нибудь вождь, составляющий свой рапорт с поля боя. Непривыкший к этому новому для меня столику, я чувствую себя измученным, как Канай, когда вылез из нашей повозки. Я должен отдохнуть, и потому – будь здоров!

УРОЧИЩЕ КАК. ПИСЬМО БРАТУ.

V

Дорогой Януарий! Прежде чем я покину аул айкимбет-кереев, среди которых время мое проходит немного сноснее, чем в Омске, еще раз беру в руки перо, чтобы переслать тебе братские объятия и поговорить с тобой об окружающих меня предметах.

Киргизы этого округа уже более месяца как бросили свои кыстау, то есть зимние стоянки. Нет для них более приятного дня в году, чем тот, когда после нескольких месяцев пребывания на

одном месте они могут свои юрты, примерзшие к земле, сложить на горбы верблюдов и со всем своим имуществом, с табунами коней, стадами коз и овец начать длительное путешествие, которое окончится только с приходом снегов и морозов.

Этот день для них – день счастья и всеобщей радости.

Ранее грустный, скучный, прокопченный дымом киргиз теперь с веселым лицом садится на своего лучшего скакуна и с молодецким видом вьется на нем среди выступивших в поход.

Его загоревшая у неустанно пылающего очага половина надевает самый красивый халат, самую богатую саукеле и, словно караванбаши, ведет за собой вереницу верблюдов, несущих на своих горбах походный дом киргиза, все его вещи и достаток.

Девушки рады, что выбрались из-под закопченного купола юрты, где их прелести увядали, как цветы в темнице. Распустив по ветру многочисленные косички курчавых волос, гарцуют они на гибких скакунах под огромным сводом небес.

Дерзкие и своевольные юноши, погружая горящий взор в черные очи своих подруг, пускаются на соревнования с ними, но триумф нелегок, так как пригожие амазонки летят по степи, как стрелы, и болезненный удар камчой, часто приходящийся по лицу, останавливает самую дерзкую погоню.

Малые дети, что во время сильных морозов лежали зарывшись в золу очагов, радостно кричат, смеются и, выглядывая из люлек, привязанных на боках верблюдов, забывают о страданиях, которые они познали в своеобразных пеленках, горячие объятия которых оставили на их телах не одно воспоминание. Табуны, отощавшие на скудном зимнем корме, который они с большим трудом должны были выгребать копытами из-под снежных сугробов, нанесенных мощными буранами, разноголосым ржанием поддерживают радость своих хозяев.

Даже пес, самое презренное и несчастное существо у киргиза, что за верные услуги часто по нескольку дней и кости не видит, охотно бежит за стадом, мечтая о полевых мышах, своей обычной пище.

Одним словом, этот первый выезд с места весной – словно воскрешение киргиза из мертвых, возрождение Феникса из пепла.

Сама степь, глухое молчание которой до этого лишь временами нарушал пронзительный свист метели, неожиданно оживает, ибо на всем ее неизмеримом пространстве разносится торжественный звук киргизской песни.

Таков бледный набросок кочевья пастушеского народа.

Волость, гостями которой мы являемся, кочует со времени оставления своих зимовок уже на третьем месте и занимает в настоящее время многоверстное пространство на обоих берегах Чара.

Используя свободное от службы время, я навестил ближайшие аулы, чтобы лучше познаться с жизнью, так отличающейся от нашей, с жизнью, которую мое воображение рисовало в самых ярких красках. Но не все то золото, что блестит! В каждой юрте я надеялся найти счастливых аркадских пастушков... Увы! Редко в которой из юрт взор мой не встретил печальных картин нищеты и болезней, изнуряющих бедное население. Почти во всех черных юртах (потому что богатые живут в белых) лихорадка. На детях оспа, короста, нарывы. И все это только собственными силами должно бороться со страданием, так как наука Эскулапа, отданная здесь в руки глупых и невежественных баксы, употребляет способы лечения, отмеченные большей частью печатью шарлатанства и знахарства.

Сердце разрывается при виде стольких мучеников, просящих о помощи. На наше счастье, мы смогли некоторым из них принести облегчение. Виктор, имея при себе запас порошков рвотного, хинина и других, нескольким больным лихорадкой дал их принять, наказав соблюдать строжайшую диету, а не испорченная еще нашей изысканной пищей натура этих людей помогла быстро победить болезнь.

На весть об этих волшебных лекарствах моего импровизированного Гиппократы сбегались толпы больных из окрестных аулов. Их привозили на конях, коровах, верблюдах, а самых слабых – на двухколесных таратайках, называемых арбами. Все просили порошков, что

приносят лучший результат, чем молитва муллы и заклинания баксы. Вылеченные благодарили в самых горячих выражениях.

Это большое количество больных лихорадкой ничто по сравнению с другими страшными болезнями... Лихорадка, как уверяли нас, свирепствует только с начала весны; летом же влияние свежего воздуха, движение, кумыс избавляют больного от нее и без помощи лекарственных средств; от оспы, которая уносит ежегодно множество жертв, киргизская медицина не знает никакого средства, а великое открытие Эннера для них еще страшнее, чем сама болезнь, поскольку на практике суеверие ставит оспопрививанию неодолимую преграду. Кого затронет яд оспы, тот может прощаться с жизнью; отделенный от здоровых, он не получает от них никакой помощи; родные бегут от него, как от зачумленного, и если кто из жалости принесет ему еду или питье, то ставит поодаль. И несчастный обязательно должен погибнуть, если сам Аллах не исцелит его.

Но хватит этих глупых картин, с которыми я встречаюсь на каждом шагу, посещая оборванные, дырявые как решето, лишенные всяких удобств жилища беднейшего класса здешних киргизов. О классе богатых в этот раз ничего не скажу, поскольку не имел возможности заглянуть в белые юрты, во-первых, потому что они тут лишь кое-где сверкают среди множества черных; во-вторых, этикет не позволяет не только кафиру (неверному), как я, но даже соотечественнику войти в юрту киргиза, игра-

ющего роль джентльмена, не будучи заранее им приглашенным. Джатаки [8] (бедняки), как всякие бедные на свете, не придерживаются такого строгого этикета; этой-то снисходительности я и обязан тем, что видел (поскольку это грызло мне душу)... киргизское горе во всем значении этого слова, еще увеличивавшееся в моих глазах при виде их ужасающей нищеты.

Позапрошлой ночью барантачи [9] вновь напали на табун, который пасся поблизости от нашего становища. Крики: «Аи! Гай! Аблай! Аблай!», с одной стороны, и шум, поднятый пастухами, — с другой, сразу взбудоражили все население аула; люди, вскочив на коней, привязанных на всякий случай возле юрт, пустились к месту шума. Но не успели они доскакать, как нападавшие, захватив восемь коней и используя темноту ночи, бежали, угнав их с собой.

Последняя ночь прошла спокойно, но (если правдиво предположение нашего хозяина) единственно потому, что вчера днем шел дождь. Ерго: шайка воров, кружащая в это время в окрестности, не сумела бы проехать на своих уставших конях через вязкие трясины и — что еще хуже! — оставила бы на них заметные следы, которые бы ее выдали и дали возможность выследить. Опасность, однако, висит над нами. Только что на взмыленном коне прискакал киргиз, который несколько часов назад случайно угодил на сорок с лишним барантачей, отдохавших в долине всего лишь в 20 верстах от нас. Все вооружены копьями, четверо из них долго гнались за ним. Вид их седел заставляет

подозревать, что эти барантачи – басентинцы из Баян-Аульского округа.

Бейсеке, ожидая их нападения, послал во все стороны разъезды, соседним аулам приказал быть наготове. А мы, со своей стороны, приняли меры предосторожности. Я бы очень хотел быть свидетелем ночного боя, который, по словам Виктора, представляет великолепную картину ада со страшным шумом и ревом его разгневанных обитателей. Нетерпеливо ожидая ночи, я теперь бросаю перо и начинаю готовить свое оружие.

24 мая. (Продолжение.)

Ватага степных корсаров, должно быть, пронохала о порохе, всыпанном в мои пистолеты к оловянным пулям, так как в эту ночь не пытались напасть на нас. Однако, ожидая каждую минуту нападения, мы были *sur le qui vive!*⁵², проводя время в беседах с киргизами, которые, рассевшись вокруг очага, не жалели нам вопросов по разным предметам. Виктор, отлично владеющий их языком, должен был обязательно отвечать на все вопросы, а его ответы выслушивались, как приговоры, и принимались с шумным удовлетворением, среди беспрестанных выкриков: «Ой-бой! О, апырым-ай!» Все они удивлялись его глубокой мудрости и не могли в простоте душевной понять, как такая масса разума и сведений может поместиться в одной голове.

Но ничто не произвело на них большего впечатления и не получило такой высокой оценки

⁵² *Sur le qui vive* – наготове (франц.).

гения моего друга, как то, когда по поводу поднявшегося разговора о баранте он в лицах представил всю процедуру этого благородного ремесла: каким способом киргиз обычно подкрадывается к чужому табуна – пешим или на коне; как, ползя по земле, прислушивается, спят ли пастухи; как, убедившись в их осторожности и боясь за свои бока, броском шапки назад, за себя, подражает взлету дрофы или журавля; как, наконец, несмотря на эти и тому подобные средства осторожности и хитрости, пойманная пташка играет роль невинной и т. д. Эта сцена, исполненная артистически и с глубоким знанием дела, до слез рассмешила самых важных киргизов, и не знаю, был ли на свете партер, более довольный своим самым любимым актером, чем слушатели Виктора. Один из них крикнул: «Пулкундык! Да ты сам ездил на баранту и крал коней, или ты чародей, если так досконально знаешь самые сокровенные тайны нашей степной жизни!» Виктор ничего не ответил на этот комплимент, встал и, обойдя круг сидящих с открытыми от удивления ртами, указал пальцем на одного слушателя и сказал:

– Вот это вор! Он уже не одного коня украл, и не одного еще украдет!

Если бы весь свод небес со всеми своими старыми и новыми планетами, кометами и звездами обрушился на голову этого киргиза, то не поразил бы его сильнее, чем эти неожиданные слова Виктора. Бедняга онемел и струхнул. Все собравшиеся закричали: «Правда! Правда!», а самый большой краснобай Токумбай добавил:

«Что нам перед тобой скрывать, когда ты знаешь, что у нас есть, что было и что будет».

Ты, вероятно, понял, что Виктор обосновал свое утверждение на подозрительной физиономии киргиза, а случай судил, что он угадал лучше, чем это случалось самому Ляватуру.

Киргизы были, однако, по этому поводу совсем другого мнения. Не умея объяснить, каким чудом человек, не будучи сам вором или колдуном, может вынести такой, безошибочный приговор, они молниеносно пришли к мысли, что Виктор только прикидывается кафиром, а на самом деле является правоверным сыном Магомета. И вот один из биев зацепил его с этой стороны, говоря: «Как видишь, мы с тобой откровенны; признайся, пулкундык, что наша кровь течет в твоих жилах?»

— Я вам больше скажу,— смеясь ответил Виктор,— моя кровь течет в жилах последнего потомка одного из самых знаменитых ваших ханов.

— Как так? Что это значит? — раздалось вокруг множество голосов. А так как их необычайное любопытство нельзя было не удовлетворить, мой приятель рассказал им следующее приключение.

— Вы слышали о Якубе, сыне хана Нуралы [10]?

— О, кто же его не знает в нашей Орде! — отозвалось несколько голосов.

— Так вот,— продолжал Виктор,— в молодости, когда судьба забросила меня в степи Малой орды [11], я познакомился с Якубом. Он очень

полюбил меня и называл своим тамыром⁵³. Жили мы, как братья: что его — то мое, что мое — то его. Было ему в то время около 60 лет, было у него две жены. Байбише⁵⁴, старая, как Могоджарские горы, безобразная, как верблюдица при смерти; но зато младшая, прекрасная Айджаным, на всю Орду славилась своей красотой. От Эмбы до Тобола не было прекраснее лица, живее и чернее ее очей. Да и калым [12] за нее немалый уплатил мой друг. Я часто бывал у него и, часто видя Айджаным, полюбил ее еще больше, чем ее мужа.

Я был любим взаимно. Старый сторож жен Якуба во время его отсутствия обеспечивал нам возможность свиданий. В конце концов результатом этих rendez-vous был сын, к несчастью, так похожий на отца, что Якуб, увидев его первый раз, сразу смекнул, в чем дело, и, ужасно разгневавшись на своего тамыра, чуть не убил жену. Когда первый гнев его прошел, он успокоился и назвал его Биктуром. Несколько месяцев спустя я снова приехал. Он встретил меня кисло, ни слова не отвечал на мои поздравления и вопросы и, наконец, схватив меня за руку, потянул за собой в юрту Айджаным. Как только порог переступил, велел ей подать кинжал, висевший над ложем, и грозно обратился ко мне: «Выбирай, кого из вас убить: тебя, жену или вашего

⁵³ Род побратимства. Тамыр с тамыром должен делиться своим состоянием, одним словом, быть ему братом.— Прим. автора.

⁵⁴ Первая жена киргиза называется байбише; она играет в семье главную роль, и младшие жены относятся к ней с уважением. Во время кочевки она ведет первого верблюда.— Прим. автора.

сына?» Не потеряв присутствия духа, я сказал ему: «Султан [13]! Я вовсе не хочу, чтобы ты кого-то из нас убивал; ты меня удивляешь, твои подозрения несправедливы! Ты, видно, помешался!» Это была страшная минута: я думал, что не выйду уже из юрты... Но вы знаете, чем все кончилось? Султан, еще раз взглянув мне в глаза, сказал: «Будьте спокойны, я только хотел узнать, трус ты или нет? Я пугал вас, неужели ты думаешь, что я мог бы убить тебя, жену или сына? Он мне дорог, потому что у меня нет другого. Я желал бы, чтобы он был храбр сердцем. Теперь поцелуйтесь при мне и помните, если мне назначено иметь еще потомков, одно условие: пусть это не будут дочери!»

Со слезами на глазах мы выполнили его приказание. Но в связи с моим отъездом в другие края предостережение относительно наследников султана осталось без последствий. Вот так мой Биктур является теперь последним потомком ханского рода в Малой орде. Несколько лет спустя после этого случая я видел его, — прибавил герой романа. Но когда мальчику сказали, что я его отец, он плюнул мне в лицо и назвал меня кафиром.

Этот и ему подобные рассказы отняли у нас большую часть ночи. Наши ненасытные слушатели хотели их продолжать, но, когда сон стал смежать веки, Виктор приказал погасить очаг. Киргизы разошлись, тундук захлопнулся, наступила тишина, глубокая тишина, и только издали доносилось пение пастухов и торжественный голос молитвы: «Аллах Акбар! Аллах Акбар!»

25 мая. (Продолжение.)

Через несколько часов оставляем Как. Сегодня утром шагах в десяти от нашей юрты прямо из-под моих ног выскользнула змея длиной в локоть; может быть, она навещала ночью наше жилище? Киргизы говорят, что их здесь «не покупать», а за соседней горой такое множество, что и шагу ступить нельзя, чтобы не наткнуться на них. Змея по-киргизски «джилан». Есть тут большие и маленькие, и эти последние более вредны. Некоторые — толщиной в руку. Часто кусают людей и скот. На мой вопрос: «Какие средства используют против страшных последствий их яда?» — мне один киргиз ответил: «Лучшее средство — сразу же позвать муллу, чтобы он прочитал над человеком, укушенным змеей, «змеиное слово» (он так и сказал по-русски); саму же рану помазать конским потом и затем давать его больному пить. Если пациентом является конь, то его надо положить между овцами; натирать рану засушенной змеей, три дня спустя опухоль опадет и конь встанет совершенно здоровым. Только непременно условие: змея должна быть убита последней весной, и не чем-нибудь, а камчой [14], да чтобы она была первой, которую киргиз этой весной увидел в степи; поэтому мы всегда запасаем такую змею. Наконец, конский пот даем пить коням и скоту». Оставляя оценку результатов этого киргизского рецепта вашим ученым-медикам, не лишним будет обратить их внимание на то, что никакой палкой не убьешь так быстро змею,

как камчой, которая, естественно, все время, касаясь коня, пропитывается его потом. В этом уверяют меня все киргизы и казаки. Очевидно, в конском поту содержится какое-то антипатическое средство для этого творения, которое может противодействовать даже ядовитому укусу. Но возвращаюсь к делу. Из рассказов киргизов я узнал, что, кроме упомянутых средств спасения, они употребляют и другие, без сомнения, более результативные, чем «змеиное слово» или засушенная змея. Например, когда однажды дочка нашего хозяина была укушена в руку, ее немедленно перетянули вверх, рану прижгли раскаленным железом, и через три дня дочка выздоровела. Был у них такой случай: молодой парень спал, и снилось ему, что мать подает кумыс и он пьет; проснувшись, он почувствовал необычное движение в желудке. Стал жаловаться, что джилан вертится в его внутренностях. Ему дали коровьего масла, чаю, и, как уверял меня отец бедняги, назавтра непрощенный гость вышел... Однако не такой счастливой оказалась девушка из соседнего аула, к которой тоже во время сна пришла в гости змея. Употребили упомянутые средства, но прошло два дня, а результата не было. Наконец, когда в юрте никого, кроме маленького ребенка, не было, змея высунула свою голову изо рта больной и стала медленно выползать. К несчастью, дитя при виде змеи крикнуло; змея испугалась, спряталась обратно, и, укусив бедную девушку, отняла у нее жизнь.

Средство предосторожности, какое киргизы обычно употребляют против змей и ужей, что-

бы они не заползали в жилище, очень простое: берется аркан, сплетенный из шерсти и конского волоса; чем новее — тем лучше, поскольку он не потерт; им опоясывается юрта снаружи. Змея, боясь острых колец аркана, отступает от такого зачарованного круга и оставляет человека в покое.

Киргиз считает своим священным долгом, словно аист, очищать степь. Он никогда не пропустит змею; если встретит ее, хотя бы и торопился по срочному делу, задержится и убьет ее камчой. Если случайно камчи с собой нет, он до тех пор ищет палку, пока не найдет, возвращается с ней к месту, где увидел свою жертву, и, отыскав ее, чаще всего прижимает палкой так, чтобы она подняла голову вверх. Тогда сыплет в раскрытую пасть щепотку табаку, от которого змея немедленно погибает.

В эту минуту вошла жена нашего хозяина вместе с несколькими женщинами и всеми своими маленькими детьми. Женская половина обязана снять юрту и осмотреть, все ли в целости. Первый раз мы имели честь увидеть этих дам. Кроме самой хозяйки, по имени Нурчи, достаточно красивой, остальные выглядели как смертный грех. Они свободно болтали с нами и нисколько не стеснялись; но, говоря по правде, их занимали не столько мы, сколько наши вещи. Особенное внимание привлекли железные ложки, они-то особенно дали им повод для различных острот, весьма даже прозрачных, от которых смеялись их мужья, а мы еще пуще.

Будьте здоровы, так как эскорт наш садится на коней, а Амантай ждет чернильницу, чтобы спрятать ее в арбе.

АЯГУЗ, 28 мая. ПИСЬМО БРАТУ.

VI

Дорогой брат! 25-го в 11 часов утра мы выехали из урочища Как, благославляемые киргизами, которым хинин и другие лекарства Виктора вернули здоровье. Ел билеуши с большим отрядом своих подчиненных старшин и народа сопровождал нас верхом несколько верст. Все выражали свою благодарность за вежливое обращение с ними, и при расставании не было конца пожиманию рук и пожеланиям счастливого пути, начавшегося для нас не совсем удачно, поскольку холодный ветер, бушевавший в этот день в степи, сек острым песком лицо и попадал в глаза, и был таким сумасшедшим, что едва можно было усидеть на лошади. В дополнение к этой атмосферной кутерьме мне достался айгыр (жеребец) с испуганной мордой и покалеченным носом, выразительным свидетельством его энергии и частых схваток с товарищами. Проклятый айгыр, едва завидев в стороне пасущийся табун, начинал ржать, покрываться пеной и безумно желал, чтобы я летел вместе с ним засвидетельствовать почтение прекрасному полу его племени. Но боязнь отстать от своего каравана, сызмальства укоренившаяся в сознании киргизских коней, наверняка более сильная, чем мои слабые усилия, не допустила его до эксцессов, могущих как-то повредить моей персоне. Скажу даже больше: несмотря на свои романтические наклонности и качества горячей крови, он вскоре заслужил мое большое уважение и незабываемые воспоминания.

Едва лишь мы миновали кочевья айкимбеткереев, мой безумец, видя перед собой, вместо долин, оживленных присутствием веселых табунов, только одинокую пустыню, пустился вместе со мной в глубь ее с сердцем героя, бросающего свою возлюбленную, чтобы спешить на бой. И не так быстро исчезали с дороги леса и горы перед арабским скакуном Фариса, как перед киргизским айгыром исчезала необъятная степь. Его не останавливали ни вздувшаяся от многодневных дождей мутная река Чар, ни Джельбиге-Тау со своими долинами, полными змей, ни ветер, все усиливающий свою грозную силу: он летел, летел, а мне казалось, что я вскочил на орла, который в своем быстром полете отдохнет разве только на вершинах Гималаев, чтобы я имел возможность приглядеться к кровавым полям сражений, на которых европейская цивилизация совсем недавно нанесла смертельный удар индийскому миру.⁵⁵

И хотя я не взлетел так высоко, так далеко, приходится пожалеть, что не могу описать тебе во всем блеске поэзии этой героической езды, достойной кисти Мицкевича или Байрона.

Не имея чести быть сыном, увы! даже кузеном Аполлона, ибо моим уделом является холодная проза, разве я смогу ее благородным языком, как говорится, выразить все те чувства, которые переполняли мое сердце, когда, сидя на хребте орла киргизских степей, я повторял в упоении:

Мчись, скакун мой белоногий!

⁵⁵ Новая победа англичан в Пенджабе.— Прим. автора.

И только то нарушало гармонию поэтического идеала, что (но конь в этом не виноват!) ездок, вымокший до нитки во время переправы через реку, замерзший, насквозь прошитый острыми иглами Борея, сильным стуком зубов вторил стуку копыт коня.

К счастью, на ближайшем холме появилась мола, скрывающая останки жителей этих степей. Я полетел к ней как молния! А знаешь ли зачем? Чтобы под ее глиняной крышей минутку отдохнуть и хоть немножко обогреться при крохотном огоньке сигары.

Ты, без сомнения посмеешься над этим удивительным способом обогрева. Но что делать, когда в этих пустынях нет ни удобных заграничных отелей, ни даже нашей польской, или, точнее, еврейской корчмы.

Когда мой огонек осветил стены гостеприимного затишья смерти, я заметил прямо у себя под ногами свежую яму, но покойника там уже не было, и только лоскутья одежды валялись по земле. «Куда же делся мертвец?» – спросил я у Амантая. «Волк утащил киргиза», – безразлично ответил он.

Грустный, покинул я молу. Жаль мне стало бедного киргиза, что всю жизнь жил в нищете и после смерти его судьбой стало – достаться голодному волку.

Мы снова поехали. Перед нами, за нами, направо, налево – повсюду, куда ни кинешь взор, распростерлась ужасающая пустыня, и нигде на ней ни человека, ни зверя, а над ней, как над водами мертвого моря, – ни одной птицы. «О, – ду-

мал я, – как прекрасно выглядели бы здесь гигантские мамонты, мастодонты и всякие стоногие гады допотопного мира! В какой естественной гармонии было бы их величие с величием этих обширных пространств. Сама эта степь, сегодня такая грустная, совсем иначе представлялась бы глазам путешественника!..»

Погруженный в эти мысли, я оставил за собой бог знает какое расстояние, не замечая даже следов его созданий; казалось, мы преступили границы живого мира, как вдруг из-под ног лошади, из кустика сухой травы вылетел, видимо, заблудившийся, черный, словно дух этой пустыни, жаворонок. Взвившись в воздух над нашими головами, он, казалось, с любопытством присматривался и спрашивал нас своей песенкой: зачем мы сюда приехали? О, с каким умилением глядел я на этого посланца весны, что, как пустынный Тебайды, ведет здесь одинокую жизнь и своим пением оживляет мертвую природу. Он долго провожал нас, пока, наконец, измученный полетом или оскорбленный нашим молчанием, не повернул в сторону и пропал, как падающая в небе звезда.

После двух часов пути мы увидели наконец признаки жизни и в больших размерах: два огромных табуна верблюдов паслись в долине, а через четверть часа показались и аулы, окруженные многочисленными стадами лошадей, коров и овец. Это была Терестам-Галинская волость, кочующая в урочище Сасык-Куль под предводительством своего управителя Турехана.

Не без сожаления распрощался я здесь со своим неутомимым айгыром, на котором пер-

вый раз в жизни проехал по пустыне в полном значении этого слова и который первым из киргизских коней дал мне настоящее понятие об их благородных качествах.

Что сказать о Сасык-Куле, Терестам-Гале и Турехане, когда мы тут не задержались больше чем на несколько минут? Успел узнать, поскольку исполняю должность историографа нашей экспедиции, что урочище получило имя от озера того же названия, что музыкально звучащее для моего уха название Терестам-Гала означает кривую тамгу, какую этот род прикладывает, и что ясновельможный Турехан славится репутацией большого покровителя всех приверженцев баранты, репутацией, которая несколько не унижает его достоинства, как в феодальные времена доброму имени герцога де Монморанси или графа фон Кацеленбогена совсем не вредило, если их горностаевые плащи прикрывали разбой ленной дружины.

Подкрепив силы кумысом и переменяв лошадей, поехали дальше. Дорога была скверная: одни солончаки, в которых мы увязали по уши, как в полесских болотах; но наконец около полуночи проводник нашего каравана возвестил приятную новость, что мы выехали на почтовый тракт, ведущий из Семипалатинска в Аягуз. С немалой радостью мы приветствовали это коммуникационное средство цивилизации, которое дало возможность быстрее прибыть под деревянные крыши. Нежданно блеснул огонек, слышались голоса казаков, пасущих с оружием в руках свой табун, и через несколько минут

звучное «кто идет» убедило нас в том, что мы находимся перед аркалыкским пикетом.

О! С какой радостью, утомленные и озябшие, мы переступили порог этого убежища! На наше счастье, здешняя хорошая вода позволила согреть чай, и большего количества стаканов я в моей жизни не выпил! В сладком сне мы позабыли о трудностях путешествия, а утром подались почтовым трактом в повозке через горы Аркат, Альджан и Агадыр к Аягузу, где нас приветствовали соловьи и откуда я снова поглядывал на великолепный Тарбагатай, с которым в прошлом году попрощался было навеки.

АЯГУЗ, 31 мая. ПИСЬМО БРАТУ.

VII

Аягуз – столица одного из семи округов, созданных в Средней орде вот уже как 15 лет, стоял когда-то на 35 верст ниже по реке того же названия; но его положение, слишком отдаленное от дороги, по которой обычно ходили караваны, заставило правительство перенести Аягуз – тому уже четвертый год – на нынешнее место. Поэтому есть новый и старый Аягуз. Однако от этого последнего скоро не останется и следа, и только разве осиротевший соловей на его руинах «сплет путешественникам траурную песню», в то время как новый Аягуз раскрывается, словно бутон розы. Уже, кроме казенных зданий, предназначенных для военного гарнизона и администрации, насчитывается несколько десятков изб, сколоченных из тополя, и похоже

на то, что он будет когда-нибудь одним из важнейших пунктов в степи, где, вероятно, как в Соединенных Штатах Северной Америки, только и можно еще наблюдать явление, неизвестное старой перенаселенной Европе, – рождение, или, скорее, прорастание, словно грибов из земли, новых поселений. Акмола, например, будущая столица всей степи, Актау, Атбасар, Кокбекты, Кушмурун – все это поселения, которые родились и выросли на моих глазах.

Дитя киргизских степей Аягуз лежит под 46 градусом географической широты, в 300 верстах от Семипалатинска, в стольких же от Чугучака и в 1000 верстах от Омска. Построен он на сухом месте и славится здоровым климатом. Зима здесь короткая, большие морозы редки, так что река даже не всегда замерзает. Но вихри и бураны, право же, ежегодно срывают крыши, а жара, начинаясь в мае, не уступает по своей силе африканской, с той только, к счастью, разницей, что здесь и во время самого сильного зноя дышишь легким, чистым, отрезвляющим воздухом, который словно омолаживает тебя. Комаров и оводов, тучи которых на сибирских равнинах вгоняют путешественника в отчаяние, очень мало. Но зато во всех домах блох, мух и гигантских клопов такая неслыханная сила, что я каждую ночь вынужден проводить *a la belle etoile*⁵⁶ из боязни, чтобы эти мерзкие существа не съели меня живьем, как мыши святого Попея.

⁵⁶ *A la belle etoile* – под прекрасными звездами (франц.).

В речке, текущей у подножия крепости, вода отличная, холодная и чистая, как хрусталь. Между ее рыбами (которых все же очень немного) заслуживает упоминания так называемая маринка, рыбка с мелкой зеленовато-золотистой чешушкой. Не будучи ихтиологом, не могу определить, к какой семье она принадлежит, знаю лишь по опыту, что маринка бела, как паросский мрамор, жирна, как киргизский баран, и тако-го деликатного вкуса, что если бы ее родиной были воды Дурансы или Клиды, просвещенная европейская гастрономия отдала бы ей первое место на королевском или ротшильдовском столе. Но поскольку на свете нет ничего без «но», то и позолоченная маринка его имеет: *vox populi*⁵⁷ утверждает, что ее икра причиняет ужасные желудочные колики, даже угрожает жизни человека.

Берега журчащей по камням реки покрывают густые заросли буйно переплетенных меж собой ветвей, словно в бразильских лесах, кустов, цветов, паразитирующих растений, среди которых то тут, то там поднимает свое серебристое чело развесистый тополь, единственное дерево большого калибра в этих краях. В этой роще, от века засаженной рукой природы, тянущейся двумя зелеными лентами, приятно выделяющимися среди сухих гор и обнаженных скал, орошаемой каждую весну разливом реки Аягуз, одной из дочерей Тарбагатая, часто можно увидеть горлиц, воркующих над лежищем мрачного кабана, или слышать соловья, поющего свои

⁵⁷ *Vox populi* – глас народа (лат.).

арии над колоссальным кустом белой розы, у подножия которого извивается ядовитая змея.

Несмотря на кабанов и змей, которых я так своими глазами и не видел, в этом парке, почти таком же длинном, как и сама дочка Тарбагатая, прекрасные аягузянки находят не только романтический холодок во время летнего зноя, но еще и самые романтические, укромные местечки для своих сентиментальных грез.

Благодаря близости реки жители Аягуза имеют овощи, впервые, вероятно, от сотворения мира выращиваемые в этом уголке Азии, бывшем всегда во владении кочевых народов.

Передовой пост европейской цивилизации, передвигающейся в глубь наименее известных частей Центральной Азии, право же, микроскопическая точка в океане степей, Аягуз господствует над обширным краем, растянувшимся от Иртыша до Лепсы и от Каркаралинских гор до земель Большой орды [16]. На этом пространстве по последней, надо думать – приблизительной, переписи кочует 50 000 киргизов. Весь этот народ, происходящий в значительной части из рода Наймана, а в меньшей от Керей, прародителей киргизских племен, составляет 15 волостей, делящихся на 150 аулов, совершая свои путешествия с 14 000 юрт, ведет пастушескую жизнь. Только небольшая часть его для улучшения своей жизни засеивает пару мешков пшеницы или несколько горстей проса, которые в местах, где рядом с хорошей землей можно ввести ирригационную систему, почти ассирийским урожаем вознаграждают труд зем-

ледельца. Но не похоже, чтобы земледелие здесь когда-либо стало повсеместным; во-первых, потому, что в Аягузском округе слишком мало земли, пригодной для обработки⁵⁸, во-вторых, и та из-за сильной жары и ветров без частого полива водой, очень редкой на этих безлесных пространствах, часто даже совершенно высыхающих, немного и даже никакой не приносит прибыли. А вот разведение коней, коров и овец, составляющих единственный доход и средства к существованию здешних киргизов, кажется, еще на долгие времена обрекает их на бесконечное передвижение по степи.

Со времени нашего прибытия в Аягуз стоит очень теплая погода, точнее сказать, жара, которой вы даже в июле и августе не дождетесь в ваших широтах. Сейчас 5 часов пополудни, а термометр все еще показывает +30°. Минут пятнадцать назад ходил купаться, и – поверишь ли? – взяв в руки камень, лежавший на берегу реки, не мог и секунды удержать его, потому что он жег, словно раскаленное железо. Однако, несмотря на жару, ночи такие холодные, что после захода солнца никуда без пальто не пойдешь, и я не пойму, как это соловьи не зарабатывают кашля или воспаления легких, распевая целыми ночами.

В ожидании пограничного начальника, с которым мы поедем к границам Большой орды для заключения политических соглашений, а

⁵⁸ В Кокбектинском округе, где земля годится для обработки, большая часть киргизов занимается земледелием и собирает много пшеницы, называемой здесь «калманкой». – Прим. автора.

может, и дальше – для изгнания из ее владений султана Кенесары, играющего по меньшей мере роль нового Югурты, мы тем временем проводим наши дни в самом настоящем римском *far niente*⁵⁹, которое было бы совсем приятным, если бы наша комната с утра до ночи не представляла собой настоящего пчелиного улья. Пчелы – киргизы различного положения и возраста, потому что они, как к своей матке, неустанно жмутся всей массой к Виктору, принося ему свое почтение.

Киргиз очень отзывчив на хорошее к нему отношение кафира [15]. Сегодня я получил доказательство этого. Среди толпы султанов, биев, старшин и оборванного плебса находился бедный сгорбленный старик. Виктор, обратившись к нему с несколькими приветливыми словами, приказал угостить его кумысом, и когда тот выпил чашку, один из присутствующих сказал: «Пей и помни, что пил у большого человека: он велик, потому что не гнушается бедняками». Наш расчувствовавшийся джатак, воздев руки к небу, так выразил свою благодарность: «Пусть тебя бог убережет от меча, огня и воды и прольет на тебя и твой род благословение».

Соскучившись от неустанного *fluxem* и *refluxem*⁶⁰ гостей, вышел я на заходе солнца на вал, смотрел на Тарбагатайские горы, мощной цепью простирающиеся к Китаю, и припомнил, что точно так же семнадцать лет назад со стен старой Партенопееи я бросал свой взор на Апен-

⁵⁹ *Far niente* – безделье (лат.).

⁶⁰ *Fluxem* и *refluxem* – прилива и отлива (лат.).

нины с их вулканом, который, словно дамклов меч, всегда нависает над ее головой, увенчанной лаврами и цветами. Это воспоминание привело с собой образы итальянских лаццарони, что в те времена целым роем неотступно сопровождали каждый мой шаг и своим униженным видом отравляли сладость, которую я познавал, вдыхая бальзам воздуха этого края «неувядающей весны и вечного покоя». Сравнивая тех псевдоцивилизованных обитателей одной из европейских столиц с этим народом, что окружает меня сегодня, увы! я чувствую, что не так легко было моему сердцу в итальянском раю, как в киргизской пустыне!

АЯГУЗ, 5 июня. ПИСЬМО МАТЕРИ.

VIII

Дорогая мама! Мы все еще в Аягузе. Отдохнув от трудностей степного путешествия, ожидаем только прибытия пограничного начальника, вместе с которым мы должны ехать на берега Лепсы. Аягуз выглядит сейчас очень разноцветным и занимательным. Несколько султанов самых знаменитых родов, в том числе несколько потомков хана Аблая, уже разбили свои белые юрты, бухарские шатры в цветные полосы рядом с нашей халупой из тополя. Одетые в пестрые халаты и бешметы, они отдают нам официальные визиты, пьют у нас чай, говорят мало, как обычно киргизская аристократия, желающая соблюсти хороший тон.

Множество биев, аульных старшин и простых киргизов прибывают ежедневно из отдаленных урочищ, так что песчаный грунт беспрестанно гудит под копытами их быстроногих скакунов. Несколько сотен лошадок, согнанных из наймановских табунов, свободно резвятся в долине, заросшей карагайником, не предчувствуя, что скоро незнакомая им узда укротит их пылкий нрав. Рядом с этими неукротенными пасутся тихие бараны с огромными курдюками, предназначенные для угощения за счет правительства большого количества гостей во время байги, происходящей ежегодно во время пребывания пограничного начальника в столице округа. Над баранами и лошадьми возвышаются горбы верблюдов, предназначенных под выюки и провиант экспедиции. Отряд казаков и артиллерия стоят в готовности, а над всем этим – яркое солнце и сорокаградусная жара! Но воздух так чист так легок, так здоров, что я вдыхаю его с настоящим наслаждением.

АЯГУЗ, 7 июня. ПИСЬМО П. Ц.⁶¹

IX

Дорогой Павел! Идя по твоим, еще не стершимся в этой столице найманов следам, с волнением переношусь в те времена, когда я пережил счастливейшие минуты, минуты, когда казалось, что надежда приветливой рукой отворяет ворота Урала, чтобы мы могли вместе

⁶¹ Павлу Цеплинскому, служившему вместе с ним в Омске и выехавшему на родину.

возвратиться на берега родимого Немана. Возвращаясь на крыльях печальных мыслей в эту благую эпоху, что как блистательный метеор, увы! блеснула на темном фоне моей судьбы и исчезла, может, надолго, может, навсегда, я вижу тебя рядом, блуждаю с тобой по горам и долинам, покрытым карагайником, цветущим золотыми и розовыми цветами, прислушиваясь среди кустов, осеняющих кристальные воды Аягуза, к пению киргизских соловьев или с валов лилипутской крепости глядя на гигантский Тарбагатай, что стоит здесь на страже небесной империи, словно пограничная стена. Так, имея тебя всегда перед моим духовным взором, мог ли я противиться искушению послать тебе несколько слов из далекого уголка Азии? Я хочу дать тебе доказательства того, что ты всегда и повсюду в моей памяти и в сердце.

Итак, пишу. Но ты, знающий Аягуз, наверно, простишь мне, что ничего больше тебе о нем не скажу, кроме того, что со времени твоего отъезда он очень разросся и находится на пути прогресса, предсказывающего ему со временем блестящую будущность в степи. Все более расширяющаяся торговля с Чугучаком и надежда найти для караванов более безопасную дорогу в Кульджу и Среднюю Азию говорит за то, что название Аягуз, сегодня неизвестное в Европе, перейдет когда-нибудь границы Сибири. Поэтому, оставляя его описание для профанов, не посвященных в наш киргизский мир, хочу тебе, некогда большому светилу Пограничного управления, каракули которого еще много лет

будут служить для заклеивания окон канцелярии, рассказать кое-что о наших общественных делах, которые для других явились бы настоящей *du grec*⁶².

Узнай прежде всего, что уйсуну, независимые киргизы Большой орды, кочующие между Лепсой и Или, горами Ала-Тау и Балхашом, в области Джетысу, то есть Семиречье, три месяца тому назад прислали в Омск посольство под предводительством некоего Мауке. Этот степной Талейран, посол с медным лицом и выпирающими скулами, дипломат *sans gene*⁶³, в дорожном халате, чамбарах из кожи марала и с камчой за поясом, на данной ему аудиенции торжественно, от имени всех родов, оповестил, что самым горячим и неизменным желанием его земляков является вступление в подданство России и получение от нее привилегий, какие имеет Средняя орда. Для этой цели он просил, чтобы пограничный начальник приехал в конце мая или в начале июня на берега Аксу, текущей в двух днях пути от Лепсы, где его будут ожидать родоначальники и выборные от всего народа для заключения последних договоров.

Уже не первый раз уйсуну выражали подобные желания. Двадцать лет назад султан Сюк, сын хана Аблая, входил в сношения с Россией, и своих земляков, терзаемых в те времена междоусобными распрями, хотел привести в подданство верховной российской власти. В результате его пропозиции был даже послан

⁶² *Du grec* – «китайской грамотой», то есть непонятными (франц.).

⁶³ *Sans gene* – без церемоний (франц.).

отряд казаков за Лепсу под начальством полковника Шубина, которому было поручено узнать край, его население, его материальные ресурсы и убедиться на месте, действительно ли желание одного киргизского вождя было желанием всего народа.

Экспедиция Шубина с точки зрения географической и статистической была весьма результативной, дала сведения об этой отдаленной и малоизвестной части степей, но заодно вскрыла, что, кроме Сюка, влияние которого распространялось только на киргизов, кочующих от Лепсы до Каратала, есть и другие родоначальники, имеющие гораздо большее значение и доверие у соплеменников, которые не очень благожелательно смотрят на политику Сюка.

Таким образом, в тот неблагоприятный период петербургский двор решил оставить все *in status quo*⁶⁴. Султан Сюк и его сторонники должны были в тот раз удовлетвориться дорогими подарками; но, чувствуя, что отказа, по существу, нет, в последующие годы возобновляли свои просьбы от имени все большей части народа. Несмотря на это, пограничные власти, получившие приказ не отказывать им в своем покровительстве, имели очень строгое предписание» чтобы вооруженные отряды ни под каким предлогом не предпринимали решительных действий.

Ныне в результате последнего посольства правительство, склоняясь, наконец, к всеобщему желанию уйсуну, дало приказ пограничному

⁶⁴ *In status quo* – в том же состоянии (лат.).

начальнику поехать на конгресс при Аксу, принять в подданство весь край, обещая создать в нем администрацию наподобие Средней орды, и, вознаграждая за добрые намерения и привязанность к России, раздать пять золотых медалей главным родоначальникам, а самому знаменитому из них по своему влиянию и значению султану Али вручить диплом на звание подполковника.

На этих днях мы ожидаем сюда генерала Вишневого, в эскорте которого мы помаршируем на этот конгресс. Но дойдет ли дело до желанного конца или сорвется так же неожиданно, как в свое время Венский конгресс во время высадки Наполеона во Франции? Это еще большой вопрос. Поводом для такого сомнения является следующее обстоятельство.

В марте, в то самое время, когда посольство уйсунцов находилось в Омске и договаривалось о своей будущей судьбе, наш псевдо-Абд-эль-Кадер – султан Кенесары, измученный многолетним бродяжничеством по голодным окраинам Малой и Средней орды и еще более голодным пескам Кара-Кумов и Бетпак-Далы, постоянно преследуемый отрядами войск, направленных против него с оренбургской и сибирской линий, окончательно утратив надежду получить в вечную, как он того домогался, собственность Алатауские горы, переправился с вооруженным отрядом своих единомышленников по льду через Или и, ворвавшись в Семиречье, разослал прокламацию, призывающую уйсунцов отказаться от сношений с Россией и признать его ханом. И хотя этот блуждающий герой степей,

желая получить власть над так называемыми черными киргизами, кочующими в самом высоком поясе гор Ала-Тау, простирающихся в глубь Ташкента к Тибету, был только что побит этими людьми, самыми мужественными из всех киргизов, однако, несмотря на понесенные им значительные потери, он мог бы, по утверждению наших степных политиков, если бы ему удалось сыскать доверие слабых уйсунцов, заставить их поколебаться в своем решении. Ибо до нас доходят вести, что вопреки своему обычаю он отметил первые шаги кротостью и умеренностью; отправил послов к кульджинскому джанджуну и эмиссаров к пограничным киргизам Аягузского округа, пригласив к себе на кенес (совет) знатнейших уйсунцов [17]. Поэтому очень может быть, что уйсунцы, не сумев избавиться, от непрошенного гостя, и притом частью убежденные, частью из боязни страшной мести Кенесары, поведут с нами дипломатию, и я не смогу иметь удовольствие присутствовать на киргизском конгрессе.

Только что явился гонец с берегов Лепсы. Он рассказал нам детали победы, одержанной черными киргизами над Кенесары. Эти воинственные горцы с вершин Ала-Тау, услышав о приближении неприятеля, позволили, его передовым аулам углубиться в страну, а когда те, растянувшись длинной вереницей своих табунов, без всякой осторожности шли через какое-то узкое ущелье, неожиданно ударили на них с фронта и с тыла. Трудно было сопротивляться! Короткая схватка, но поражение страшное!

Кроме убитых на поле боя около тысячи людей, две с лишним тысячи попало в плен, в том числе пять султанов, за которых теперь победители требуют выкуп.

Сам Кенесары в этой битве не участвовал. Сообразив, однако, что имеет дело с народом, готовым дать ему решительный и опасный отпор, он счел за лучшее отступить, угрожая, впредь своей мезтью не только людям, но даже и горам Ала-Тау. Насчет гор я совершенно спокоен, потому что это великаны, ничем не уступающие швейцарским Альпам. Но и людям, как мне кажется, он не сумеет сделать много зла, потому что в их сердцах пылает огонь мужества, достойный героев Марата.

Этот народ совершенно не имеет султанов: родами у них руководят выборные манапы [18]. Во время войны самый способный, самый решительный из манапов, наделенный от всего народа диктаторскими полномочиями, руководит всеобщим ополчением. Бии [19] у них в большом почете и по всеобщему праву этого края судят гражданские и уголовные дела. Кодекс наказаний очень строгий. Собственное название этого народа киргизы. Один из их манапов — Бурамбай прислал недавно просьбу об установлении опеки России над ними. Но кажется, это был только маневр для получения дорогих подарков, которые эти люди очень любят, добываясь их как от России, так и от соседних правителей Ташкента. Со временем все же должны завязаться более тесные отношения с жителями высокого Ала-Тау, но это может наступить лишь тогда,

когда Большая орда, которая сегодня занимает пространство на пути к их неприступным горам, полностью признает верховенство России.

9 июня. (Продолжение.)

Сегодня мы имели честь принимать султана Буленя из рода хана Аблая, который, как заместитель президента Аягузского округа, приехал с далекого кочевья на встречу с пограничным начальником. Это человек лет пятидесяти, со спокойным выражением лица, скромный и весьма неглупый. Когда-то он был очень богат, но выдача замуж трех сестер со всем шиком, на какой способен степной аристократ, сильно поубавила его богатство. Сегодня у него едва ли наберется 300 коней, немалая часть которых скоро пойдет на погребальный обряд по умершей матери.

Издавна склоняясь к русскому правительству, он говорил нам, что, как только узнал о переправе Кенесары через Или, сразу послал двух своих братьев с письмами к ближайшим уйсунским султанам, его родственникам, Сюку и Али, советуя им сдержать свое слово и не отказываться прибыть в условленное для переговоров время. Он удивляется, однако, что до сих пор нет никакого ответа, и даже боится, как бы не попали его братья, которые выехали месяц тому назад, в руки Кенесары. Этот последний уже двинулся к реке Коксу. Уйсуны приняли его вполне безразлично, и хотя многие из них, даже сам омский посол Мауке, по призыву Кенесары поспешили

на кенес, он сомневается, чтобы они вошли с ним в близкие отношения и стали что-то делать в его интересах, хорошо зная надменность и сумасшедший характер человека, имеющего в виду только эгоистические, а не всех киргизов интересы. Все же он убежден, что боязнь мести Кенесары может удержать уйсуну от приезда на кенес с генералом.

10 июня. (Продолжение.)

Наш политический горизонт проясняется. Начальник отряда, стоящего с двумя орудиями уже второй месяц на берегу Лепсы, сообщает, что братья султана Буленя счастливо возвратились из своей поездки. Кенес с Кенесары длился целую неделю. Уйсуну просили своего гостя, чтобы он покинул их край поскольку они вошли в переговоры с Россией и уже почти приняли подданство. Кенесары не соглашается на уход, так как он погубил бы его окончательно в общественном мнении и мог бы привести к новым поражениям. Несмотря на это, султаны Сюк и Али обещали «спустя 9 дней после рождения месяца» приехать к берегам Аксу.

Мы тем временем, основываясь на давнишнем и разумном изречении «*si vis pacem, para bellum*»⁶⁵, стягиваем казаков с кокбектынских, аягузских и каркаралинских пикетов, готовим конную артиллерию, табуны коней, верблюдов, юрты, живность, вызываем из этих трех округов старших султанов, чтобы они с вооруженными

⁶⁵ *Si vis pacem, para bellum* – хочешь мира – готовься к войне (лат.).

отрядами своих киргизов поспешили соединиться с нашим отрядом, который под личным руководством пограничного начальника пойдет на берега Лепсы. Став с этими силами на теперешней границе Российского государства, мы не только сможем показать киргизам во всем блеске его мощь, придать большой вес дипломатии во время конгресса, но даже импонировать самому Кенесары и, если потребуют того обстоятельства, вышвырнуть его за последнюю из семи рек.

Но вот и сам «джендерал», как титулуют его киргизы, прибыл в Аягуз. 13-го двинемся в поход. Теперь жди моих бюллетеней с берегов Лепсы, Аксу, Коксу, Баскан или Саркан, а тем временем – будь здоров и люби меня по-прежнему.

АЯГУЗ, 11 июня, ПОЛНОЧЬ. ПИСЬМО М. И П. В ТОБОЛЬСК.

X

Дорогие друзья! Когда один из вас выдает сторожам финансового управления нитки и свечи, а другой рассылает во все города и городки Тобольской губернии записки, я в это время играю роль дипломата и странствующего рыцаря. Сегодня, например, писал трактат мира между двумя народами, а завтра – аттан! – на коня и с пистолетами за поясом, с ружьем за плечами, с камчой в руке марш на границу Большой орды.

Если вы читали Жакмона и помните описание похода великого правителя Индии из Калькутты на берега Сутледжи, наша сегодняшняя поездка очень сильно напоминает его. Вся разница только в том, что там были слоны и паланкины, а у нас верблюды и юрты. Перейдем ли мы Рубикон? Еще неизвестно. Но что бы там ни было, эта деятельная жизнь, полная поэтических впечатлений, пришла к мне по вкусу. Через неделю встанем над Лепсой. Нужно сделать один переход – 80 верст по песку, где нет ни капельки воды. Поэтической будет там жажда! Особенно при 40 градусах жары; но что вам заправлять об этом, когда, может быть, вы в эту минуту, как самоеды, ходите в оленьих дохах и под вашим носом плывет Иртыш! Так будьте здоровы!

АЯГУЗ, 11 июня. ПИСЬМО Г. 3.⁶⁶

XI

Дорогой Густав! После долгого ожидания мы приветствовали наконец пограничного начальника, который под охраной 25 казаков прилетел к нам из Кокбекты. Говорю «прилетел» потому, что может ли быть более подходящее название для такого передвижения, когда в любой миг, по первому приказу, целые табуны коней, расставленные через несколько миль по степи, готовы нести его, словно вихри, через горы, долины, кусты и реки. Его приезд сильно

⁶⁶ Густаву Зелинскому, своему другу, уже уехавшему на родину.

обрадовал меня, так как, ускоряя наш поход за Лепсу (в тот край золотых фазанов и, что еще любопытнее, тигров, которых я до сих пор видел только в клетках и с которыми теперь, может быть, случится встретиться носом к носу под открытым небом), одновременно кладет конец этой бездеятельной жизни, которую мы ведем уже несколько дней и которая утратила для меня очарование новизны.

Тихий и скромный Аягуз, дождавшись такого знаменитого гостя, каким является начальник Средней орды киргизов, сейчас весь в необычайном движении и выглядит, как новобрачная в день свадьбы. Ты даже не представляешь, что за пестрый плум-пудинг, что за искрящийся *mixtum chaos*⁶⁷ представляется моим глазам на каждом шагу. Здесь сановники, гражданские и военные разных родов оружия, не знающие целый год тисков узких мундиров, – в новенькой, с иголки, форме, с застежками, сверкающими на солнце, в незахвачанных шапках или блестящих касках, парадуют по крепостной площади; там – киргизская аристократия, разряженная в самые богатые халаты или манлыки с золотыми или серебряными драконами, в чамбарах, вышитых кармазиновым шелком разнообразным орнаментом, цветами и зигзагами, в остроконечных, подобных сахарной голове шапках, важными шагами прохаживается среди массы народа, сидящего на земле, возле групп лошадей, равнодушно глядящего на всю эту толпу, на эту пышность; а там и пол прекрасный

⁶⁷ *Mixtum chaos* – здесь – смешанная толпа (лат.).

и непрекрасный, в желтых, зеленых, голубых и пунцовых из китайской канфы мантильках легкой походкой прогуливается по валам. Одним словом, это многоцветная и многолика картина, какой не увидишь в калейдоскопе, хоть тысячу раз его поверни!

Тем временем квартира наша все еще как в осаде, а внутри тесно, как на лондонском рауте. В течение двух последних дней у нас совершенно не было ни минуты покоя, потому что по приказу пограничного начальника суд биев, этот импровизированный степной ареопаг, в присутствии Виктора разбирает важное дело между ташкентцами и бухарцами, с одной стороны, и киргизами, с другой стороны. Несколько ташкентцев и бухарцев (*vulgo*⁶⁸ называемых у киргизов сартами), поселившихся для торговли более сорока лет тому назад в Семипалатинске, пасли в киргизских степях небольшие табуны своих коней и верблюдов, составляющих караваны. А так как степь большая и широкая, как океан, то киргизы, не жалея травы, «которую Аллах каждый год сеет», не запрещали этих пастбищ своим единоверцам. Но когда в более поздние времена эти пришельцы, увеличившиеся до нескольких сотен, покрыли своими табунами значительное пространство степи и не только стеснили киргизские кочевки, особенно зимние, что очень важно, но еще и по праву «давности лет» присвоили себе урочища Аркат и Альджан, занимающие около 60 кв. верст, киргизы, действительные владельцы этих

⁶⁸ *Vulgo* – в просторечии (лат.).

последних, справедливо разгневанные на жадность ворвавшихся, начали ставить преграды, так что не раз доходило меж ними до кровавых стычек. Этот долголетний спор, доходивший уже неоднократно до высших инстанций, все еще тянулся, и только сегодня, после двухдневного разбирательства и бесконечных речей был окончательно разрешен. Вот краткое содержание трактата, который я имел честь составлять на основе, понятно, устного приговора биев, избранных с обеих сторон:

1. Народ сартов с сегодняшнего дня и до окончания веков имеет свободное и безоговорочное право кочевать летом и зимой со своими стадами в урочищах Аркат и Альджап.

2. За это право народ сартов обязуется до окончания веков ежегодно выплачивать киргизскому народу Средней орды дань, складывающуюся из ста бухарских даб, которые при посредничестве ел билеуши будут розданы между джатаками Кучук-Тобыктинской и Джанбубек-Сиванской волостей, кочующих на упомянутых землях с незапамятных времен.

3. Мир, согласие и добрая гармония будут длиться во веки веков между двумя народами.

Кратко и коряво.

Когда я писал эти *pacta conventa*⁶⁹, доказывающие великодушие киргизского народа, что так щедро раздавал землю, на обширном пространстве которой могли очень удобно разместиться полдюжины немецких князей со всей пышностью своих дворцов, камергеров, фрауцим-мер,

⁶⁹ *Pacta conventa* – мирные договоры (лат.).

министров и своих мощных контингентов, я подумал: о дивные судьбы человеческие! Снилось ли мне когда-нибудь, что я в другой части света буду играть роль дипломата среди народа, еле мне известного по названию.

Это ташкентско-бухарско-киргизское дело дало мне возможность узнать двух мужей, имеющих большое значение среди своих соплеменников, которые как две звезды первой величины светят всем племенам степи. Скажу тебе несколько слов о султани Бараке и бие Кунанбае.

Султан Барак – потомок ханов, ведущий свой род от Чингисхана. Он еще в цвете лет, это человек величественной осанки, с благородными чертами лица и необычайной силы. Щедрая природа наделила этого степного Геркулеса рядом с выдающимися умственными способностями и сильным характером и неустрашимым мужеством. Он был воспитан в рыцарских обычаях, как сын барона феодальной эпохи: никто метче его не стрелял из лука, никто быстрее его не укрощал дикого жеребца, не поднимал огромное камня. Байга, этот киргизский турнир, охота и баранта, на которых пальма первенства всегда увенчивала его тело, широко разнесли по степи славу этого молодца. Со всех сторон прибывали охотники легкой добычи под зеленое знамя его дружины, и не раз молодой герой водил ее под снежные пики Ала-Тау. Как горный орел на птиц, падал он оттуда на многочисленные стада, принадлежащие уйсунам, которых разбивал, несмотря на девятикратно превосходящие

силы. Всегда с богатой добычей возвращался он в свой аул.

Эти внезапные налеты, напоминающие нападения горных кланов на равнины Шотландии, сделали его имя, как некогда имена героев романов Вальтера Скотта, страшным и осветили его ореолом народной поэзии. Не одна ватага степных корсаров убегала только при звуке имени Барака, не один уленши воспел славу покорителя залепсинских племен. Нынче в связи с изменением обстоятельств в стране он припрятал свои громаы и молнии, почивает на лаврах. С беркутом на руке гоняется за волком, лисой или стадом летучих сайг, но достаточно взглянуть на него, чтобы убедиться, что чингисханская кровь не заснула в его жилах, а скромной власти ел билеуши и даже расшитого золотом пунцового халата далеко не достаточно, чтобы удовлетворить гордость батыра найманов. Как высоко поднимает он свое мужественное чело, отмеченное печатью гения и мощи, перед каждым, кто осмелился бы им пренебречь.

– Раз, будучи в Чугучаке, – рассказывал мне Барак, – пошел я с другими к тамошнему алдаю (коменданту); товарищи мои упали перед ним на колени, как наши женщины перед старшими; только я один в знак уважения положил руку на сердце. Удивленный негибкостью моей спины, алдай спросил, почему я не падаю на колени, как другие?

– Только богу надлежит такая честь, – ответил я, – а ты не бог.

Мой алдай, разгневанный этим ответом, рывкнул:

– Я тебе приказываю!

– Ты, – возразил я, – не имеешь права мне приказывать, и я не выполню твоего приказа. Но если тебе не нравится мое посещение – будь здоров!

Эти слова смягчили чурчута (китайца), и он не только попросил меня сесть, а еще и лучше других принял, угощал чаем и разными яствами, которых я не мог есть, потому что не привык к змеям и тому подобным лакомствам китайских поваров.

Вот в общих чертах этот байронический образ, образ мужа со всеми зародышами мощного духа, способного вести за собой массы и склонять их к выполнению своих целей.

Немногим старше султана Барака бий Кунанбай, это тоже большая знаменитость в степи. Сын простого киргиза, одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые.

Облеченный доверием сильного рода тобыкты, избранный на должность волостного управителя, исполняет ее с редкостным умением и энергией, а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головой. Когда-то он был красивым мужчиной, нынче на его лице

следы оспы, несколько лет назад чуть не унесшей его в могилу, как Мирабо; во время вдохновенной речи он заставляет слушателей забыть о своем страшном обезображенном лице. Эти жестокие последствия страшной болезни всякий раз пробуждают в нем сладкие воспоминания о сочувствии земляков, которое может дать тебе доказательства его заслуг и значения.

– Толпы людей в отчаянии, – говорил он мне с волнением и гордостью, – днем и ночью окружали мою юрту, где среди невыносимых мук я боролся со смертью. Их слезы залили огонь, пожиравший меня, и вымолили у Аллаха возвращение меня к жизни.

Не таким ли сочувствием в одной из самых просвещенных стран Европы окружал народ последние минуты умирающего трибуна, что, как и Кунанбай, был его щитом против несправедливости и насилия богатых; этот народ, что оказался менее счастливым, чем нецивилизованный, не сумев выплакать у бога жизни для своего защитника, в порыве благодарности создал для умершего Пантеон.

С дюжину султанов и полдюжину мурз были нынче у нас на чаепитии. Обо всей этой родовой владетельной аристократии можно сказать словами нашей польской пословицы: «Стоит дворец Паца, а Пац – дворца». Белая кость⁷⁰ (султаны) рядом с Бараком кажется скорее серой, чем белой, а все баи (богачи) недостойны развязать ремешок на обуви Кунанбая.

⁷⁰ Аксуйек – так в переносном смысле называют султанов. – Прим. автора.

АЯГУЗ, 12 июня. ПИСЬМО Г. 3.

XIII

*Откуда то неожиданное волнение?
Какое имя мир провозглашает?
Словацкий.*

С присоединением Средней орды к российским владениям в Азии кончилась и власть ханов. Со смертью последнего из них этот титул был отменен навсегда, и сегодня живым напоминанием о ханстве является только старая бабка, известная под именем ханши Валиевой.

На руинах ханской власти Россия создала в Средней орде [20] власть старших султанов⁷¹. Вообще-то весьма ограниченная такая власть в руках человека с головой и сердцем может, хоть это и не кажется на первый взгляд заметным, иметь определенное значение. Знаменитые родоначальники, гордые потомки ханов, стараются заполучить ее, как большую честь и ступень к возвышению. Но правительство строго наблюдает за тем, чтобы старшие султаны не забывали, что ханская власть кончилась и отошла в прошлое. В конечном счете хан был один, а сегодня Средняя орда имеет семерых старших султанов.

Несколько часов тому назад я был свидетелем выборов старшего султана Аягузского округа. После кратких совещаний султанов и ел билеуши, проходивших под открытым небом в присутствии огромного множества людей, им стал

⁷¹ По-киргизски ага-султан. — Прим. автора.

тихий и бедный султан Булень. Кандидатом или его заместителем, словно для того, чтобы слабая тростинка могла опереться на нестигаемый дуб, выбрали уже известного тебе султана Барака [21]. Киргизы, верные обычаям предков, соблюдавшимся некогда при выборах своего земляка ханом, в мгновение ока разодрали меж собой на память скромный халат нового президента волости, почетную утрату которого сразу же возместил пограничный начальник, пожаловав ему от имени правительства пунцовый халат, богато вышитый золотом. Но мне кажется, что ничто так не осчастливило и не польстило больше его гордости, не подняло в собственных глазах и глазах сородичей, как громогласный залп, которым в честь его триумфа грянули орудия аягузской крепости.

В других странах новоизбранный сенатор, желая выказать свою благодарность избирателям, справляет им угощение из собственного кармана; у нас в степи делается совершенно иначе. Этот праздник, или, как киргизы называют, байгу (потому что обычно он сопровождается конными соревнованиями), устраивает за свой счет правительство, от имени которого местная власть оказывает честь и угощает как избирателей, так и сенатора, отмеченного их доверием. Действительно, все угощение состоит из чая и пилава для аристократии и баранины, конины и кумыса — для плебса. Но чего же более нужно для народа, которому чужды наши напитки, а кусок вареного мяса является самым желанным лакомством?

Во время нынешнего праздника я впервые имел возможность слышать уленши. Это киргизские трубадуры, барды степи, великие поэты, импровизации которых, как и талант исполнения, часто присущий киргизам, прекрасно свидетельствуя об умственных способностях этого народа, невольно перенесли меня в средние века, ибо только там, под каменными сводами готического замка, у какого-либо владетельного барона, пирующего среди своих вассалов, мог бы я найти то, чему был сегодня свидетелем под навесом киргизской юрты.

Вот описание этого праздника, какое я смог сделать наскоро, занятый приготовлением к завтрашнему походу.

За валами крепости есть обширная площадь, на которой в нескольких юртах, раскинутых для этого случая, помещается все киргизское общество, приглашенное на праздник. В самой большой из них – высшее общество, состоящее из султанов, биев, мулл, ходжей, мурз и старшин, во всей пестроте своих костюмов важно сидящее на коврах, покрывающих землю, и ожидающее прибытия пограничного начальника.

В 12 часов пограничный начальник, окруженный отрядом русско-польско-казацко-татарских гражданских и военных чиновников, прибывает на место праздника. У дверей аристократической юрты ага-султан в окружении нескольких степных лордов приветствует его краткой речью и торжественно отводит на приготовленное для него место.

С этого кресла, как с трона, по правую и по левую сторону которого стоят полукругом мундиры, пограничный начальник произносит несколько слов, обращенных к собравшимся, которые после перевода на киргизский язык драгомана возбуждают всеобщее восхищение.

Когда шум улегся, мулла прочитал молитву, прося Аллаха, чтобы благословил яства и напитки, приготовленные для них; собравшиеся, подняв руки вверх, в торжественном молчании слушали, молитву.

После этого религиозного обряда несколько русских толмачей вносят на огромных подносах чай, первую чашку которого вежливый джендерал, как киргизы титулуют пограничного начальника, преподносит новоизбранному ага-султану, другую берет для себя и дает приказ угощать всех поочередно.

Потом, когда все наше общество держит в руках чашки и подкрепляется китайским напитком, один молодой менестрель, красивый, с черными усиками и быстрыми глазами, ударяет по струнам своего невзрачного инструмента и смелым, мужественным, полным приятной гармонии голосом начинает импровизацию.

Надо понимать, что ее первые строфы – в честь джендерала. Поэт прославляет его достоинства, «радуясь вместе со всем народом, что осчастливил своим приездом, которого киргизы так нетерпеливо ожидают каждый год и который для них всегда то же, что весеннее солнце для степи. Это счастье, – уверял он вдохновенно, – было бы еще больше, полнее, если бы не

мешал враг всеобщей безопасности и мира, но он лелеет надежду, что одна весть о приближении джендерала вновь прогонит Кенесары в песчаные пустыни Кара-Кумов...»

После этого комплимента, мастерски связанного со злободневностью, молодой Орынбай (имя нашего уленши) выступил с прославлением старшего султана Булея, каркаралинского оратора Кунанбая и поочередно отдал дань своего преклонения перед каждым из знаменитых членов собрания; но никто из них не возбудил такого сильного энтузиазма, как султан Барак.

«О ты! – пел он со все растущим возбуждением, доходящим в конце, право, до восторга. – О ты! Кровь Абульфаиза! Потомок Чингисхана! Султан Барак! Слушай песнь уленши Орынбая!

О! Слушай мою песнь, хоть это не первая и не последняя для твоего уха, ибо кто же из уленши не пел или не будет петь в твою честь!?

О! Велика наша степь! Но есть ли юрта, которая не слышала, которая не повторяет песнь о Бараке?

О! Ибо чей же род более знаменит, более древен, более благороден, чем род Барака! (отец и дед Барака растут как на дрожжах).

О! Кто же даст более мудрый совет на кенесе? Кто на суде биев справедливее развяжет спор, чем Барак?

О! Кто же превзойдет всех соперников мужеством, силой или мастерством на байге, как не Барак? (Барак скромно смотрит в землю).

О! Кто на охоте, кто в баранте так себя покажет, как Барак? (Барак не рад последней похвале, он морщит брови и потирает лоб).

О! И кто же щедрее вознаградит бедного уленши, чем славный потомок ханов, султан Барак! (Барак смеется).

О! Повсюду и всегда велик султан Барак! Самый большой батыр в степи – султан Барак!

О! Недаром по всей степи разносится только имя Барака! Барак! Барак!»

Он окончил, а наш герой в порыве энтузиазма, утоленного лестью большого поэта тщеславия, сорвался со своего места, сбросил халат и, метнув им в поэта, сказал:

– Должен тебе верблюда и скакуна!

Подражая щедрости Барака, только в меньшем размере, каждый в меру похвал и кадила, кто только получил их, желая не желая, но должен был воздать ему. В мгновение ока деньги, халаты и кони (эти последние, разумеется, в посулах) посыпались со всех сторон на голову поэта вместо лавров, а громогласные возгласы удовлетворения потрясли шаткие стены нашего здания.

Пока все это происходит и наш трубадур собирается импровизировать благодарность собравшимся за высокую оценку его таланта, из дальнего угла юрты послышался зловещий для уха звон струны, и в ту же минуту, словно чертик из шкатулки, какая-то невзрачная фигурка перескакивает через головы достойнейших султанов и солидных ходжей и, с домброй в

руках, сев около удивленного Орынбая, хвастливо говорит ему:

– Посмотрим, кто из нас лучший уленши?!⁷²

На такие *dictum acerbum*⁷² Орынбай ответил презрением, глаза у него заискрились, как у разъяренного кота, он покраснел как рак и, если бы не присутствие дженде-рала, швырнул бы, без сомнения, в глаза завистнику его поэтической славы, сопернику, весь запас энергичных выражений киргизской злости, а может, и сломал бы о его ненавистный лоб свою домбру. Но связанный приличиями, он не только сдержался, но и принял вызов с миной победителя.

Началась борьба. Немая тишина вновь объяла юрту.

Как на Олимпийских играх, два поэта боролись друг с другом. Едва один выстрелит стробой, другой немедля отстреливается; первый смело нападал, второй мастерски защищался; страсть у обоих все возрастала и разжигала острую борьбу. Это была захватывающая картина.

Не зная искусства стенографии, могу тебе передать только несколько строб, составляющих смысл поэзии нового уленши, удержанных памятью одного из моих толмачей.

«О! И я уленши киргизского народа; и я не первый раз пою в присутствии такого множества великих людей, людей прославленных!.. И я уленши, но не такой, как Орынбай: песни Джаная не такие, как песни Орынбая... О Орынбай! Ты прославлял джендерала, и Джанай сумел бы

⁷² *Dictum acerbum* – горькие слова (лат.).

его похвалить! Но зачем ему похвалы бедного уленши, когда он и без них велик, прославлен и любим в степи! Ты прославлял наших султанов, потому что любишь их халаты и коней, а я никому не люблю льстить, как несчастный мусапир (нищий)... Ты льстишь каждому, потому что словно голодный пес ждешь, чтобы тебе бросили кость, а я не хочу быть нечистым животным... И ты смеешь называться уленши? Ты, поющий только тем, кто тебе платит!.. Если ты настоящий уленши, почему ты не поешь об умерших? Почему не прославляешь тех, которых уже нет? Почему не славимь наших отцов, наших предков, что когда-то жили в этой степи? О! Как их прославлять (передразнивая голос и жестикуляцию Орынбая), как о них петь, когда они не дадут ни коня, ни халата, а если бы и дали свои кости, их бы и собака не ела... Ой ты, Орынбай! О! Ты славный уленши! А знаешь ты, какова была степь в давние времена? Кем был киргиз во времена хана Аблая?... и т. д.

Желая доказать, что он все это знает, как молитву, и в состоянии петь *de omnibus rebus et quibusdam aliis*⁷³, Орынбай прыгнул со своей домброй не дальше и не ближе, как к сотворению мира, и, начав от Адама, воздал славу каждому из патриархов, как перед этим присутствующим султанам; потом, переплыв в Ноевом ковчеге воды потопа, бросился с вершины Арарата на библейскую древность, не пропустив ни вавилонского Навуходоноссора,

⁷³ *De omnibus rebus et quibusdam aliis* – всякие вещи и еще кое-что (лат.).

ни фараонов Египта; наконец, неудержимый, словно Ниагарский водопад, запел о каждом из знаменитых мужей, которых встречал по дороге, и, не передохнув ни минуты в течение часа, счастливо добрался до самого Магомета. Этот ураган песни, нависший над последними десятиями веками, вот-вот должен был упасть на головы героев исламизма и разбиться мелодичными брызгами над киргизской Ордой, как вдруг... О! При самом выходе из Мекки на домбре нашего певца-Фариса лопнула струна.

На этот раз отчаяние певца-поэта, забывшего о правилах приличия и о почетном госте степи, вырвало у него из глубины сердца тихое, но страшное проклятие...

Пока он натягивал струну, его соперник, не желая признать себя побежденным, предпринял новую атаку:

«Что же означает эта длинная история? Каждый мулла расскажет ее лучше, чем ты, ведь и ты ее узнал от муллы и сегодня похваляешься ею, как украденной кобылой... Но если ты хочешь доказать, что ты великий уленши, расскажи нам значение каждого числа, начиная с первого и до десятого». (Тут дело шло, как меня уверял толмач, об аллегорическом значении чисел в религиозном смысле.)

Только это и нужно было Орынбаю. Видно, этот предмет был его сильной стороной, потому что с явным удовольствием закричавши: «Тохта! тохта (подожди, тихо!)!», — ударил он по струнам и начал вариации на заказанную тему, которые

и исполнил *con amore e splendore*⁷⁴. Все киргизы, до тех пор молчавшие, прерывали его частыми выкриками и восторгались его талантом. Действительно, это было что-то прекрасное, если и я, не знающий языка, получил большое наслаждение. Услышав провозглашенное таким торжественным, словно звон башенных часов, голосом знакомое слово «бир (один)!» и вскоре за ним, еще торжественнее, со всей мощью духа веры брошенное, как бы с вершины выстреленного в небо минарета, набожным голосом муллы слово «Аллах», я сердцем понял, что великий поэт воспевает величие бога, который является высшим существом, и вместе с ним склонил голову перед величием этого «бир!»), что сотворило миры. Дальнейшая импровизация осталась для меня темной, как ночь, аллегорией и, к несчастью, лилась так быстро, такой безумной рекой, что никто не мог зачерпнуть из нее ни капельки; лилась она долго, и не знаю, был бы конец этому паводку, если бы не внесли на поле боя огромные антипоэтические миски с пилавом, которые сдержали вдохновение уленши. Он замолк, но на сей раз счастливым, поскольку вся аристократия ему присудила пальму первенства. Джендерал же, боясь, видимо, еще большего наводнения песен и звуков киргизской музыки, несколькими лестными словами и поднесением подарков — отличного сукна на чамбары — ублажил самолюбие соперника, и на этом закончилась их борьба. И все это ведь, думал я, слышу я своими ушами в степи, среди народа, который мир считает ди-

⁷⁴ *Con amore e splendore* - с любовью и блеском (исп.).

ким и варварским! Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда и не слышали о Демосфене и Цицероне; а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами, ибо песни их так много говорят моей душе и сердцу. И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого иного будущего?! О нет! Воистину! Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев...

Праздник длился недолго, потому что список блюд был короток: на первое блюдо – пилав, на второе – воловина, на третье – баранина, и баста! *Omne trinum perfectum*⁷⁵. Кумыс вместо шампанского. Молитва была началом и завершением праздника. Все прошло вполне прилично. Лишь когда джендерал попрощался с собранием и вместе со своей свитой покинул юрту, общественный порядок был несколько нарушен, так как бушующие волны племса, не насытившегося своей кониной, добиваясь остатков аристократического ужина, низвергнули навес из кошмы на

⁷⁵ *Omne trinum perfectum* – все три превосходны (лат.).

головы патриархов. К счастью, не только никто не утратил жизни во время этого страшного случая, но даже ни одна голова не понесла ни малейшего ущерба. Да здравствуют киргизы!

Завтра оставляем Аягуз. Как скоро найду возможность переслать тебе весточку о себе – предвидеть нельзя, ибо сегодня Аягуз является для меня тем, чем порт для парусника, пускающегося в океан: это последняя точка, откуда идет почта в Сибирь. За аягузскими рогатками – «досками забито», как говорит пословица. Конец света! Итак, до того, как за этими Геркулесовыми столбами, за этой *ultima Thule*⁷⁶ подвернется какая-то возможность отправить тебе письмо, будь здоров, мой дорогой! Это письмо – последнее, написанное в халупе; следующее, может быть, буду писать в какой-нибудь пещере, под панцирем алатауских льдов.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ

13 июня

С утра сильный ветер; приготовления к отъезду. Ужасный ураган. В час дня мы выезжаем из Аягуза: казачья сотня, одно орудие и кокбектинские киргизы под руководством Кийсыка-Тана, часть вооруженная винтовками, айбалтами и луками. Нашим предводителем является старый бий Бейбит, который поехал для того, чтобы отобрать халат, присвоенный уйсунами еще в 1814 году.

⁷⁶ *Ultima Thule* – здесь – последняя граница (лат.).

Ваши, без которого путешественник в степи не может обойтись, как в американской пуще без индейца, это обычно человек на возрасте, бывалый, опытный, который, проведя свою молодость на баранте и пересекая Орду из конца в конец, часто ценой многих отметин на лбу, приобретал такое хорошее знакомство с местностью, что был в состоянии лучше, чем самая подробная карта, провести в отдаленный пункт степи самым верным и коротким путем. Днем – с помощью замеченных и удержанных в памяти гор, ручьев, источников, могил, скал; ночью – с помощью звезд и ветра. Баши, основательно знающий свою профессию, очень ценится. И не раз шайка разбойников, отправляясь в поход в далекие аулы, жертвует значительную часть добычи с баранты, стараясь приобрести проводником человека, топографические, минералогические, астрономические, а более всего гидрографические познания которого обещают ей удачное завершение предприятия. Именно такого, обладающего универсальной наукой баши и послало нам исключительное покровительство Фортуны в особе бия Бейбита, некогда батыра [22], любителя баранты и охоты, посла, дипломата, судью, а нынче – пусть это не умалит его славы – приживальщика, который, бросив на волю судьбы старую, как и сам, половину и жалкое достояние в своей юрте, целый год бродяжит от аула к аулу, от одного султана к другому, проводя у них и вместе с ними по нескольку дней на кенесах, байге, погребальных обрядах – одним словом, на всех тех собраниях

in gratiam⁷⁷, на которых киргиз волей-неволей должен резать баранов и коней. Будучи, как все приживальщики и резиденты на свете, большим говоруном, он рассказывал мне, что сорок лет назад, являясь членом киргизского посольства в Петербурге, во время приема у царя Александра видел сразу шесть королей (!?!). Царь обратился к послам Орды с такими словами: «Слушайте! От моего отца, деда и прадеда я получил три вещи: Петербург, войско и купечество. Я живу далеко от вас; поэтому вы охраняйте караваны моих купцов, проходящие через ваши степи. Ибо если нельзя будет безопасно торговать, придется прислать к вам войско». Позднее, во второй раз приехав в столицу, он царя не застал, хотя и ожидал его 22 месяца и 17 дней. Не дождавшись, вернулся на родину. Но российский монарх, прибыв из-за границы, как только его уведомили о посещении посла, прислал ему через султана Сюка Аблайханова поклон и палаш вместе с богатым халатом. Палаш этот до сих пор у него, и нынче, плотно вдвинутый в чехол из кошмы, красуется на боку у экс-посла; а халата, несмотря на всю свою дипломатию, он с 1814 года никак не может получить. Он потому, собственно, и взял на себя должность почетного баши, чтобы при помощи влияния и протекции джендерала добыть из рук уйсунов дарованный ему столько лет назад монарший гостинец. И вот эта полусерьезная, полупотешная степная знаменитость с привязанным к саженному копыю красным платком, выйдя на резвом буланке

⁷⁷ In gratiam – бесплатно, даром (лат.).

перед нашим авангардом во время выступления в поход, предоставила себя со всей своей географией, минералогией, гидрографией, метеорологией и астрономией к услугам экспедиции. А за ним, как флотилия за магнитной стрелкой компаса, устремились и мы.

Ураган, дойдя в своей ярости до зенита, стал наконец слабеть, и вскоре тучи, вышедшие из его повиновения, облили нас проливным дождем, за который после такой долгой жары и пыли, забивающей глотку, мы совершенно не сердились; тем более, что, обмыв нам лица и освежив воздух, он прекратился.

Наш караван, оставив по правую руку реку Аягуз, текущую в озеро Балхаш, шел берегом Нарына, заключенного в скалистое ложе, по дороге, которой караваны тянутся через Тарбагатай (горы) на китайскую ярмарку в Чугучак. Я очень жалел, что копье нашего баши все больше отделяется от хрустальных вод первой из названных речек: и из-за ее берегов, поросших на протяжении ста верст милой для глаз путника зеленью, и из-за соловьев, что целыми ночами распевали для меня какие-то дикие непонятные песенки; наконец, из-за того, что я потерял возможность посетить могилу, покрывавшую останки влюбленных Козы-Корпеша и Баян-Слу, увидеть на ней камни, где резец степного ваятеля оставил потомству портреты романтической пары.

После шестичасового перехода караван верблюдов с юртами, шатрами и выюками получил

приказ пойти вперед и у подошвы горы Чингужи, на берегу Нарына, поставить юрты.

Полчаса спустя мы вышли к Чингужи и застали приказ выполненным.

Наш начальник выбрал для ночлега великолепную летнюю резиденцию султана Усмана, а мы, гражданско-военный штаб и его охрана, заняли стоящую рядом беседку, в которой после бессонных аягузских ночей, избавившись наконец от жары и проклятых оводов, под шорох журчащего по камням Нарына и воркование горлинок в первый раз сладко уснули, почти так же сильно, как та пара нежных киргизских голубков.

14 июня

Ночью один конь, запутавшись, сломал ногу. Киргизы его сразу прирезали, и во время похода мы видели куски конины, притороченные к седлам. С 4 до 10 часов утра мы пеклись, право же, на африканском солнце. Маленькая речка Ай, на берегу которой мы стояли лагерем до 2 часов дня, своей хрустальной водой подкрепила наши силы. Вечером вышли к источнику Карабулак. Все время шли каменистой дорогой. Из-под копыт наших лошадей то и дело выпархивали дрофы, выскальзывали ящерицы, фаланги.

15 июня

На третий день пути увидели слева Тарбагатай, а перед собой Алатауские горы. Все новые и новые цветы. Множество дроф; семь маленьких мы изловили. Иногда появляются сайги. После четырех часов марша отдыхали

над Караколем, речкой в прекрасной зеленой долине; жара усиливается. Здесь уже повсюду песчано-глинистый грунт, часто солонцы, следы отступления моря, которое ныне представляют ала-кули (озера). Появляются кусты красивой зелени, джингил. С часу до восьми – на марше. Ночлег в камышах Ала-Куля. Там должны быть кабаны и тигры; следы первых мы видели, о вторых не слышно. Но зато крики уток, лебедей и гусей, право, оглушительны.

16 июня

На четвертый день баши хотел провести нас ближайшей дорогой, то есть через камыши, но так завяз в болоте, что едва смог выбраться и чуть было не закончил свое почетное дипломатическое дело бесславной смертью. Но, выбравшись из болота, хотевшего его взять живьем, он не растерялся и объяснил все тем, что море увеличилось, потому что 40 лет назад он не только само болото, но и брод переходил не один раз без всякого ущерба. Поэтому, не тратя времени, мы подались более длинной, но вполне надежной дорогой мимо дебрей камышовых зарослей, обход которых отнял у нас пять часов. Все это время Ала-Куль совершенно не был виден. Столько наслышавшись от киргизов о его морской величине и не видя ни одной его капельки, я подумал, что и это море – мираж, как все вчерашние озера, и уже не сомневался, что останется он для меня загадкой, которую, может быть, разгадают позднейшие географы.

В этот миг мой скакун вынес меня на песчаное взгорье Ай-Тобе.

Боже! Какая захватывающая картина! Весь наш отряд крикнул в один голос в порыве восхищения. Есть ли что-нибудь более великолепное на свете?! Можно ли вообразить себе что-то более монументальное?!

Перед нами зеркало вод, не объемлемых оком, ранее не видимое, заслоненное непроходимой чащей камышей, охраняемое от любопытных путешественников страшной пастью тигра, море киргизов – Ала-Куль! Над его волнами, дрожащими в огне солнечных лучей, гордо возвышается единственный остров, несущий на своих плечах дикую, мрачную островерхую гору Арал-Тобе. Я сказал бы: это на заколдованном море зачатый замок какого-то чернокнижника или духа этих вод, не тронутых веслом ни одного Колумба. Слева в сумеречной дали величественные колоссы Тарбагатая, справа – уходящая в небеса хрустальная стена вечных льдов Ала-Тау: вот рамы пейзажа! А над всей этой пустыней земли и воды прозрачная, ясная голубизна неба, и, погружая в ней взор, восклицаешь вместе с поэтом:

*Небо чистое, настолько чистое и ясное,
Что можно бы увидеть бога в небе!*

Было время, когда с вершин Апеннин я глядел на два моря: это поистине величественная картина, и она много говорила моему сердцу; но думается, что если б даже на крыльях кондора

я взлетел на самый высокий пик Кордильер и оттуда, бросая взгляды, каждый раз видел у ног своих иной океан, я не чувствовал бы того, что пережил сегодня, стоя на небольшом взгорье и видя вокруг себя такие пустыни, перед собой такие воды, рядом такие горы и над собой такое небо!

Но, несмотря на то, что эта картина поразила меня своей необычайной поэтичностью, выразительностью, гармонией, я уверен, что впечатление было бы во сто раз мощнее, если бы я находился не в толпе, в толчее, среди людей и животных, но в одиночестве, несущимся фари-сом, пролетающим на своем скакуне пустыню; вдруг, остановившись, увидел бы это озеро среди вечного молчания природы! О, чувствую, что если бы в первый момент не окаменел от восторга, увидев эту картину, то был бы обязан жизнью только милости того, кто создал этот шедевр.

Отряды наши, мелькнув на вершине Ай-Тобе, вышли на берег доступного в этом месте Ала-Куля, которому за его величину и великолепие в восторге утвердили мы почетное звание «тенгиз» (море), данное ему киргизами. Здесь у нас был короткий привал, который мало помог, поскольку жара, усиливаясь с каждой минутой продвижения солнца по небу, дошла в этот день до такой неслыханной силы, что даже в тени, под пологом юрты, не было спасения. Люди и кони искали прохлады в струях Ала-Куля, но это средство освежить силы было минутным. В довершение всего нас ожидала «приятная»

перспектива: переход через безводную пустыню Дала, почти 70 верст длиной, переход, который нужно было совершить обязательно одним усилием, чтобы добраться до первого источника, находящегося у подножия горы Сайкан, первой из гор Ала-Тау в этой стороне, которая, словно морской маяк, должна была руководить нашей переправой через это экс-море.

И вот наш предводитель, не обращая внимания на ужасную жару, при воспоминании о которой я еще и сегодня обливаюсь потом, в час дня сел на своего гнедка и дал приказ продвигаться быстрым шагом. Колонны двинулись, а я за ними с чувством индианки, идущей на костер.

Первое, что мы увидели и что нас неприятно поразило,— было киргизское кладбище. Это вообще грустное зрелище, а тут еще в пустыне, в этой подлинной картине смерти, несколько десятков могил со сводами из камыша, обмазанного глиной, частью уже занесенных песком, частью разрушенных вихрями, составляли погребальный аул киргизов и торчали, как скелеты его обитателей, которые при жизни ставили тут зимой свои юрты у берегов Ала-Куля либо, переходя через Дала, случайно нашли здесь свою смерть. Словно для того, чтобы произвести на нас еще более ужасное впечатление, на нескольких, самых высоких, могилах сидели крикливые атайки, которые, прощаясь своим зловещим криком с уходящими колоннами, казалось, призывали на наши головы проклятья за кровь своих детей.

Вскоре мы попали на так называемую кульджинскую караванную дорогу, но в действительности это ни больше ни меньше, как ее тень, обозначенная копытами верблюдов и побелевшими от солнца и от времени их останками, костями лошадей, баранов, а может, и людей, тень, с которой, однако, наш баши ни на минуту не спускал глаз. След дороги тянулся через, разноцветные пески, серые, желтые, белые, соленые на вкус, или через потрескавшиеся пласты ила, покрытого, флорой, присущей этой мрачной местности и, как я заметил, весьма приходящейся по вкусу верблюдам, которые с жадностью щипали ее верхушки. Среди подобных растений тут великое множество каких-то кустиков вооруженного колючками сорняка, известного под названием кокпек, какой-то стройный сасык-курай с пустыми древесными стволами, род болиголова, покрывающего обычно сибирские степи, при нехватке дров идущего на топливо. Наконец, какой-то канбак, кустик шарообразной формы, издали похожий на круглый арбуз. Это растение, слабо закрепленное в почве, когда засыхает, отрывается от нее и, словно созданное для движения, путешествует по степи, передвигаясь по ветру. Осенью тысячи, порой десятки тысяч таких бомб, вращающихся вокруг себя идвигающихся с неопишуемой скоростью, кажутся издали непривычному глазу массой убегающих антилоп. Мне говорили, что тут растет *rhum-barbarum*⁷⁸, но не захотелось искать его среди змей и ящерок

⁷⁸ *Rhum-barbarum* – барбарис, кустарник.

разных пород и окраски, опасных и неопасных, среди тарантулов и скорпионов, которых мы тут убивали на каждом шагу в огромном количестве. Это их классическая земля, эти на вид вполне добропорядочные создания, может, по существу, более лучшие, чем их жуткая слава среди киргизов, свободно грелись на солнышке, как в благословенные времена, когда, кроме них, никого на свете не было. Нынче пришел человек, посмотрел на гадов с отвращением и презрением, как будто сам был лучше, прошел по их хребтам, и долго-долго будет помнить его стопу ползающее население Дала. Наши спутники-киргизы особенно отличались страстью к искоренению бедных джиланов и кесертке: били винных и невинных; тысячами падали они под ударами киргизского кнута, и я уверен, что наша дорога, устланная трупами этой ползающей братии, через месяц послужит какому-нибудь каравану самой лучшей вехой при переходе через пустыню.

А пока солнце на безоблачном небе двигалось медленно, стегая нас своими огненными бичами и припекая зноем, о котором только тот может иметь представление, кто пересекал сирийские пустыни или пески Сахары. Невыносимые муки терзали не только тело, но и мозг; подобные осужденным на вечные муки ада, ехали мы на наших покрытых пеной скакунах, еле удерживая в ослабшей руке поводья и угрюмым, безумным взором глядя перед собой. Какая-то торжественная, наполняющая невольной тревогой тишина, обычная предвестница земле-

трясений или урагана, господствовала во всей природе. Взор, помраченный ослепительным блеском света, разлитого в атмосфере, поражали какие-то зловещие фосфорические молнии, извивающиеся, словно воздушные змейки: казалось, вот-вот настанет момент, когда эти блуждающие искры небесного огня подожгут какую-нибудь сухую траву и в мгновение ока вся растительность пустыни займется пожаром, в пламени и дыму которого мы погибнем, как некогда обитатели Содомы и Гоморры.

Под влиянием этих бредовых представлений путались мысли в пылающей голове, а в сердце по мере упадка сил и все усиливающихся мук жажды, утолить которую не было возможности, все росло беспокойство. Наконец сама картина отрядов, продвигающихся в гробовом молчании, безмолвное, словно в пух, погружение копыт коней и верблюдов, глухой оборот тяжелых колес артиллерийских орудий, останки некогда живых существ, разбросанные по дороге, право, почти на каждом шагу змея или омерзительный тарантул – все это было чем-то необычным, дьявольским, наполняло, словно ночной кошмар, скверным чувством и все более увеличивало мучение от жары, которая в этот день – в смысле количества градусов – смело могла потягаться за первенство с наиболее жгучим обдорским или туруханским вином.

Обливаясь кровавым потом, изнемогающие, каждые полчаса, а то и пятнадцать минут меня лошадей под артиллерией и фургонами, продвигались мы все дальше и дальше в глубь

пустыни; но не каждый из нас мог противостоять власти божества, сидящего на своем золотом троне во всем блеске величия. Первым перед этим страшным величием преклонил колени предводитель похода, который хотя и был слаб здоровьем, но крепок духом, и, как самый ярый поклонник Зороастры, отдал ему дань глубокого уважения и со смирением укрылся в тарантасе, заменившем ему своды пещеры Митры.

По примеру вождя весь отряд, видя такую честь, оказанную божеству света, искал где только мог укрытия для своих голов, чересчур щедро освещенных его лучами. Только я да лекарь не захотели склониться. Но эскулапа нашего в седле удержало сухое телосложение, а может быть, какие-нибудь таинственные средства против жары; меня же – сильная, несгибаемая воля не поддаваться, и вторая, должен сознаться, не такая уж благородная причина – желание отомстить богатырскому штабу, который еще в Аягузе клялся, что меня с первого же ночлега отправят в больницу. Сегодня с высоты моего скакуна (которого я за его отвагу назвал Бараком в честь султана Барака) я с торжеством поглядывал на живописную картину голов моих противников, искавших прохлады под сенью, увы! котла, ведра или корзины с курами, и выразил сожаление, что слишком далеко до Аягуза, чтобы их потом отправить в лазарет. Киргизы устроились лучше, поскольку аристократия ехала под зонтами, а простой народ, надев шубы или ергаки, а на голову лисий или бараний малахай, казалось, должен был больше бояться мороза,

чем жары, но она, в конечном счете, была ему в этом костюме не так невыносима, как европейцу в тонком мундире и легком головном уборе.

Но уже приближалась минута, которая много лет назад была так страшна Иисусу, что, желая ее отдалить, он не поколебался нарушить закон природы и, закричав: «*Sta sol! ne movearis!*»⁷⁹, остановил солнце. Для нас, поскольку мы ничего больше не желали, как только захода этой планеты, та минута, когда она начала склоняться к земле своей огнедышащей пастью, была тем, чем некогда для семьи Ноя радуга, предвещавшая конец потопа.

На заходе солнца мы стали на границе Дала. Ее составляет длинная цепь песчаных холмов, украшенных зеленой короной джингила, которая, кажется, только для того блестит на их желтых мертвых лбах, чтобы дух пустыни мог пожертвовать скромный венец тому, кто с мужественным сердцем пересек его страшные владения. При виде этого благодарного куста я сразу понял аллегорию, оторвал целую ветвь и, воткнув ее в белую китайскую шляпу, которая служила мне прикрытием во время жары, гордо пронесся мимо арб и таратаек, в которых перевязи и аксельбанты уже начали возвращаться к жизни. Возвестив им заход солнца, я спросил, не хотят ли они, воспользовавшись легкимдыханием зефира и милым холодком, совершить прогулку и подышать свежим воздухом, буде их не удержит боязнь схватить катар. Мои герои, как ужи по весне, высовывали головы из своих

⁷⁹ *Sta sol! ne movearis* – солнце, остановись! Не двигайся (лат.).

укрытий, но, не будучи злы сердцем, смехом и шутками отбивали мои атаки, вместе со мной обрадованные тем, что наступил вечер, которого мы ожидали как спасения. То был конец страданиям лишь одного дня длиной в вечность, но не похода. Ибо лежала перед нами обширная долина, гладкая, словно зеркало, более низкая по уровню, чем Дала, протянувшаяся к самому подножию гор Проехав верст 15, в 9 часов мы остановились у подошвы горы Сайкан, первой из цепи Алатауского хребта. Здесь мы нашли отменный родник около могил, стоящих на пригорке. Справа от нас гора Сары-Булак. Для ночлега нам пришлось вытащить железные койки из-за множества фаланг и тарантулов, одного из которых мы убили в нашей юрте.

17 июня

На пятый день, выйдя в 4 часа утра, стали подниматься в горы. Все более великолепен вид снежных гор. Это был день моих именин. В 10 часов мы выехали в долину реки Чинжалы. Тут прискакал гонец с донесением, что вчера кисаевцы в количестве 60 человек ограбили едущих впереди Буленя и Тауке Агадаева и других – более 30 безоружных. Брат Буленя сбежал. Однако Буленю, как только его узнали, отдали все, кроме шапки. Здесь над краем долины песчаные горы – настоящие воровские тайники, одетые прекрасным кустарником, в частности красиво цветущим джингилом, джигидой. В самой долине трава высокая, но такое множество саранчи, что трава скоро исчезнет, если только

проливной дождь не зальет саранчу. Страшная жара. Поля возделывают при помощи каналов и ирригации, сеют на них просо. В 2 часа двинулись дальше и снова шли вдоль реки, на ней и заночевали.

18 июня

На шестой день выехали в 4 часа утра. Захваченные видом восходящего солнца, бросающего свои лучи на горы и их, никаким пером неопищаемое, великолепие, мы удивлялись, глядя, как киргизы снизу вверх поднимают воду для полива своих нив. Шли шесть часов, и после привала вновь стали подниматься в горы. Были трудные переправы, но хваты-артиллеристы преодолели все. Наконец увидели Лепсу в тополином венке и первые яблони в цвету. Буйная трава покрывает все горы и долины. Нас встретил Бекхожа, а до него еще высланный вперед с пикой баши. Позднее приехали Булень, Ибак и несколько уйсунув. Наконец с одной горы мы увидели огромную панораму чудесной долины Ой-Джайлау, кочевье Буленя, куда спустились, преодолев быстрое течение Лепсы, и были встречены отрядом Бозачинина. К заходу солнца мы стали на месте, сделав в общем 342 версты. Когда генерал спросил Кунанбая, как ему нравится вид Ала-Тау, тот сказал: «Великий боже! Как ты устроил! На горе люди умирают от мороза, внизу сохнут от жары!» В другой раз молвил: «Все красиво, все есть, что нужно для коня и скота, но к чему все это, когда оно чужое и так много змей?» Поэт восклицал: «Когда же въедем

в облака?» – и говорил нам, что запоминает все, чтобы потом воспеть.

Только мы легли спать, как завыл ветер, такой сильный, что мы еле удержали юрту, поставленную наспех. Шел дождь, но недолго. Мы крепко заснули под шум ветра и журчание одного из притоков Лепсы, отделяющего нас от аула Буленя и гор, покрытых пихтовым, тополиным и березовым лесами.

19 июня

Встав утром, мы увидели Ой-Джайлау во всем блеске красоты. Роса покрывала траву, свежесть воздуха ни с чем не сравнима. Но около 8 часов уже было пекло, а так как я выпил много кумыса, то так захмелел, что вынужден был лечь спать в присутствии 25 киргизов, прибывших с Кушбеком, старшим каркаралинским султаном. После полудня гром и проливной дождь, который проходил сквозь юрту, как сквозь сито, но вскоре он прекратился и опять разведрило. Киргизы привели маленького медвежонка, пойманного арканом. Остальные два медвежонка и matka убежали от крика десятка киргизов, схавших верхом. Принесли нам также иргаю. Спал я в этот день, то есть 19-го утром, и после обеда, как убитый: результат либо кумыса, либо путешествия. В конечном счете чувствую себя хорошо, только ноги дрожат, как студень. Проснувшись, сломя голову поспешил написать матери, чтобы не упустить возможности отправить письмо.

ОЙ-ДЖАЙЛАУ, 19 июня. ПИСЬМО МАТЕРИ

XIII

После шестидневного путешествия, неопи-
суемых трудностей, вчера, на заходе солнца,
стали мы на берегах чарующей Лепсы, в долине
Ой-Джайлау, у султана Буленя. Чтобы дать вам
представление о несравненной красоте этого
места, скажу, что если бы даже я пешком при-
шел сюда из Омска, и тогда я не пожалел бы о
затраченном труде. Ни один король в мире не
живет в такой прекрасной, такой романтичес-
кой стороне, как наш киргиз. Над нами горы,
покрытые пихтой, березой, тополями; в уще-
льях яблони, джигида, иргай, разные кусты с
ягодами. По-над этими горами – более высокие
с хвойным лесом, а над ними возвышаются еще
одни, в облаках, где царит вечная зима. Перед
нами Лепса, журчащая по камням несколькими
руслами. Всюду трава по колено. Кони, верблю-
ды, коровы на холмах. Рай земной: ах, почему я
не могу больше о нем писать!

Я здоров, как степной конь, и не пойму, каким
образом я на столько гор въехал и со столькох
гор спустился верхом! Ах, какие кони! Все пу-
тешествие совершил на одном коне, и ни разу не
упал; приехав на место, расцеловал его. Только
что недалеко от нас киргизы поймали медвежон-
ка, который сейчас в двух шагах от меня пьет
кумыс, словно это молоко матки, и верещит во
всю мочь. О! как я сейчас далеко от вас, в краю,
где, наверно, никто из моих сородичей никогда
не был.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ

20 июня

Встав в 7 часов, ходил на ближайшую гору.
Что за вид на речку, мурлыкающую по камеш-
кам и опоясанную тополями! Снова дождь, пос-
ле дождя снова ведро и снова жара. Стоим над
речкой Сарымсакты. Кроме нее, в Лепсу в этой
стороне впадают Джунджурек, Агыныкатты
(быстро бегущая река), Тома-раша и Теректы.
Весь край Джетысу (Семиречье) населен кир-
гизами Большой орды. Реки, стекающие с гор
и пропадающие в Балхаше, называются Лепса,
Саркан, Баскан, Аксу, Тиень, Кызылагач, Кара-
тал, Коксу (впадающая в Каратал), а Или, самая
большая, является границей от каракиргизов
(бурутов) [23]. Привели молодого марала. Над
Лепсой черепахи, выдры. Прибыл Бексулган
Агадаев со своим сыном и отрядом охраны. При-
вез для всего лагеря и для нас кумыс. Все певцы
были с поздравлениями у Кушбека, достоинства
и величие которого они прославляли. Каждый
из них получил награду, асамую большую
Орынбай: верблюда, коня и два халата, десять
рубашек и тогуз.

Наш маршрут от Аягуза до Лепсы:

1. За рекой Нарын к урочищу Чингужи – 30
верст.
2. За рекой Аи – 36 верст. До источника Ка-
рабулак – 33 версты.
3. Над рекой Каракол – 24 версты. Мимо ка-
мышей Сасык-Куля, около Уялы-Куля, а в общем
около Ала-Куля – 42 версты.

4. Обход камышей до Ай-Тобе – 24 версты. До источников в ущелье у горы Сайкан – 60 верст.

5. Над речкой Чинжала – 25 верст. До ночевки над той же речкой – 25 верст.

6. Урочищем Каргалы – 23 версты. До отряда на урочище Ой-Джайлау – 20 верст. Всего 342 версты.

Большая орда – Улы, Средняя орда – Урта, а Малая – Киши.

Татары говорили, что тут много джультарсов (тигров), но выше, в сосновом лесу. Медведи на людей не нападают, но баранам спуску не дают. Кабаны и тигры летом уходят в камыши Балхаша. В горах должно быть много маралов, архаров и козлов. Деревья: пихта, ель, береза; кусты: малина, вишня, черная и красная смородина; на южном склоне – дикий урюк. Самая высокая гора у китайской границы – Кок-Тау.

Каркаралинский султан Рустем рассказывал мне, что когда он однажды, едучи с несколькими киргизами, углубился в тростники, окаймляющие берега реки Чу, оттуда выскочил джультарс и бросился прямо на него. Не имея в руках оружия, кроме айбалты, он ударил ею тигра по носу, между глаз, и тот сразу упал, а тем временем лежащего добила его товарищи. Тигр был величиной с однолетнего быка. Шкура находилась у г-на Сухоналимова. Нужно быть бесчувственным, чтобы отдать вещь, с которой связаны такие воспоминания. Я спросил, приходилось ли ему еще когда-либо встречаться с этим зверем. Ответил, что никогда в жизни.

Вечером, после отбоя и пуска ракеты, которая на этот раз довольно высоко взлетела в воздух, сидели мы до 12 часов у есаула; ели просяную кашу, сухари, пили кумыс и свободно разговаривали. Жизнь, которую мы тут ведем: юрта, отдаленность от населенных мест – все это как-то сближает людей, все рады бывать друг с другом, хотя бы для того, чтобы поговорить о красоте окружающей нас природы.

21 июня

Здорово выспавшись, я встал утром, когда мои коллеги еще спали, и с сигарой в руке пошел на соседнюю гору. Казак копал печку, поэтому я видел состав земли: чернозем на глине. Спросил его, почему не сеют тут пшеницу. Он ответил, что из-за боязни утренних заморозков. Однако ее сеют в долинах, чтобы ближе было поливать. Просо дает такой урожай, что, посеяв пять фунтов, собирали тридцать киргизских мешков, в каждом три с половиной пуда.

Смотрел на забавы молодого султана, сына Буленя, как он над речкой рядом с юртой своих работников играл с укринчиной со своими полуголыми ровесниками. Адьютанты Кушбека (так они сами себя называют). Утро великолепное. Я насчитал в нашем лагере двадцать пять юрт. В 8 часов утра мы с Чевкиным вышли на гору над Сарымсакты. Тянется узкая долина, в которой растут огромные тополя, кое-где пихта, жимолость, береза, маленькие осинки, малина, черная смородина. На открытых местах очень жарко, в тени – приятный холодок. Вода падает

маленькими каскадиками. В нескольких местах мы не могли пройти по берегу и вынуждены были переходить с одной стороны реки на другую. Никаких птиц, кроме иволги, уток и дятлов. Весной тут вода, вероятно, дьявольски бушует, потому что много тополей лежат, вырванные с корнем, а запутавшиеся в корнях камни вместе с ними вышли наверх.

По всему этому ущелью стоят юрты, в них киргизки с их голенькими детьми. Вокруг множество коров, верблюдов, коней и жеребят, привязанных на аркане. Мы вернулись в 12 часов такие измученные, что только кумысом и сумели подкрепиться. Сегодня приехал Барак со своим отрядом. Поэт пел Бексултану! Тот дал ему халат и тайтуяк, но оказалось, что он не очень большой ценитель поэзии, так как сказал генералу, что прогнал бы поэта, если бы он не приехал с его отрядом.

К вечеру мы начали перепись населения Есенжол-Садыровской волости, управителем которой является Ибак Джабаев (коллежский ассессор и кавалер). Во время переписи один из старшин, видя обхождение Виктора и всех нас с ними, сказал: «Что это значит, почему русские, которые к нам приезжают, не такие, как вы? Научи ты их, чтобы они с нами так же деликатно поступали, как ты. Приезжай к нам в аул». Виктор ответил: «Я благодарен за твое предложение, но я боюсь к вам ехать, потому что у вас медведи и тигры».

— Не бойся, — отвечал тот, — мы все выедем тебе навстречу и уберем тебя от зверей!

Богатые киргизы не очень деликатны. Беда нам: если хочешь пить чай — надо от них укрываться. Бексултан, например, будучи вчера у Ньюхалова, не только сам пил, сколько влезет, но еще и велел подать несколько чашек, клал в них куски сахара и раздавал своим туленгутам.⁸⁰ Брат его Бубай, придя к нам, просил угостить чаем; когда ему подали, угощал сидящих рядом киргизов и позвал еще нескольких, бывших вне юрты. А когда Виктор заметил, что пригласил его, а не других, он сказал: «Ты что, жалеешь для меня чаю? Приезжай ко мне, я тебе насыплю вдоволь». Сами же редко имеют чай. Бексултан совершенно не пьет у себя, и хотя он богач, имеющий до 500 юрт и 3000 коней, на которых никогда узды не было, он даже кобыл не доит, не пьет кумысу, довольствуясь айраном. Он и Конур-Кульджа (акмолинский султан) самые богатые в степи и самые скупые. Кони у Бексултана — голова к голове, стоят по 250 рублей. Богатство, составленное при помощи баранты.

Сегодня пришло извещение, что этот султан, узнав о нападении кисаевцев на его братьев и Буленя, послал 200 киргизов, которые догнали и напали на них, когда те, не ожидая погони, спокойно делили добычу в ущелье Ала-Тау. Говорят, что только один сумел убежать, остальные попались им в руки: девять взяты в плен, остальных, раздев донага, пустили в свои

⁸⁰ Туленгуты — это киргизы, специально находящиеся при султанах. Часто бывают более богаты, чем они, и единственно для того, чтобы отвертеться от общественных повинностей, хоронятся под их непосредственное покровительство. Туленгутов в собственном значении слова, то есть подданных, в степи мало. — Прим. автора.

аулы. Теперь кисаевцы не только потеряли чужое и свое, но должны будут за дорогую цену выкупить товарищей и еще дороже заплатить за оскорбление, нанесенное султанам, а особенно Буленю, как старшему султану.

Ночью мы отпраздновали день рождения Виктора, было нам так весело в нашей юрте, как никогда в Омске в разукрашенных комнатах, сидя за глупым преферансом. В общем, замечу, что, несмотря на трудности и множество неудобств, прекрасная природа вокруг нас имеет такое спасительное влияние на всех, что все ею интересуются, постоянно о ней говорят, и все довольны. Шел дождь, но недолго.

22 июня

Встал рано утром и бродил с сигарой в зубах и без шапки до тех пор, пока около семи часов не началась жара и не поднялся генерал. Был на чаепитии у есаула, который сегодня справляет свои именины. Говорили о здоровье здешних киргизов: здесь почти не видно больных, не то что на пограничной линии.

В 8 часов ходили с генералом в горы, видели всю долину Сарымсақты, густо заросшую разными деревьями, попадалось нам множество огромных яблонь, осыпанных плодами, которыми никто, кроме медведей, не пользуется, поскольку киргизы во время их созревания кочают других местах.

После полудня готовились к завтрашней охоте. Я послал за моим Бараксом (конем). День прекрасный, ветерок, а дождь, хотя и шел в го-

рах, нас в первый раз обошел. Генералу привели молодого марала, с крапинками — еще белыми, которые он, вырастая, утрачивает. Из рогов маралов, особенно молодых, в Китае делают какое-то масло, которое заменяет кантаридин. Значительная торговля ведется по этой статье в Чугучаке и Кульдже. Рога продаются вместе с головой, и держат ее так, чтобы кровь стекала в рога и питала их. Марал называется бугы.

Вечером Булень пригласил генерала на чай, подавали пилав и кумыс. Во время визита генерала пришла из другой юрты жена Буленя и села у дверей; поскольку подошло время поминок по умершей матери, все имущество развешано по юрте. У Буленя одна жена и четыре сына. Нас все время навещал Джаманкул, сын Бексултана, наполовину сумасшедший, большой батыр и барантач. Собрав шайку, он часто нападал даже на своего отца и угонял у него коней, говоря, что их нужно объездить, поскольку они, не зная узды, никого к себе не подпускают. Говорят, что он даже не раз бросался на отца с ножом, все его боятся.

23 июня

Встал в 4 часа, но проливной дождь с грозой помешал нашей охоте. Надо снова ждать до завтра. В 8 часов дождь перестал и показалось солнце. Во время учений казак слетел с коня, а другой переехал его. Беднягу на кошме отправили в лазарет. У нас уже 12 больных казаков и киргизов. Снова дождь. В 5 часов после обеда поехали с вооруженным отрядом вверх по Лепсе.

Ее долина заросла огромными тополями; один из них толщиной в шесть обхватов. В некоторых местах река такая быстрая, что ее нельзя пересечь, она камни ворочает. Во время поездки видели чудесную радугу, которая перекинулась через гору большим луком, соединяющим Лепсу с Сарымсакты. В этот лук мы въехали как в гигантские триумфальные ворота. Потом ехали по хребту высокой горы, совершенно заросшей кустами и травой по пояс. Оттуда видели дикого козла. По пути яблони, джигида. После двух с половиной часов езды вернулись домой. Всю ночь гремел гром и сверкали молнии, но юрта наша не пропустила ни капли дождя. Был и град, довольно крупный.

24 июня

Горы в тучах. Киргизы рассказывают нам, будто здесь есть такие большие орлы, что однажды, когда убили марала и сняли с него шкуру, немедленно появились три орла и унесли с собой тушу марала. В течение дня дождь принимался много раз. Воздух так охладел, что под вечер мы должны были разложить в юрте костер не столько для тепла, как для того, чтобы изгнать сырость.

Был у нас Масленников, купец, ведущий торговлю с киргизами. Он возвращался с гор от картагайцев, кочующих теперь в трех днях пути под самой линией снегов. Он продавал им свой товар: канфу, плис, перкаль – за баранов, а баранов выменивал на другой скот. Говорил, что Кенесары находится между Или и Катынсу

и свои патрули посылает к самому Караталу. Скупает коней-рысаков, дает за одного пять верблюдов. Был у него петропавловский купец Аврурем, был вынужден дать ему девятку за разрешение торговать, то есть девять разных материй на девять халатов, и продавал свой товар по цене, назначенной самим Кенесары, довольно низкой. За это последний дал ему письменное обязательство для свободного проезда через его кочевья. Тойчубек, один из знаменитых киргизов Большой орды, выдал за него свою дочь. Все отпетые бродяги присоединяются к нему. В действительности дикокаменные уничтожили у него до 2000, так что уцелевшие убегали прямо по трупам. До него должно быть верст 200.

25 июня

Дождь перестал только поздно ночью. С утра горы были в тучах, но после восхода солнца тучи стали расходиться, и к 7 часам горы и долины очистились от тумана: день прекрасный. Киргизы жалуются, что здешняя трава для аягузских, каркаралинских и кокбектинских коней очень вредна, так как приводит к поносу, и все кони, будучи приучены к сухому степному корму, исхудали. Надежда поохотиться исчезла. Генерал сказал, чтобы мы и не думали об охоте, потому что времени не осталось. Проклятый дождь не позволил нам встретиться с дикими зверями.

Каркаралинский киргиз ездил вчера за несколько верст в горы, но не смог до них добраться из-за холода, снега и такой плохой

дороги, что, как говорит, должен был сидеть на коне под прямым углом к боку горы. Он и его земляки говорят, что очень благодарны богу, что не уродил их матаями (очевидно, горцами) и у них нет необходимости ездить по таким горам, с которых, если бы пришлось упасть – человек летел бы несколько верст вниз. Около двенадцати – снова дождик. Сын Али, султана Большой орды, был со своими сородичами у генерала: серьезный молодой мужчина, хорошо одетый, в начищенных чамбарах, с сумкой, повешенной через плечо, в черном канфовом халате. Приготовления к путешествию. Булень в затруднении: видимо, его не слушают, а он боится жаловаться, чтобы его потом не вздули.

Скука страшная: непогода и обстоятельства не разрешают отдаляться. Говорят, что здесь нет зайцев. Уйсуну начинают понемногу сблизаться: либо учуяли носом послание, либо им не понравились пушки. Когда они были в 7 часов, то говорили, что полностью доверяют Буленю и, кроме как ему и Кушбеку, никому не верят. Якобы послали за Али и остальными своими родоначальниками, чтобы скорее прибыли, каждый день ожидают их. Просили, чтобы ежедневно можно было видеться с генералом.

Был у нас Орынбай-уленши. Я спросил, сколько ему лет и как давно начал он петь. Отвечал, что ему тридцать лет, а поет уже с десяти. Отец и дед его были народными поэтами. Ему очень понравилось, когда я сказал, что перевел некоторые песни и буду читать их омским

дамам. Он сказал, что хочет собрать все свои алатауские песни и посвятить князю.

Прибыли джалаиры, и вскоре ожидается Сюк Аблай-ханов.

Чудесное свойство кумыса: после него спится так сильно, что нужно принуждать себя вставать. Сегодня после полуторачасового послеобеденного сна (чего со мной в Омске никогда не бывало) едва смог проснуться, и так каждый день, хотя уже несколько дней не занимаюсь физическим трудом. Киргизам, чужим в этой местности, алатауский кумыс не нравится, как лошадям – трава этого края.

После обеда ездили к месту, где Агыныкатты впадает в Лепсу. Ехали мимо двух огромных каменных могил, истории которых никто из здешних киргизов не знает. Оттуда мы возвращались такими горами и тропками, какие мне и не снились. Вечер был прекрасный, сделали мы верст 15. Ночь же была такая холодная, что пришлось очень тепло укрываться.

26 июня

Холодное утро, большая роса. Киргизы убили айбалтой [24] небольшого кабана. Мы ездили на Лепсу и к устью Агыныкатты на охоту, но кроме двух турпанов (уток), весьма мудрых, ничего не видели. Множество свежих следов диких свиней и даже маралов, проложенных к воде: *in persona*⁸¹ все же нам никто не показался. Трава по пояс, буйные заросли цветов и кустов, пел соловей – золотое время. Лепса рассекает огромные скалистые горы.

⁸¹ *In persona* – лично (лат.).

Пополудни приехал Сюк Аблайханов в сопровождении киргизов. Когда спускался с гор, перед ним играла киргизская музыка. Говорят, что, когда Сюк в дороге заболел, а была ужасная жара, музыкант своей игрой вызвал дождь. Сюку 76 лет, он уже утратил свое прежнее значение. Наши не очень гостеприимны. Уйсуну жаловались, что съев свои запасы, они умирают с голоду. Генерал должен был распорядиться, чтобы их кормили.

Казаки ходили на охоту, видели трех маралов и несколько архаров, но на таких горах и скалах, что не смогли к ним даже приблизиться. Ночь была холодная. Ночью беседовал с Баракком; он рассказывал, что Кенесары обо всем знает, что ушел якобы в горы и до него восемь дней пути, а силы его увеличились.

27 июня

Теплый день. В 10 часов аудиенция. Сюк с богатой саблей на боку; ленту, дарованную ему, повесил не на себя, а на шапку. Хаким – простой человек, получил медаль. Уйсунские киргизы говорили: «Мы псы, а Сюк и Кушбек – хозяйева; если они меж собой в согласии, то и псам хорошо; если они в дружбе, Кушбек накормит собак Сюка, а Сюк – собак Кушбека: всем хорошо». В 6 часов двадцать пять наиболее значительных уйсунунов были на чаепитии у генерала. Сюк является последним (и Абдильда в Аман-Карагайском) потомком хана Аблая. Орынбай два с лишним часа пел, выражая радость, что по милости генерала смог присутствовать на этом собрании

народов, что он радуется, видя объединение Средней орды с Большой. Прославлял Сюка и других. Наконец, когда слепой кобызник на своем инструменте с двумя волосяными струнами и соломенной дудке начал издавать дикие звуки, он впал в такой экстаз, что его едва можно было удержать от бесконечной импровизации. Прежде чем слепой запел, Орынбай сказал:

– Я, найман [25], кончаю мои песни, сейчас пусть выступит ваш певец.

Уйсуну просили, чтобы генерал позволил петь. Когда генерал дал слепому штуку материи, Орынбай сказал: «Ваш певец не испортит моей репутации, меня знают по всей Средней орде, его музыка – это не то, что мои песни. Ведь и казаки играют на трубах, но они не поэты». Слепой же ответил: «Я не борюсь с тобой за первенство; ты себе пой, а я буду играть». Но и он поблагодарил генерала песней. Турдубек дал ему халат, что очень понравилось уйсунунам. Орынбай полез и в политику, говоря уйсунунам: «Вы сейчас проситесь в подданство, но помните, что, если измените, бог вас покарает». Под конец импровизации среди всеобщего подъема один красноречивый уйсун сказал:

– Уленши, мы – путники и не имеем здесь с собой наших девушек, чтобы дать тебе в награду за твои песни. Но приходи под наши шатры, у нас с собой кони и халаты, уделим часть тебе.

Даже сам сторбленный, как гриб, Сюк крикнул с энтузиазмом: «Барекельде! Барекельде!»

28 июня

Жара уже с утра. Первая клубника. Бексултану 55 лет, жирный, полнеть начал с 18 лет, а сейчас, как сам говорит, похудел. Говорит, что человек живет только до 40 лет, а после 40 ничего не стоит; то, что имеющий 39 или 40 лет сделает за час, — тот, кому 41 год, вынужден выполнять за несколько часов. Приходил уйсунский киргиз жаловаться на то, что у них нечего есть. Дали ему в тот день четырех баранов. «Вчера, — сказал он, — не жалели медалей, а сегодня хотите, чтобы мы поумирали с голоду?» Как богатые презирают бедняков, показал один киргиз, приглашенный на чаепитие к генералу. Видя, что множество его земляков стоят возле юрты и так к ней жмутся, что вот-вот свалят ее, он обернулся к нам и с усмешкой и презрением сказал: «Это нищие, голытьба!» Нужно было видеть его надменность и глупость!

Ели мы мороженое со льдом вечных снегов и французское печенье! В 5 часов было чаепитие у генерала для наших султанов (волостных управителей), разрешено было веселиться, плясать, петь и т. д. Во время этого праздника казаки, возвращавшиеся с охоты (на которой за целый день убили трех уток), пригнали к нашему лагерю трех кабанов. Около ста киргизов полетели им навстречу. Прекрасное зрелище неожиданной охоты, которая закончилась тем, что одного кабана закололи, а другого поймали с помощью киргизской укринчины и зарезали возле юрты генерала. У киргизов такое отвращение к чушке, что укринчину оставили на месте,

а Амантай забросил ее подальше. Сюк прислал под секретом за полбутылкой водки и просил никому не говорить об этом.

Вечером мастерски удался фейерверк, одна ракета упала в расстоянии шага от нас. Пришла первая почта из Аягуза, но ни мне, ни Виктору — ни словечка.

29 июня

Встал в 5 часов и, выйдя на горку, долго мечтал. И горы, которые в первые дни казались мне большими, сегодня значительно уменьшились в моих глазах. Слышно, что Али с Тойчубеком в дороге. Мулла донес, что Бексултан и его братья предлагают, чтобы никто из найманов не поднимал руки на кенесарынцев в случае, если русские пойдут против него. Склоняют к этому и ургыков, о чем говорил Кушбек. Когда генерал узнал об этом, он послал за ним, прося, чтобы тот не удалялся, а использовал свое влияние для добра правительству. Он объяснял, что не уйдет, но ему противно, что до сих пор киргизы, находящиеся под его и его братьев влиянием, еще не собрались, что он хочет осмотреть их вооружение и т. д. Взаимная политика в азиатском вкусе. Мулла Сюка, старец, башкирский беглец, утверждает, что Кенесары собрал до 17 тысячей ему ничего с таким отрядом не сделаешь, тем более, что он находится в очень гористой местности. Сюк просил аудиенции, видимо, только для того, чтобы напроситься на чай и новые подарки со стороны правительства. Рассказал генералу, что взял с собой немного чая в бумаге,

а он – де вымок во время дождя, а он ничего не ест и не пьет, кроме чая. И получил в подарок от генерала фунт чаю. Дальше утверждал, что поскольку подарки правительства – халат и шапку – утратил при переезде через Или, когда верблюд, несший их, утонул, то надо бы доложить об этом князю. Старый совсем поглупел, повторял одно и то же несколько раз. Оказалось, что бий Бейбит из его рода имеет большое влияние и всем заправляет. Сыновья Сюка не сумели завоевать никакого авторитета. Хаким управляет особым родом албан, а сын небольшим, имеющим, однако, до 2000 юрт, родом сиван, Али же управляет дулатами.

Бексултан все глубже укрывает свои намерения: сегодня писал мулле, что имеет 200 вооруженных всадников, что во всем готов услужить, что хотел бы эту рать показать генералу, но ждет, пока другие не соберут своих отрядов. Он хочет сначала посмотреть и сравнить их со своими, чтобы потом не стыдиться. Посмотрев, мог бы пополнить оружием, если у него не так хорошо, как у других.

30 июня

Снова жара. Первый раз читал «Инвалид» (русский журнал), из которого узнал о выстреле Леконта. Каркаралинские киргизы, аягузцы и кокбектинцы закончили свои взаимные претензии и на молитве обещали друг другу с этой поры не угонять табунов. Посмотрим, долго ли это обещание продержится?

В трех днях пути отсюда есть великолепная долина Джунка, имеющая 70 верст в окружности, перерезанная рекой Буйень. В этой долине теплые воды Арасан. Наш баши, который сюда приехал для того, чтобы отобрать свой халат, вчера был у Сюка, но тот приказал выгнать его камчой. Сегодня он предъявил претензии Айдару, хочет показать ему саблю и спросить, где ее подружка (шапка, подаренная ему вместе с шашкой в 1801 или в 1803 году).

В 3 часа ездили с генералом к источнику Сарымсакты. Дорога, по какой я в жизни моей не ездил! По меньшей мере сто раз должны были переезжать с одной стороны реки на другую, а то ехать самым ложем. Только местные кони смогли избавить нас от опасностей, встречаемых ежеминутно. Была тысяча возможностей сломать шею, к этому месту можно обратить строчки:

Сказав молитву, брось поводья...

Положиться тут надо на коня⁸².

Только раз мой неоценимый Барак, соскакивая с обрызганного водой берега в каменистую речку, упал подо мной, но поднялся моментально, и я не понес ущерба. Наши трудности были вознаграждены чудесными видами гор, покрытых огромными деревьями. Сколько тут малины и черной смородины, разных кустарников, цветов, скал, тополей, берез! Все переплетено хмелем, напоминает бразильские леса. Мы были в восторге и весело преодолевали опасные

⁸² Сонет А. Мицкевича «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале».

препятствия. Поймал красивого мотылька и убил горлицу.

По возвращении узнали от лазутчика, высланного Бараком в аул Кенесары, что у последнего до трех волостей, и по всему видно, что Али не придет. Сперва семерых, а потом четырех разведчиков выслал в наш лагерь, и они находятся среди уйсунгов. Удвоили охрану и осторожность.

1 июля

С утра жара. Ходил на горлиц, с великим трудом убил нескольких. Вернувшись, едва пришел в себя после кумыса. Слышно, что у Кенесары над Караталом 50 двуконных киргизов, которым приказано на случай, если в той стороне покажется генерал, моментально лететь в его аулы.

Был у нас Орынбай. Пел и просил адъютанта, чтобы подарил ему перстень. Тот ему отказал, потому что перстень ему дорог, так как связан с памятным событием. «Тогда дай мне часы». — «Часы мне нужны для службы». — «Хорошо! Если перстень для тебя так важен, то и я его ценю. Часы тебе действительно необходимы, потому и не прошу их. Но баядерка тебе не так нужна, дай мне ее». — «Не могу, она мне нужна для обвязывания себя и сохранения здоровья. А вот поскольку у нас обычай, чтобы поэтов награждали лавровыми венками, так вот я тебе дарю букет цветов». — «У ваших великих людей пастухи пасут скот, ты являешься адъютантом генерала и даешь мне пучок травы. Я не знаю

ваших обычаев, мне дают коней и халаты пастухи наших великих господ, а ты мне ничего не хочешь дать». Потом жаловался, что уже несколько дней не поет и умирает от нетерпения. Когда мы ему сказали, чтобы он поднялся на гору и пел, глядя на Ала-Тау, он ответил: «А кто мне заплатит? Ала-Тау мне ничего не даст!»

Был Адамсат Ибаков, уйсунский султан, с которым я виделся в прошлом году в Аягузе. Он меня узнал и был очень рад этому. Он из рода сиван. Говорил, чтобы не обольщались надеждой, что уйсуны охотно принимают подданство... Но их принудило к этому такое положение вещей: и ваши и другие их притесняют, и у них все меньше остается имущества. Наконец, между собой они постоянно дерутся. Наибольшая гора у них Суеджарык у истоков Каратала, и там наверху есть озеро.

Он и уйсуны дивились одной нашей мелочи — много еще у них дикости. Просили, чтобы им позволили быть при пуске ракет и выстрелах из орудия, но страшно боятся выстрелов. Спрашивал, не может ли быть какой случайности! Когда я ему показал курки моего ружья, он весь дрожал и хватал меня за руку, чтобы я не отворял. Все загорелые, многие из них потихоньку просят водочки — у себя пьют китайскую водку.

2 июля

Выехали в 2 часа ночи: я, семеро казаков, Кучкин и киргиз на охоту. Была прекрасная

ночь, светили звезды, но было достаточно темно⁸³.

Измученные, но вполне насытившиеся волшебными видами возвратились в 7 часов и с удивлением узнали, что наш лагерь перенесли за реку Сарымсакты, откуда простирается великолепнейший вид. Приехав, мы узнали, что прибыл Али и что в понедельник покидаем Ала-Тау. К счастью, было не очень жарко, порой крапал дождик, иначе я не вынес бы трудностей лазания по горам с двустволкой и пистолетами.

3 июля

Тепло. Приготовления к приему Али. Виктор – церемониймейстер. Кийсык говорит, что не надел медали, потому что киргизы смеются над кавалерами медалей, и он надевает ее лишь тогда, как идет к русским. В 10 часов вдруг сорвался ветер и весь горизонт затянуло какой-то пеленой. Прибыло 800 конных киргизов Средней орды и около 150 – Большой орды. Их посадили друг против друга, а посередине на ковре муллу. Наконец приехал Виктор с Али, человеком лет 60, но еще достаточно крепким. Потом приветствия генералу. В соответствующем месте беседы генерал покинул собрание. После совершения молитвы (которую прервал Кунанбай, а за ним наши, поскольку не было упоминания о Средней орде) киргизы Большой орды присягнули на верность России. Когда генерал приказал прочитать патент на военное звание для Али и надел ему медаль, загремели трубы и было произведено шесть выстрелов из

⁸³ Описание этой поездки см. далее, в XIV письме.

орудия. Генерал поздравил киргизов с присоединением к России и пожелал жить между собой в дружбе, составляя один народ. После этой церемонии генерал увел к себе Али, с которым беседовал 2 часа, а весь народ разошелся по своим наметам и ближайшим юртам. Такой пестроты и разнообразия одежд и шапок я еще никогда не видел. После полудня дождь и ветер.

Джалаиры вообще называются тарак (это самый главный род, от которого происходят джалаиры) и делятся на 12 отрядов. Самые знаменитые здесь: Сюк, бий Бейбит, Кентукин и другие. Хаким, Кирлана сын, управляет родом албан, Адамсат Ибак – сиван, а дулатами – Али Адылев. Есть еще один род – уйсун-абак под начальством Мансырлюна Адыля. Каждый из родов делится на отряды, всех называют уйсунами, или уйсунской ордой; Мауке – это бий дулатского рода. Али действительно умнейший из всех. У киргизов есть пословица: «Кто хочет поиграть в кумалак [26] – пусть пойдет к Кулану (старшему брату Али, имевшему большой авторитет, ныне умершему), за добрым советом – к Али; кто хочет поболтать – к Сюку, а кто хочет рассудить спор – к народу». Али во время беседы с генералом часто цитировал Соломона. Говорил, что только четыре великих монарха было на свете (в числе их Александр Великий и египетские фараоны), а сейчас наиболее великий из всех – русский царь. Говорил также, что Кенесары хочет уйти в Хиву. Тойчубек (сын его прибыл) не соединился с ним, но поехал к нему только как депутат для получения награ-

ды за ограбление некоторых уйсунцов во время его кочевки за Или (кажется, это вранье); что он готов выступить против него и ручается за своих, но разве генерал уверен в своих, особенно в каптагаях? По его мнению, генерал может рассчитывать только на аргынов. Тауке не сдержит данного ему слова и т. д. Действительно, Барак и другие не ручаются за этого последнего. Тауке из волости Джанбубека хотя он не волостной, но имеет большое влияние на сородичей. Встал вопрос: что с ним делать? Послали по секрету к Джанбубеку, чтобы самых значительных в волости спросить, ручаются ли они за него.

После полудня все время – с небольшими передышками – шел дождь. Была у нас женщина, энергично изложившая свое дело. Несколько лет тому назад Барак захватил ее у уйсунцов, потом выдал замуж. У нее сейчас трое детей, она беременна и любит своего мужа. Уйсунцы хотят ее отобрать, а она просит оставить ее при муже, который также этого хочет. Решено, чтобы муж заплатил за нее калым и оставил у себя. Муж и жена были довольны этим решением, а уйсунцы от нее отстали. Женщина, входя в нашу юрту, сделала три поклона, с приложением рук к груди: один перед порогом и два в юрте.

«Суюнши». Если кто принесет кому хорошую весть, новость, ему нужно что-то дать, и этот дар называется «суюнши». Генерал, например, должен был дать несколько локтей перкаля тому, кто первый принес ему весть о приезде Али. Сюк и Хаким все время подговариваются к рому или к бальзаму: водка для них слаба.

Вчера Сюк попросил у Барака нож, который тот ему немедленно отдал.

Али кочевал на ташкентских землях и там немного нахватался цивилизации, но когда их потеснили, он вернулся в эти края. Китайцы берут с них дань, сколько они сами им дадут.

4 июля

Утром было пасмурно. Около 9 часов показалось солнце. В 10 часов составлен большой совет из трех наших старших султанов, Барака и Али-Али рассказал, что Кенесары потерял 1500 убитыми, две пушки и 500 девушек. Из нескольких сот пленных отдано ему только около десяти, а остальных продали ташкентцам. Войско его составлено из множества женщин и девушек, переодетых мужчинами единственно для большой численности. Он сперва хотел побороть дикокаменных, чтобы этим импонировать уйсунцам, думая, что они, увидев его силу, добровольно соединятся с ним. Он к ним прибыл тогда, когда послы Большой орды приехали в Омск, и просил только о временном пребывании. Сегодня было заключено соглашение между киргизами Большой и Средней орды, чтобы жили между собой в мире и согласии. Али во время совещания выказал большой ум, красноречие, опыт и такт. Виктор и Бургау рассказывают, что не слышали никого из киргизов, говорящего лучше. Своей цивилизацией он, видимо, обязан общением с кокандской аристократией, где кочевал и с двух тысяч юрт сам брал подать, будучи, право же, ханом. Но, насмотревшись на их междоусобные

войны, во время которых доставалось и его киргизам, возвратился к Или. Начал он свою речь так:

– Мы, происходим от Аблая, и Кенесары родился от одной из его жен и является нашим кровным, но нам хорошо известен его характер: это голодный волк, который и сейчас, если бы пришел к нам, ограбил сто аулов. Можем ли мы его любить и держаться с ним вместе? Нет! Ручаюсь за себя и за свой народ, что мы с ним не соединимся. Но в то же время никто из нас не поднимет на него руку. Аллах отверг его. Он, бродяга, и так уже наказан и найдет в конце концов человека, который убьет его. Но мы, что: нам до него?! Вчера мы присягнули на верность, и эту присягу мы не считаем шуткой. Однако, что она означает? То, что мы обязались быть верными России, но не сражаться со своим кровным родственником. Царь дает мне власть над моим народом или над Кенесары? Я отвечаю только за своих, а не за него. Мы царя считаем за наибольшего в мире монарха; чем ему вредит один бродяга, скитающийся по безлюдным степям? Мы же от него отделились: какой он султан без народа? Может, и сам он уже сейчас ушел в степи? Лучшим доводом того, что мы желаем союза со Средней ордой, является наш приезд сюда. Али спрашивает Виктора, что ему сделает правительство, если Кенесары не уйдет? «Удивляюсь, – добавил он, – что вы жалеете ему кусочка земли, столько ее имея?» Сюк тоже говорил, что Кенесары и к нему прислал брата, но он его прогнал. Хаким молчал.

Адамсат выражал большую радость и готовность на все. Одним словом, пришли к тому, что помощи против Кенесары они не обещают, но поручились, что с ним не соединятся, а он, увидев это, должен будет уйти от них. Стало быть, мир, и вся наша экспедиция окончилась без кровопролития. Каптагаи признались, что Кенесары присылал к ним и они покачнулись было в своей верности.

Вечером было чаепитие для уйсунской аристократии и наших старших султанов. Потом ракеты, музыка и выстрел из пушки, что привело всех в восторг.

Али все время говорит в переносном смысле; между иными речами он сказал генералу: «Когда приходим к воде, мы не можем перейти без лодки; входим в лодку с боязнью, но, сев в нее, доверяемся ей и плывем. Так и мы: ищем берега, нашли лодку; ты эта лодка – доверяемся тебе и плывем».

Заметно, что только киргизская аристократия отправляет мусульманские молитвы, но из них никто не понимает арабских выражений. Простые же киргизы не молятся. Орынбай развлек нас за ужином, прославляя казачьего офицера за его расторопность и 9 вершков роста. Вечером я писал письмо брату.

НАД САРЫМСАКТЫ,

4 июля.

ПИСЬМО БРАТУ.

XIV

Снова отыскав возможность переслать письмо в Аягуз, хватаюсь с радостью за перо, чтобы прижать вас всех к своему сердцу и рассказать кое-что о себе. Не сомневаюсь, что все мои предыдущие письма из Аягуза и последние из Ой-Джайлау давно уже в ваших руках. Значит, вы знаете, что после шестидневного конного марша я счастливо прибыл на берега Лепсы. Уже шестнадцатый день мы стоим в этом прекрасном краю, который был бы для меня еще лучше, если бы хоть одно словечко прилетело из-за Немана успокоить меня. Но, видимо, этого счастья я здесь не испытаю, так как через два дня мы оставляем горы Ала-Тау. Окончив наше задание, мы поедem мимо озера Ала-Куль на вершины Тарбагатая, где сейчас кочуют туминцы и булатчинцы, киргизы Аягузского округа. Закончим у них перепись населения, лошадей, крупного рогатого скота и снова приблизимся к Аягузу, может быть, даже войдем в него на один день.

Тем временем, ожидая ваших писем, я проглядел все глаза на тропинку, вытопанную верблюдами, которая, словно уж, вьется в горах и является единственной дорогой, соединяющей мой отдаленный уголок с Аягузом, последним пунктом в степи, до которого доходит почта

из Омска. Простите мне, что, несмотря на самые искренние желания, только в нескольких словах смогу дать вам отчет обо всем том, что сам делаю и что представляется моим глазам. Может быть, зимой, вернувшись в Омск, смогу возместить это более подробными письмами.

В свободные от работы минуты мы исследуем окрестные горы, реки, источники, могильники, аулы и на каждом шагу находим предметы или виды, которые навсегда врезаются в память. Поездки эти, правда, соединены с большими трудностями, так как повсюду камни, скалы, места, на которые можно вскарабкаться только на местных лошадях, и то частенько с полной возможностью того, что конь и седок полетят в бездонную пропасть. Но зато — какая прелесть! — когда, пережив сто опасностей, влезешь на какую-нибудь гору, возвышающуюся над остальными, и с ее вершины у своих ног увидишь пейзаж, достойный Альп и Апеннин.

Во время этих экскурсий конь мой, право, вытворял чудеса: возносил меня на гигантские горы, спускал с гор в глубокие долины, смелым шагом ступал над пропастями по таким узким тропинкам, где могут передвигаться лишь марал да архар. Только один раз, перескакивая со скалистого берега в речку с каменистым дном, споткнулся и упал подо мною. Но сразу же вскочил и, как бы устыдясь своего падения, стрелой пролетел пенящиеся воды потока, выскочил на его противоположный берег и в несколько секунд соединил меня с товарищами. Я, слава богу, не понес ни малейшего ущерба, единствен-

ной неприятностью этого сальто-мортале были промокшие чамбары. О, если бы такого коня я мог иметь к старости в своем родном краю, я не отдал бы его за всех персидских, турецких и арабских скакунов. А здесь, знаете, какая ему цена? Заплачено 50 рублей ассигнациями. На нем я и на охоту ездил.

Киргизы мне столько наговорили о множестве медведей и тигров, бродящих в этих горах, что их «коп айю, коп джувльбарс» будило меня от сна и зажигало сердце неутомимым желанием борьбы. Султан Рустем рассказал мне, что как-то раз, встретившись с тигром, так здорово угостил его по носу айбалтой, что тот упал перед ним замертво.

Наконец, собравшись десяткой, выехали в 2 часа ночи. У меня с собой двустволка и пара черкесских пистолетов за поясом. Ночь была звездная. Полную тишину прерывал только шепот Лепсы и голос перепелки. С сигарами в зубах ехали мы в торжественном молчании долиной, густо заросшей клубникой. В 3 часа стали у наметов прославленного мужеством и силой султана Барака, правнука хана Абульфаиза, который обещал дать нам; проводником своего стрелка-киргиза. Вид его лагеря был весьма живописен: вокруг луки, стрелы, пики, айбалты, а он сам – чистый образ предводителя разбойничьей шайки в Апеннинах. Взяв проводника, мы начали подниматься на все более высокие горы, углубляться в ущелья, темные как ночь. С большим трудом мы пробирались через еловый лес, заплетенный лианами, разными кус-

тами. Никто из нас в этот день не видел восхода солнца, потому что мы все время блуждали в местах, недоступных его лучам.

Так, потеряв целый день на выслеживание дикого зверя и не найдя ничего, кроме нескольких свежих лежбищ медведей и кабанов, измученные и вспотевшие, мы вернулись к нашим аулам с уверенностью, что тигр – животное сказочное, такое же, как кентавр или феникс. В этом нас еще больше убеждает то, что и господин Жакмон, изъездивший всю Индию вдоль и поперек и хотевший видеть тигра еще свободным, тоже нигде не смог с ним встретиться.

Так утешьтесь же, дорогая мама, этот зверь не существует на свете, так как в противном случае встреча с ним не для всякого могла окончиться так счастливо, как для султана Рустема. И не очень на меня гневайтесь, что раз в жизни я подвергнул себя опасности без нужды. Признаюсь, в этом случае я хотел пристыдить англичан, которые в Индии, взобравшись спокойно на слона, сидя под паланкином, окруженные целым арсеналом оружия, курят сигару, пережевывая бифштекс и освежаясь содовой водой, с полной безопасностью стреляют в зверей, встретиться с которыми нос к носу не имеют достаточно мужества.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ.

5 июля

Встали очень рано. До 7 часов было холодно, потом жара. Большое движение вокруг; зарезанные коровы, овцы, кони варятся в котлах для байги. Киргизы летают во все стороны. В 10 часов утра был смотр киргизского войска. Еще раньше приехал бий, наш баши, вооруженный с головы до ног, со своим знаменем, которое воткнул в землю недалеко от юрты генерала, а сам остался при нем и, вынув палаш [27], держал его перед собой на вытянутой руке. Когда мы захотели с ним поговорить, он сказал, что на службе не болтают, а когда мы заметили, что смотр еще не скоро начнется, он сказал: «Умру, а не сойду». Потел старый, но стоял. Наконец, когда все собрались, вышел генерал, и перед ним прошли боевые порядки каждой волости под предводительством своих султанов. Их приветствовали трубы. После короткой речи генерала и краткой клятвы в готовности к бою с их стороны на площадь влетело несколько сот всадников, ими командовал одетый по-парадному султан Барак, который на закрытии маневров выстрелил из своей винтовки, извинившись перед генералом, так как у них такой обычай. Кунанбай сиял из-под зонтика, Сюк стоял при генерале. Когда генерал дал бию позолоченную табакерку, тот отблагодарил его молитвой за него и за царя.

Наконец-то мы дождались писем! Я получил от матери, брата, шурина и других.

Кисаевцы прислали посла с просьбой простить их. Видимо, наши распустили слух, что все эти приготовления к походу – против них. Генерал приказал дать им ответ, что если еще услышит что-нибудь о нападениях и грабежах, то двинет на них всех киргизов и уничтожит их. Страшная жара. В 4 часа байга [28].

НАД КАРАСУ. ПИСЬМО МАТЕРИ.⁸⁴

XV

В последнем письме, которое я писал тебе с берегов Сарымсакты, я жаловался на долгий перерыв в наших европейско-азиатских беседах, составляющих единственное счастье, каким мне судьба позволяет утешаться. Приближался момент расставания с гигантскими Ала-Тау, я уже утратил надежду получить весточку, которая мне дороже всего на свете – о вашем здоровье, когда вдруг мои глаза, обращенные к вершине горы, стоящей на дороге в Аягуз, узрели пыль и вскоре затем казаков, спускающихся в долину. Каждый из нас бежал им навстречу, но сомневаюсь, вернулся ли кто в свою юрту с такой радостью, как я, получив твоё письмо. Обеспокоенный твоим здоровьем и здоровьем всех членов семьи, я забыл обо всем, что меня тревожит, и уже с более веселым сердцем попрощался с киргизскими Альпами, в которых так приятно провел столько дней и которые каждую минуту

⁸⁴ Это письмо датировано более поздним числом – 13 июля, но помещено здесь, так как в нем дано описание байги, происходившей в Ой-Джайлау

переносили меня в блаженные времена моего путешествия по Швейцарии и Италии. Семнадцать лет назад, находясь в Медиолане, я описал тебе народные игрища, происходившие при мне на обширной арене цирка, под голубым шатром ломбардского неба, в присутствии многих тысяч женщин и детей с волшебного побережья Комо и Лаго-Маджоре. Сегодня, заброшенный судьбой в далекие, не известные Европе края, опишу тебе, если мне позволит время, киргизскую байгу, свидетелем которой я был в Джетысу, то есть в Семиреченском крае.

Ночь еще покрывала поросшие густым лесом склоны Ала-Тау, когда несколько десятков баранов, коров и коней пало под ножом резника. По четыре раза в 50 котлах приготавливалось мясо, предназначенное для простого народа. Бухарский повар готовил пилав с бараньим жиром, кишмишом и урюком, блюдо только для высшего класса киргизов. В огромных кожаных сабах и турсуках принесли кумыс из соседних аулов, а также айран. Наконец встало солнце и во всем блеске красоты улыбнулась долина, окропленная водой пяти рукавов Лепсы, шумящей в тени столетних тополей. С верхушек гор, из ущелий, из каждого уголка начали стягиваться киргизы на своих маленьких, но выносливых лошадках, в разноцветных одеждах, и самых разнообразных шапках и колпаках.

В 9 часов степенный бий, одетый в кольчугу, подъехал к юрте пограничного начальника и, сойдя с коня, воткнул хоругвь неподалеку от юрты, возле которой стал на часах с обнажен-

ным палашом. Вскоре на площадь, окружающую наш лагерь, с раздирающим уши криком «Аи гай!» и в страшном беспорядке влетело триста с лишним всадников, вооруженных пиками длиной в 15 стоп, турками, мултыками (ружьями), айбалтами, чокпарами, суюлами, луками и т. д. Это дикое войско возглавлял известный киргизский батыр султан Барак, муж, своей фигурой и лицом напоминающий старых гетманов Запорожья. С его жилистой шеи никто не сумел бы снести головы! Цельный, словно вытесанный из гранита, он уже в 17 лет поднимал огромный камень, лежащий на могиле его предка, а сейчас, в 35 лет, одной рукой двигает пушку вместе с колесами. В дни своей прекрасной юности, собрав 5 тысяч киргизов, он наголову разбил уйсуну, род Большой орды. В одном бою собственноручно уложил семерых врагов, а в прошлом году, когда на него напали три вооруженных барантача и у него ничего не было в руках, кроме камчи, он их так здорово отделал, что они ушли еле живые. Сегодня этот степной богатырь тих, как барашек, спокойно правит сиванцами, отличается тихим нравом и справедливостью, возвышается над другими султанами здравым смыслом, красноречием и даже ученостью, так как умеет читать и писать по-татарски. Под его предводительством мимо хоругви проходили один за другим отряды разных киргизских родов, задерживались на несколько минут перед пограничным начальником, а потом мчались, сломя голову, вопя в один голос призыв своего рода, например: «Аблай!

Каптагай! Агадай! Барак!» Когда последний отряд оставил площадь смотра, главнокомандующий султан, одетый в пунцовый халат, расшитый золотом, в богатой бобровой шапке, снял висящую за спиной длинную, как сосна, винтовку, выбил огонь и, зажегши фитиль, выстрелил из нее в честь вождя Средней орды. Потом, разделив свое войско на две половины, показал нам картину киргизской битвы, отличавшейся удивительным беспорядком и воплями, которые привели мне на память две строки из Вальтера Скотта:

*Словно толпа разъяренных дьяволов
Завыла адскими воплями...*

Долго окрестные горы отзывались эхом этой битвы. Тем временем настал полдень, а с ним и жара, не позволяющая высунуться из юрты. Только в 4 часа мы смогли выехать на место, предназначенное для байги. У подножия гигантской могильной насыпи, сложенной из камней скрывающих останки неизвестного киргизам героя, стояло несколько пышных юрт, отличающихся своей величиной и украшениями, а рядом с ними, среди пик, симметрично воткнутых в землю, более десятка шатров разной высоты и цвета. Тысячи киргизов усыпали могильный холм и все пространство, предназначенное для игрищ. В главной юрте, выстланной коврами и живописными текеметами⁸⁵, сидела кругом аристократия Средней и Большой орды. После

⁸⁵ Текемет – большая кошма с узорами. – Прим. автора.

молитвы, сотворенной 80-летним муллой, началось угощение.

Чай, пилав, баранина, кумыс шли поочередно одно за другим. Тем временем из отдельной юрты, наполненной, право, почти доверху грудами конского и иного мяса, двадцать киргизов, босых, наполовину нагих, с медного цвета лицами и грудью, разносили для народа еду, от которой в мгновение ока оставались только кости. Более голодные или лакомки прятали в одежде бараний лоб или ножку кобылы, несколько раз принимали участие и общей трапезе. Крик и шум здесь невозможно описать; там – наоборот, почетное собрание султанов и биев; словно сенаторы Древнего Рима, сидели они с подобающим своему возрасту и значению в народе достоинством.

Не было никаких разговоров, так как все прислушивались к импровизации молодого и приятного трубадура. Потомственный поэт, от деда и отца, словно бард каледонских кланов, уже с 10 лет воспевал каждый предмет, который видел, а сегодня, обогащенный известиями, какие услышал в степи, полон воображения, с неслыханной легкостью и мастерством, смелым и вдохновенным голосом он пел несколько часов кряду о предметах очень важного содержания. Весь погруженный в свою импровизацию, он, право же, впадает в экстаз, а все его слушают с восхищением. Громкое «барекельде! барекельде!» только и прерывает его пение, а как только выйдет он из юрты, кони и халаты вместо лаврового венка увенчивают мастерство поэта.

Его зовут Орынбай. Но хватит о нем. Присмотримся сейчас к конским соревнованиям. Вот на бугорке воткнута пика, означающая начало бега. Поворот – верст за 10 отсюда. Расстояние для киргизских скакунов, может быть, и невелико, но нужно лететь туда и обратно по камням, горам, оврагам, и это в жару, с какой могла бы соперничать только ливийская! Двадцать юношей на белых, как снег, алатауских конях пустились на соревнование. В мгновение ока туча пыли скрыла их от нас; миг – сверкнули они на вершине ближайшей горы и исчезли, как молния. Наступило всеобщее нетерпеливое ожидание; раньше, чем минул час, на горе снова промелькнул отряд летящих человечков и, как лавина, упал в долину. Пыльный туман опять покрыл коней и всадников, но уже близок финиш, уже их видно... Кто же из них первым достигнет пики? Глаза всех обращены к ним, мысли заняты только одним – победой! Наконец у отметки останавливается взмыленный скакун, и всеобщий крик присуждает пальму первенства счастливому обладателю скакуна – султану Кушбеку, который сразу же получает первый приз. Султан Булень, бии Тана и Кунанбай, кони которых вслед за первым достигли финиша, должны утешаться призами меньшей ценности. За пятый приз завязался спор между двумя владельцами коней, каждый из которых считал себя правым. Но ужасный шум, какой по этому поводу был поднят, был быстро прекращен султаном Бараком. Хладнокровно выслушав обоих киргизов, он своей железной рукой так

ловко ударил одного из них по лицу, что тот стал, словно громом пораженный. Другой же рукой разорвал надвое штуку китайской материи и бросил им под ноги. Приговор Геркулеса был принят без малейшего сопротивления и жалобы.

Байга эта закончилась борьбой силачей, доставанием зубами из миски, наполненной кумысом, брошенных в нее монет. Всеобщий непрерывный смех сопровождал эту последнюю операцию, которая вплоть до захода солнца веселила высшие и низшие классы киргизов. Когда последние лучи солнца скрылись за горой, мы оставили площадь игрищ, люди сели на коней и разлетелись в разные стороны. Наступила тишина, нарушаемая лишь криком орлов, воронов и ястребов, дерущихся меж собой из-за остатков киргизского народного пиршества. Но и тех в связи с наступлением в нашем лагере вечерней молитвы разогнал по горам и лесам неслыханный здесь ранее гром орудий и треск огненных ракет, взрывающихся в воздухе.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ,

6 июля

День, назначенный для нашего отъезда. Утром, чуть свет, в нашем лагере началось большое движение. Я встал с восходом солнца и в последний раз, прощаясь с Ала-Тау, собирал в памяти все, что «видел, чувствовал и думал о тебе».

Вышли в час дня, в самую жару, чуть обдуваемую ветром. До Лепсы нас провожало множество киргизов; из значительных – Булень, Адамсат, Хаким. Счастливо переправились через Лепсу, чрезвычайно быструю в этих местах, переворачивающую своим течением камни. Чтобы удержаться, надо по крайней мере троим ехать рядом, а весной или во время разлива о переправе и думать нечего. По мере подъема в горы с них открывался великолепный вид, последний для нас вид на Ой-Джайлау, Сарымсақты и снежные вершины. Хотя мы и были рады, что оставляем это место, на котором так долго стояли, невозможно, однако, выразить печали, охватившей меня, когда я потерял их из виду. По нескольку раз обращался к ним лицом, и мне казалось, что я расстаюсь с лучшим другом. Вскоре появились долины и взгорья, усеянные белыми мальвами, золотым медвежьим ушком (которое напомнило мне времена детства), голубым цикорием и синими незабудками. Ночевали над рекой Каргалы. Последний вечер с товарищами по путешествию.

7 июля

Встали в половине третьего и должны уже были двинуться с места, как прибыл Мауке и задержал нас на целый час. С восходом солнца простились с нашим начальником: он с целым отрядом двинулся к Аягузу; мы же – Виктор и я, имея при себе только 15 казаков и трех толмачей, подались к китайской границе. При нас осталось еще много киргизов, возвращавшихся

в свой край, и некоторые часть дороги проехали с нами.

Привал мы сделали над ручьем, впадающим в Чинжалу, в окрестностях, опустошенных невероятным количеством кобылки (то есть полевых кузнечиков, по-киргизски «чигертке»), Я на скаку все время оглядывался на Ала-Тау и разговаривал с толмачом Жеребятьевым, который посещал эти места со Шренком. Он мне говорил, что на гору, где начинается Лепса, они шли от линии снегов до вершины шесть часов, попадали в глубокие овраги, на вершине смогли выдержать очень недолго, поддерживаясь спиртом. Там огромные скалы, которые Шренк называл порфиром. Со скалистых стен видно в сторону Аягуза очень далеко, даже Арал-Тобе и Тарбагатай.

В степи мы заметили человека. Наш баши поскакал, чтобы догнать его, но тот испугался и помчался вперед так, что и шапку потерял. Как оказалось, это был работник, оставшийся в тылу идущего каравана. С привала, отмахав более 70 верст, прибыли на ночь к горе Сайкан.

8 июля

В час пополудни вышли от Сайканы, чтобы к утру, за один переход, пересечь безводную пустыню. Мы остановились в Кутималды в 10 часов, а верблюды пришли часом позже. О, с какой жадностью дорвались мы до чая и отдыха. В 4 часа тронулись дальше, а наши найманы, муруны и т. д. пошли аягузским трактом. С нами остались только ногай, едущий в горы по делу

об ограблении его на 30 ямб; кокандец со спутником, проводящий небольшой караван из трех верблюдов к Чугучаку, каркаралинский киргиз, имеющий претензию к туминцам за трех коров, из-за которых ему придется проделать 200 верст пути, и еще несколько киргизов.

Шли мы по дну бывшего древнего моря, наличие которого тут легко определить и без Гумбольдта: серый бесплодный песок, трещины в земле, множество ракушек. Фаланги, ящерицы, сайги. Мы нашли трех молодых уток в кустах джингила, который кучками разбросан по степи и чудесно оживляет ее грустное однообразие. Их майская зелень напоминает иголки тисса, который я видел в Карпатах.

Сделав верст 25, мы остановились на берегу высохшей реки, заросшей высоким камышом, но в ее русле нашелся источник с чистой водой. Хвативши по шесть стаканов чаю, мы легли на железных кроватях под открытым небом и, не обращая внимания на комаров, заснули богатырским сном.

Ногай пил с нами чай; рассказывал о Долонбае, байджигитинском султанине, кочующем в двух верстах от Чугучака, и очень его хвалил. Уговаривал захватить в это место, обещая проводить нас к китайской святыне. Говорил также, что большое количество опиума идет в Чугучак через Троицк и Семипалатинск, что в прошлом году 200 пудов счастливо проскочили через первую таможню и, пожалуй, 300 через вторую. Эта торговля крайне выгодна, так как в Чугучаке за пуд платят по 3600 рублей, то есть

10 ямб. Сами чугучакские власти курят опиум и помогают контрабанде, получая взятки, например, несколько фунтов с пуда. Китайцы так его любят, что как только наступает время курить этот наркотик, бросают даже продавать товар, который может принести им 1000 ямб прибыли. Хлеб у них без соли и масла, но если попросишь – сделают какой угодно. Бывал он и в Кульдже, где женщины невероятно распутны.

9 июля

Движение в лагере – выючение верблюдов – разбудило меня в 3 часа. Когда Амантай будил Виктора, тот спросил со сна: «А генерал уже встал?», по поводу чего мы часто смеялись в пути. Мы долго ехали через камыши, а потом переправились через Каракол, который в этом месте такой болотистый и смрадный, что его запах долго свербил у нас в носу. Отличная трава, но вскоре снова степь, похожая на вчерашнюю, и такая широкая равнина, что я ее назвал наполеоновской, так как он мог бы здесь с миллионным войском дать бой неприятелю, имеющему такие же либо большие силы. Около часу мы ехали по этому морскому дну, но наконец земля стала подниматься к горам. Замечателен был восход солнца над Тарбагатаем, мы снова увидели вершины Ала-Тау и Арал-Тобе. Трава все лучше, песок желтее, множество ягод, называемых кизилом, по цвету похожих на малину. Четыре ягоды, соединенные вместе, облепляют ветку наподобие сосновых иголок по всей ее длине. Вид их приятный, на вкус сладко-водянистые.

Киргизы едят их вареными, а сушеный лист кладут в табак.

В 6 часов утра была уже несносная жара, а в 9 часов мы, на счастье, угадали к источнику Топар, иначе изжарились бы до угольев. Вода отличная и вдоволь. Вокруг буйные травы, вместо кустов огромные стебли. На взгорье могила семизнаймановского султана бия Текупая, который умер здесь три года назад. Около источника мы обнаружили следы ночевки барантачей, которые, видно, кошей с собой не имели и огня не разводили. Оазис этот, добрых 20 верст отстоящий от нашего ночлега, имеет три версты в окружности. Я не мог спать из-за неслыханной жары и проклятых кузнечиков, которые каждую минуту тысячами обрушивались на нас. Между ними были и большие зеленые кузнечики; тишина в воздухе нарушается только стрекотанием этих насекомых, докучающих немилосердно. Никогда в жизни не сделал столько щелчков!

В половине третьего двинулись дальше. Жара, которую в нашей Польше и представить себе невозможно, допекала все сильнее. Было, наверно, более сорока градусов жары! Не раз мне казалось, что я вспыхну огнем или сойду с ума. С почерневшими от солнца губами ехали мы друг подле друга в глубоком молчании, потому что и слова нельзя было вымолвить. Виктор, который непрерывно – и чуть ли даже не во сне – курит сигары, теперь утратил к ним всякую охоту. Содовый порошок немного приводил нас в чувство, но невыносимая жажда

усиливалась с каждой минутой, а до воды было еще далеко. Наконец к шести часам стали на речке Егинсу... Но каково же было наше отчаяние, когда мы не нашли в ней ни капли воды! Оказывается, киргизы изменили ее русло для полива своих нив, засеянных просом. На наше счастье, эти нивы были недалеко.

Растительность в этих местах совершенно иная: много трав, например мята, горох с белыми стручками, медвежье ушко, мак, цикорий и т. д. После получасовой езды наш баши неожиданно воткнул пику, и когда я спросил его, далеко ли вода, он указал рукой и сказал: «Здесь!» Это был каналчик, заросший травой, по которому стремительно летела вода из Егинсу на поля, лежащие в долине. Эти земли обрабатывают киргизы Бекхожи. Их всего тридцать. Они имеют 200 коз на своем содержании, живут айраном. Увидев нас, сразу же попрятались. Но, убедившись, что мы не барантачи, приоделись и вышли, с радостью приветствуя нас. Говорили, что кисайцы в количестве 50 человек напали на них. Одного из них раздели и забили до смерти; они же вышли против них полунагие, опасаясь, что отберут одежду. Кисайцы гнали 400 коней, украденных у семизнайманов, ночевали же они действительно там, где мы делали привал, у Топара. Эти земледельцы были у нас вечером, мы потчевали их кумысом и сухарями. Обрадованные таким приемом, они послали к своему кошу, скрытому в яру, за козым айраном. Мы его пили, разведя водой. Страшная дрянь, пахнет неприятно, но охлаждает. Спали же на своих

железных кроватях под открытым небом так, как не спит ни один король!

10 июля

В стали в 2 часа и в половине третьего двинулись через канал, потом через другой, через разные рвы и канавки и ехали долиной между отрогами Тарбагатая. Здесь множество персиковых деревьев, обсыпанных плодами. Растительность все буйнее. И вот наконец стремящийся по камням несколькими руслами Урджар. Берега его густо заросли кустами и такой высокой травой, что, например, болиголов – настоящий лес: выше меня, сидящего на коне. Запах мяты наполняет все вокруг. Мы въехали в зеленую долину и увидели аулы булатчинцев и киржинцев.

Посланные вперед толмачи приказали немедленно поставить юрту, в которую мы вошли с огромным удовольствием около семи часов утра. Дорвавшись до кумыса, не виденного несколько дней, я выпил несколько чашек, так что и чай пить не мог. Сразу уснул. Проснувшись, увидел, что ташкентец, идущий в Чугучак с коврами, разными материями, ягодами и т. д., потчует нас пилавом, урюком, кишмишом и круглыми сухарями. Когда он с нами прощался, то сказал Виктору: «Вежливый прием и твоя беседа значат, как будто я видел лицо царя». Рассказал, будто часть Ташкента сейчас принадлежит Коканду, а остальное – Бухаре, что первой управляет кипчакский хан из рода киргизов, высокий ростом, а второй – Батырхан и что они между

собой постоянно воюют. В два часа пополудни, по жаре, несколько умеряемой ветром, поехали дальше; дорога ужаснейшая: через рвы, потоки, выпадающие в Урджар. Из-за проклятого чирья должен был ехать на телеге. Здесь киргизские кони доказывали чудеса, перевозя нас через такие места, где ни один европейский возница не смог бы проехать на своих ученых и выездженных конях. Дальше ехали мы нивами отличного проса версты три. На взгорьях и пологих возвышенностях все время «молы» из глины с низким входом. Далее долины, поросшие персиками, терном, несколькими видами гороха. Повсюду дикорастущая конопля. С письмом от своего отца приехал нас приветствовать сын султана Усмана. Сделав 24 версты, мы остановились в долине с богатой растительностью, над речкой Карасу. Несколько тополей; по направлению к Китаю три одиноко возвышающиеся горы, от нас верст 20 – 30. За одной из них, называемой Киши-Тобе, в 70 верстах отсюда находится Чугучак; немного ближе, верстах в 50, – пикеты. В речке маринка и еще какая-то мелкая рыбка. Ночью нам не дали спать комары, мы вынуждены были душить их дымом.

11 июля

На рассвете приехали вооруженные по-своему киргизы и привезли два намета, рыбу, кумыс и барана. Дождь. В 4 часа мимо пошла кочевка туминцев. Впереди ехал кошбаши назначать место для нового аула, за ним шли аулы длинной вереницей верблюдов, груженных юртами и

всяким имуществом, потом овцы и козы. Коров и коней не было, потому что стада их шли стороной, чтобы было меньше пыли. Верблюдов сопровождали женщины. Будь хоть женой самого хана, она должна вести первого верблюда, это ее право и честь. Юноши тешились на конях возле девушек, остальные ехали возле стада. Шесть часов шла мимо нас эта кочевка к близлежащим берегам Урджара.

В девять часов утра по просьбе самого Усмана, приехавшего к нам со своим младшим сыном, двенадцатилетним, толстым, но расторопным мальчишкой с монгольским, как и у всей его семьи, лицом, откочевали мы на полторы версты вверх по реке Карасу к огромной, построенной для нас юрте, находящейся напротив его аула, только за рекой. По его приглашению мы были у него в юрте, пили кумыс и чай, ели кишмиш. Его младшая любимая жена сидела в юрте, а старшая, хоть и султанская дочь, была в другой. В юрте лежала прекрасная борзая, больная чахоткой. Здесь я впервые увидел постамент (каргаул-куйрук), на котором воткнуты четыре связки фазаньих хвостов, украшенные звонками. Их ставят на султанском верблюде тогда, когда передвигается кочевка, и во время хода животного эти звонки подают свой голос⁸⁶. В кошме, покрывающей юрту, дырка, через которую просунута пика, указывающая, что эта юрта султана, начальника⁸⁷. Жизни зажиточного

⁸⁶ Их имеют и другие киргизы, а богатые – по несколько штук – *Прим. автора*

⁸⁷ Может быть, так было раньше, нынче каждый киргиз, имеющий пика, ставит ее там, чтобы она не сломалась, поскольку

киргиза, действительно, можно позавидовать. Имущество его в нескольких сундуках, обшитых белой кошмой и завязанных белыми шнурами несчетное количество раз, лежало вокруг. На них, почти под потолком юрты, несколько погребцов, огромная саба, турсуки, длинное ружье, сабля. На керегах висела половина туши барана. Посреди юрты, рядом с другими цветами, поднимались еще не смятые мальвы.

Во время нашего визита к Усману вдруг загремело и пошел сильный дождь, но продолжался он несколько минут. Воздух после нескольких жарких дней немного освежился. Жара вскоре вернулась, но поскольку повеял ветер, мы с удовольствием отдыхали в нашей огромной юрте после таких трудностей путешествия. Не знаю более приятного чувства, чем то, которое испытывает вошедший после стольких дней мучений в юрту, да еще облившись холодной водой или искупавшись. В эту минуту я чувствую себя таким довольным, каким никогда не бываю по возвращении в тесные стены комнаты. Здесь я могу кликнуть ветер и быть *sans gene*⁸⁸, чего нельзя в городе. Здесь даже кузнечиков мало и комары уважают наш покой. О, какой сладкий, сладкий сон в перспективе! Что за прекрасный кумыс! Пили мы и водку, выгнанную из кумыса в котле, но очень скверную и невкусную. Усман, увидев у меня в руках хорошую двустволку, решил, что я сумею починить его испорченное ружье, которое ему подарил Белаш. Просил

ку одна, которую сам я мерил, была длиной 15 стоп. – *Прим. автора*

⁸⁸ *Sans gene* – без церемоний (франц.)

меня починить пружину, которую сломал господин султанич, стреляя по сорокам.

После полудня легли отдыхать, но было так душно, что мы не смогли сомкнуть глаз. Вдруг завыл ветер и чуть было не перевернул нашу наспех, поставленную юрту. С большим трудом мы удержали ее на месте. Наконец хлынул дождь, и мы, используя момент, когда в воздухе посвежело, крепко заснули и проспали до шести часов. Поднявшись, я пошел на речку, где поймал несколько маринков, а казаки – несколько десятков штук. За чаем припомнили, что обычно в этот день бывает школьный праздник и конец учебного года. Поболтали мы о наших дворянчиках, безмерно счастливых, когда префект вручает им список наук, полученных их сынками, который они привезут домой и еще целый год будут читать вместе с календарем, единственной книжкой домашней библиотеки – об иезуитах, зигмунтах и т. д. Когда мы сели за ужин, вошел Усман со своим другом булагчинцем. Он рассказал, что в этом году первый раз сидел на телеге и что ему стало плохо. На вопрос, почему он своего сына не отдаст куда-нибудь в обучение, чтобы малость пообтесался, он доказывал, что это ни к чему не приведет; если бог дал разум, то люди к нему уже ничего не прибавят. Понадобились огромные усилия, чтобы убедить его в том, что и у людей можно чему-нибудь научиться. Виктору пришлось подкреплять свои убеждения стеариновыми свечами!

О сватах у киргизов. Ко времени их прибытия у порога юрты копают ров, прикрывая сверху

травой. Как только сваты переступают порог, девушки и вся молодежь в юрте бросают в них цветами, словно камушками, а сваты тем временем падают в ров. Смех, крики. Над ними вытворяют разные штуки, девушки их разуваят, щиплют, цекочут, сажают на корову или быка, иногда даже с нагой девицей и, связавши их вместе, пускают в степь, но следят, чтобы не случилось чего плохого. Эти вакханалии бывают ночью. Наутро их угощают, обмениваются подарками. Все это время невеста, имеющая часто всего шесть или семь лет, сидит в другой юрте.

Киргизские похороны коротки. Как только киргиз умирает, бабы поднимают в юрте страшный крик. Потом стараются как можно скорее его обмыть, завернуть в белый хлопчатобумажный саван (в полотняный нельзя), купленный обычно заранее в Бухаре, и несут его к неглубокой могиле. Здесь тело с вытянутыми вдоль руками кладут в могилу и, прикрывши ветками деревьев или травой, засыпают землей.

Амантай рассказал, как, будучи ребенком, заснул однажды в степи, а к нему подполз волк и уже хотел было его схватить, как он проснулся и, посмотрев волку в глаза, закричал. Находившийся неподалеку киргиз прибежал на крик, стрелял по волку, который, уйдя за полверсты, сдох. Его спаситель был разбойник, который бродяжил и воровал девушек. Он увез с собой Амантая и держал его несколько лет, пока, наконец, один каркаралинский киргиз не освободил его и не вернул матери.

Ночью шел проливной дождь, и мы проспали до 7 часов.

12 июля

Жарища с самого утра. В 8 часов короткий дождь, снова жара, но с ветром. Вокруг покрикивают перепелки, но кроме множества галок, летающих огромными стаями, никаких птиц не видно. После полудня с Тарбагатая пришла страшная туча, завыл такой ветер, что наша юрта чуть-чуть не улетела в степь. Но хлынул дождь, и мы уцелели.

Сегодня начали перепись населения. Почти всю ночь гремело и дождь лил не переставая. Спали мы мастерски, пришлось принуждать себя вставать. Снилось мне, что Р. прочитал мне приказ об освобождении.

13 июля

Уже третий день мы стоим на берегах Карасу, в 250 верстах пути от Лепсы. Слева от нашей юрты тянется южный хребет Тарбагатая, справа – необъятная для глаза степь, перерезанная водами Урджара, а перед нами три одинокие горы, за которыми китайские пикеты. И уже за ними их торговый город Чугучак, ближайший к нам.

Из Тарбагатая нам принесли яблоки, еще незрелые, они растут только на южной стороне горы.

В разговоре Усман сказал: «Злой язык все пачкает, а белое полотенце все вытирает». Алатауский ловчий пришел жаловаться, что казаки не дают ему кишки от зарезанной скотины; был

безмерно счастлив, когда ему их обещали. Эти кишки моют и, прижарив в горячем пепле едят как лакомство.

Писал сегодня матери, но сразу не смог отослать.

14 июля

Весь день были заняты. Жара порядочная, но дует ветерок. Чистый воздух позволил хорошо разглядеть Тарбагатай. Весь из камня, на нем пятна – заросли леса.

15 июля

Весь день считал коров, баранов и т. д. Письмо от Долонбая, написанное тушью. Он, как говорили хвалившие его татары, имеет «камень в голове», что означает, что он в Китае почетный чиновник. Говорили также, что он со своими киргизами хотел бы перейти в русское подданство.

16 июля

Закончили перепись населения. Оказалось до 6 тысяч людей обоего пола, коней – 10 000, коров – до 4000, баранов – 62 480. Жители жаловались на большой падеж скота, особенно баранов, и на кражу лошадей китайцами.

Власть Усмана, как видно, не очень страшная, так как наши приготовления к отъезду плохо подвигаются. А однако, когда он было подал в отставку, киргизы никого другого не захотели иметь волостным, и ему пришлось остаться. Его любят за то, что через своих родных и личные связи он умеет хорошо отстаивать интересы

своих подданных. Но когда дело идет о выполнении какого-либо его приказа, каждый старается оттянуть выполнение до последней минуты.

Удивительная у киргизов охота скитаться по степи. Барак, например, забросив дела своей волости и хозяйство, долго ездил с нами; сегодня едет к кисайцам и байджигитинцам по чужим делам, а старый бий Бейбит повсюду тянется за нами, даже и дела никакого не имея. В 3 часа после полудня выехали от Усмана, Дорога шла через нивы проса, которое киргизы, наполовину нагие, с лопатками в руке, поливали. Прямо негры на плантациях. Над Урджаром, после того как сделали верст 20, мы обнаружили небольшой аул и стали на ночевку. Киргизы говорили, что в кустах над рекой множество тетеревов, а в Тарбагатае есть маралы, медведи, кабаны, лисы, даже черные, но последнего сорта. Аул живет по большей части охотой. Несколько русел Урджара текут с горы Чагарак. Кроме нее, в южную сторону бегут реки Егинсу и Катынсу, текущие с Тарбагатая.

Нас посетил старшина с кольцом от жены, этот знак благодарности дается мужу с утра за оказание особой вежливости.

17 июля

Двинулись в четверть третьего и долго шли под гору через множество ручейков. Повсюду полно персиковых деревьев, обсыпанных плодами, гумелины, мальвы, роз и т. д. до самой Егинсу, прорезающей скалы и спадающей в долину, затененную тополями. Отсюда через

небольшие горы видно Ала-Куль. Появились сороки и огромные стаи каменных скворцов.

Пройдя по меньшей мере верст 30 по каменной караванной дороге, мы угодили к первым аулам сиванцев. Первый раз в жизни я ехал на иноходце, конь хороший, да ну его к чертям с его ходом! Привал у ручья, впадающего в Егинсу, ущелье с огромной красной скалой, поднимающейся над каменной горой. Убил несколько каменных скворцов с черным чубиком и светло-розового цвета брюшком. Не желая улететь совсем, они все время перелетали с одного берега ущелья на другой.

Узнав от султана Аджи Робина, родственника Барака, что семизнайманы кочуют за Караколом, недалеко от Аягуза, мы оставили чугучакскую караванную дорогу, ведущую через «котел» (проход между скалистыми, обожженными солнцем горами), взяли влево по очень плохому подъему на хребет вершины. Спускаясь с нее, все время ехали между небольшими горами, по долинам, выгоревшим от жары и съеденным саранчой. Вскоре перед нами показалась во всей своей красе большая гора Акча-Улы, почти совсем белая, хотя в распадках и заросла лесом и кустами. Часа через полтора после привала начался неслыханно трудный переход по скалам, тесным ущельям с богатой растительностью, кустарником и цветами. Повсюду на нашем пути через Тарбагатай мы видели на каждом шагу источники и ручьи удивительно чистой воды. После выхода на перевал, течение ручьев было уже в другую сторону, исчезли персики и

природа совершенно иная. Спустившись с высоких гор, мы приехали в прекрасную долину, которую пересекает Каратал. Отсюда степью, заросшей карагайником, через бывшие нивы, мы наконец подъехали к притоку реки Егинсу, где кочевье родных дядьев Барака, которые, как можно предположить при виде многочисленных стад верблюдов, замечательных лошадей и множества баранов, должны быть очень богатыми. Они кочуют отдельно от своей волости и их окружает видимо-невидимо туленгутов различных родов.

До этого места мы сделали по крайней мере верст 35, а в течение дня – более 75, пересекли всю ширину Тарбагатая. На этой его стороне текут самые значительные реки: Каракол, Аягуз, Кичим, Базак и Чиликты.

В половине четвертого утра пустились дальше на свежих лошадях. Досталась мне каштанка с белой звездой и рысью, напомнившей мне моего Барака, а легкостью бега была даже лучше его. Казалось мне, что сижу не на коне, а на каком-то перышке, и не еду, а лечу. Сделали мы по каменистым дорогам между разными отрогами Тарбагатая верст тридцать и стали на отдых у источника, выслав тем временем киргизов на разведку места кочевий семизнайманов.

Вид этого источника вызвал у нас сожаление, что оставлен без внимания такой дорогой дар неба. В других руках подобный источник был бы очищен, накрыт, а киргиз, который раз в году, во время кочевья, пользуется им, совершенно о нем не заботится, оставляя его так, как бог со-

творил. Если бы эти источники были в должном порядке, степь имела бы другой вид и пустыня была бы оживлена. Но много их еще высохнет и навсегда иссякнет, прежде чем киргизы захотят их за малый счет и труд их сохранить. Удивительно ленивы именно богачи, которые всю тяжесть, даже имущественные повинности, например подводы, сваливают на низших. Бедняк должен все лето, как негр, работать на земле для богача, питается козьим молоком, солнце жжет его почти нагого – боится, как бы разбойники не отняли одежду... И что он имеет за это? Какой-нибудь старый потертый халат, несколько десятков курта (сыр) и горсть проса, чтобы посеять себе в будущем году.

Бедняк, если и умыкает девушку, то делает это часто не из любви, как думает в своей прекрасной поэме мой дорогой Густав, но единственно потому, чтобы не платить за нее калым. Хотя семья откроет вора и напомнит о необходимости возратить девушку или уплатить калым, он всегда выкручивается. И все оттого, что долгое время пройдет, прежде чем узнают, где она находится, а он тем временем имеет от нее выгоду и услуги, какие обычно имеют от невольниц. Поэтому за нее уже можно заплатить дешевле и даже частями. Не раз случается и так, что любящий отец в душе рад, что дочку у него умыкнули, так как это его освобождает от обязанности разоряться на приданое, дарить жениху седла, угощать сватов и т. д.

... Кроме различных болезней, бедных овец в степи часто уничтожает топалан. Совершен-

но здоровая овца щиплет себе траву, потом неожиданно задумывается, кружится, падает, дергает ногами — и конец. Болезнь эта чаще всего появляется летом и иногда убивает по нескольку сотен в день. У одного киргиза из 12 тысяч овец осталось только две матки и один кошкар (баран). У киргизов существует предубеждение, что во время появления этого падежа надо позвать человека другой веры, который бы помолился и окропил водой баранов. Виктора два раза вызывали в один аул для этой цели, хотя он и объяснял, что не лекарь и никакого средства против зла не знает, это не помогло. Должен был молиться и кропить. Немного овец уцелело, и это помогло еще больше укорениться предрассудку.

Больше всего коней у киргизов погибает от голода и холода. За верблюдами, которые являются более нежными (может быть, оттого, что живут в климате, где тяжелые зимы), ухаживают очень старательно. Как только народится верблюжонок, его укрывают кошмами и никому не показывают, опасаясь дурного глаза. Видел я вчера старого верблюда, пораженного какой-то болезнью: лежал, бедный, на траве с вытянутой шеей, которой все время двигал с выражением боли в глазах. Над ним раскинули дорогой шатер, женщины ухаживали за ним заботливее, чем обычно за своими детьми, которые, как маленькие негрятя или обезьянки, воспитываются в естественном состоянии.

Получив известие о том, что аулы семизнайманов близко, мы в самую жару поехали дальше.

Долины и взгорья покрыты повсюду битым на мелкие куски камнем. Пересекли нашу дорогу из Аягуза на Кутималды и вскоре увидели на отдаленной горе киргиза, который, желая дать нам понять, что мы замечены, стал кружиться на одном месте. Это знак, всем в степи понятный. Тотчас полетели к нему толмачи, узнали, что это проводник, присланный от султана Утепа, волостного семизнайманов. Потянулись за проводником и приехали в его аул в урочище Теректы, в долину, пересеченную речкой, посреди голых гор, только на скатах покрытых карагайником.

19 июля

Ночью неожиданно сорвался ветер и раскрыл наш тундук, так что представилось моим глазам все небо, как над римским Пантеоном (который действительно похож на киргизскую юрту). Было пасмурно и казалось, что пойдет дождь, но под утро ветер утих, и снова палило. В 8 часов видел я прекрасное зрелище табунов коней, галопом летящих к реке на водопой.

Высланный вчера в Аягуз киргиз привез нам ворох писем. Я получил от брата и от многих друзей. Что за счастье иметь свежие новости от дорогих людей в дикой степи! Я никогда не испытывал такой радости от полученных писем в Омске. Наши знакомые из Аягуза прислали нам огурцов (кийяр), сухарей, несколько буханок хлеба, бутылку уксусу и пакет горчицы. Огурцы, а тем более хлеб, так долго не виданный в нашей юрте, привели меня в восторг.

Из-за недосмотра и дряхлости султана Утепа старшина Танысбай имеет большое влияние и почти управляет волостью. По его жалобе Виктор приказал одного киргиза за непослушание взять под арест по степному обычаю, который мы видели первый раз. Казаки поставили четыре винтовки в козлы и между ними посадили провинившегося; один из казаков нес стражу, ходя кругом с обнаженной шашкой. У киргизов это называется «сидеть под черной пикой» (каранайза). Они очень боятся и стыдятся этого наказания. Например, арест сына Бексултана, хотя тот и сидел только на гауптвахте в Ой-Джайлау, стал известен всей степи. Когда по просьбе самого же старшины киргиз был освобожден, он поблагодарил Виктора, а на старшину и не взглянул. Долго будет он помнить ему этот стыд, который перенес среди собравшихся многочисленных земляков.

Снова поступила жалоба от старшины на другого киргиза тоже за непослушание. Виктор готов был ему простить, если простит старшина. Киргиз, сложив руки на груди, упал перед ним на колени, все время повторяя «кулдук» (что одновременно означает и «спасибо» и «прости»), просил, чтобы он «рассек вину». Это происходит от следующего обычая: когда два киргиза о чем-то спорят, они приходят к бию, чтобы он их рассудил. Как только он произносит приговор, спорящие стороны берут шнурок и, держа за концы, подают ему, чтобы он его рассек в знак, что спор разрешен. На этот раз Танысбай

не хотел «рассечь спора» и просил, чтобы с обвиняемым поступили «по-российски».

20 июля

Из-за сильного ветра, угрожавшего нашей юрте, пришлось стянуть ее шнурами. В числе баб, пришедших выполнять эту работу, была одна из жен господина султана, которая, поглядев на меня, спросила, помню ли я ее? Видя ее первый раз, я ответил, что не имею чести знать, так как раньше никогда не навещал аул ее мужа. «Да ведь три года назад мы тебе подарили шкурку жеребка», — с большой убежденностью сказала султанша. И никак я не смог ее уверить в том, что три года назад не только у них, даже в Аягузском округе не был. Видимо, какой-то «урус», длинный, как и я, сумел мастерски добиться милостей у султана и султанши, а я остался в подозрении, как неблагодарный... Мы по этому поводу долго смеялись.

Киргизы начали собираться только к девяти утра, хотя мы приказали им приехать на рассвете, и Утеп ручался, что будут «ертен-ерте» (рано утром). Нет ничего более трудного для зажиточного киргиза, как рано встать. Богатые дольше, чем наши городские щеголихи, вылеживаются под своими бухарскими одеялами, только у бедных работников, сторожей табунов и женщин, на плечах которых лежит большая часть работы, нет времени долго спать.

21 июля

Почти всю ночь шел дождь. Монотонный стук капель по крыше нашей юрты усыплял

очень хорошо. Утомленные вчерашним гамом, не прекращавшимся весь день, мы хорошо отдохнули. Богатые киргизы скорее, чем бедные, утаивают правдивую цифру своего скота и стараются записать как можно меньше. Если у кого-то из них умер отец, тот боится называть его имя, чтобы случайно не занесли в список податей.

В 2 часа воротился посланец в Аягуз, снова с огурцами, привез нам большую пачку писем. Нет времени на них отвечать: нужно считать баранов.

22 июля

Только мы взялись за дело, как несколько коров окружило нашу юрту. Киргизы жаловались на их падеж и говорили, что их не имеют, «типти жок» (ничего нет); мы сказали, что эти коровы, наверно, пришли жаловаться на Утепа: он, дескать, имеет от нас молоко, жир и за шкуру каждой берет по пяти рублей; мы несколько не хуже баранов и лошадей, однако нас не записывают, мы боимся, чтобы правительство, обратив на это внимание, не приказало нас загнать в Сибирь. *Dictum* это очень понравилось киргизам, они сердечно смеялись, но объяснили, что эти коровы пришли из соседнего аула и уже записаны, что на поверку оказалось правдой.

Удивила нас память одного киргиза, который диктовал более ста коров и ни разу не ошибся, что показала сверка с реестром последней ревизии.

Под вечер собрались тучи, блестело, гремело, но кончилось тем, что ночь стала черной,

как чернила. Наш хозяин, предупрежденный, что невдалеке показались барантаци, разослал во все стороны разъезды и усилил стражу при табунах. Все было сосредоточено, а сторожа пели и кричали во всю глотку. Наконец один раз поднялся страшный шум – наш киргиз полетел к табуну, а мы, выскочив из юрты, для остротки несколько раз выстрелили в воздух. Потом узнали, что двое подкрадывались к табуну, но, получив смелый отпор, бежали со всех ног. Однако один из сторожей все же был ранен.

23 июля

Окончив перепись, по результатам которой вышло: людей – 4000, лошадей – 15 000, коров, по причине падежа, очень мало, а баранов более 80 000, мы в 11 часов выехали. Сделав по меньшей мере 35 верст по дороге, усыпанной битым мелким и довольно крупным камнем, таким острым, что кони порой шли как по стеклу и часто спотыкались, мы остановились в ауле сиванцев, около источника, недалеко от высокого каменного взгорья, называемого Берик-Кара, то есть твердая черная гора. Во время поездки с вершины одной горы видели Аягуз – на расстоянии нескольких десятков верст. Наш переезд киргизы считают «полтора кочевья». Но есть кочевье большое и есть кочевье маленькое; первое – самое большее – от 25 до 30 верст; второе, когда идут ягнята, бывает не более 15 – 18 верст.

Приехав, узнали, что прошлой ночью барантаци, не сумев ничего украсть у семизнайманов, увели здесь более десятка лошадей.

Прибыл джигит за девушкой и остановился недалеко от аула под прекрасным, белым в голубые полосы, наметом. Удивили нас красна, на которых делают ковры. Основа состоит из узких полос, растянутых на земле, а женщины вышивают ее, как канву, иглочками. Видели здесь очень красивую двенадцатилетнюю девочку; удивительно белая, с глазами редкой красоты; но ее происхождение очень подозрительно, потому что глаза сапфировые и не скошенные.

Вечером нас навестил поэт Тюбек. Семь лет назад он был прославленным у киргизов и своими песнями добыл себе значительное состояние; но болезнь совершенно разорила его: он стал нищим, и никто из соплеменников о нем не помнит, только Барак подарил ему верблюда, который и составляет все его состояние и перевозит его нищую юрту во время кочевья. Когда Орынбай, единолично властвуя на киргизском Парнасе, собирал обильные лавры (халаты и коней) в Аягузе, Барак хотел выставить на борьбу с ним своего земляка-сиванца и привез туда Тюбека. Но измученный страданиями, исхудавший, великий поэт должен был стать всего лишь немым свидетелем триумфа соперника, так как утратил голос и память.

Мы его спрашивали, как он сам себя расценивает в сравнении с Орынбаем. Без колебания тот отвечал, что как высшие классы, так и народ считают его выше Орынбая, потому что тот научился петь только их святую историю и поет о старых делах, он же рисует киргизов такими, каковы они сегодня. Пришел к нам, бедняга,

жаловаться, что его единственного верблюда забирают «в подводы». И мы с благородством Александра Македонского, который приказал пощадить дом Пиндара, сказали ему, что, уважая его талант, запретим брать у него верблюда. Это его безмерно обрадовало, и, уходя, он попросил кусок сахара. Бедняга, голова его была обвязана платком, а под повязкой я заметил следы раны, которую он, может быть, получил во время баранты.

24 июля

Встали в 4 часа утра и сразу, сначала по голой каменистой степи, потом по пригоркам и долинкам, спустились к реке Аягуз, воды которой текут среди тополей, верб и кустов. Мы с наслаждением приветствовали ее после сорока дней отсутствия. Утро было чудесное, воздух чистый, освеженный вчерашним дождем, пел жаворонок, и я пел вместе с Богданом:

*Когда в горах рассветает денек,
А в долине серебрится роза...⁸⁹ и т. д.*

В действительности, роза не только серебрилась, но и золотилась от солнечных лучей. В отдалении, за рекой, предстала нашему взору довольно высокая Балта-гора. Я пел себе, выехав вперед, стихи из «Гражины» и «Арки дружбы», был в сладком возбуждении, слезы стояли на глазах, их видел только бог. Только

⁸⁹ Стихи Богдана Залесского, польского поэта – современника Янушкевича.

меня часто мучил конь, который все крутил головой и вопреки обычаю киргизских лошадей, которые спешат в гору сколько есть сил, а спускаются медленно, — он одинаково — с горы и в гору — летел как сумасшедший, что мне не очень нравилось, потому что упасть на острые камни или колючий карагайник совсем не хотелось. К счастью, после пятнадцати верст борьбы с ним мы остановились на берегу Аягуза, в урочище Удьяр, куда для нас сразу привезли юрты и одновременно прибыл султан, а также и волостной управитель киржинцев Джангир, сын Вали, у которого лучшие кони, и содержит он их как большой любитель: сам у них пастухом и никогда не продает. С султаном приехал и посланный за ним толмач Жеребятъев, который вчера после обеда с нами сделал 35 верст, а потом сразу полетел за 50 верст к Джангиру, а теперь с ним к нам приехал — верст, наверно, 30. Понятно, что он не спал ни минуты. Пусть бы здесь какой-нибудь кавалерист стал похваляться своими переходами! Просто страшно, сколько эти толмачи должны всегда летать!

С непередаваемым удовольствием пили мы чай из чистой воды, который велели изготовить по-европейски, не в большом общем чайнике, а в маленьком. Потом, поспав несколько часов, мы встали в великолепном настроении. Когда на дворе стояла страшнейшая жара, мы в тени развлекались болтовней о давних и милых делах. Около нас обнаженные скалистые горы, мы в долине, как в большом котле, над речкой, где собралась вся зелень и вся живность с этого

местечка. Ни одного звука, кроме шуршания Аягуза, едва ли до половины обмывающего камни, между которыми в глубоких ямках водится маринка. Казаки поймали несколько больших маринок и молодых уток. В нашей юрте — долины и холмы, трава и цветы. Удивительно, что киргизы не заботятся об этом удовольствии в своих импровизированных жилищах. Виктор говорил мне, что знал только одного Юсуфа, сына хана Нуралы, который нарочно искал деревья, куст или цветущий лужок, чтобы окружить его своей юртой: на дереве развешивал оружие и радовался растениям вокруг себя. Когда он узнал, что к нему приедет пермский генерал-губернатор, то поставил к его приезду три обширных юрты, обнимающие такие красивые природные места, что внутри они имели вид искусно устроенных садов.

Под вечер наши окрестности оживились мычанием коров, так как стягивались аулы со своими стадами и начали размещаться над Аягузом.

Султаны как бы составляют особый класс — аксуйек (белая кость) [29] и считают, что ведут происхождение от древних ханов, а именно от Чингисхана. Простые киргизы делятся на роды (ру) [30], а те на отряды (тайпа) [31] и отделы до бесконечности. Джагалбайлы, например, имел двенадцать сыновей: Манутана и других, значит, род джагалбайлинский разделился на тайпы: манутанский и т. д. Но Манутан тоже имел детей, от которых снова пошли разделы, носящие имя своего предка, как тарактинский

и т. д. Старшим всегда оказывают почет. К потомкам Манутана потомки младших сыновей Джагалбайлы относятся с большим уважением, иногда даже в их присутствии не смеют сесть. Потомками Магомета называются ходжи, они не принадлежат к другим родам и очень уважаемы.

Вечером у нас был Вали, отец нашего хозяина, который, ведя патриархальную жизнь, не имеет склонности к урусам. Только один раз был в старом Аягузе и раз в год выезжает для встречи с генералом, но, видимо, привлеченный громкой славой Виктора у киргизов, а может, записью своих коней, захотел нас навестить. Войдя в юрту, после обычных коротких комплиментов сразу обратил внимание на наши постели, ружья и другие вещи. Удивился, что сменили Каная, и сказал без стеснения: «Вам, значит, нужно таких, которые крадут, а его убрали, потому что он был самый честный человек». Спрашивал, как называют старших султанов в округах, поскольку он далек от всякой степной политики. Во время чаепития сахар клал не в чашку, а в карман, наверняка для госпожи султанши.

Только мы легли спать, как в ауле поднялся страшный крик, смешанный с лаем псов; мы подумали, что снова пришли барантчи, но на этот раз опасность грозила не лошадям, а баранам, так как к ним подкрадывался каскыр (волк), которого отогнали криком.

25 июля

Добавив в кумыс меду и несколько изюминок, можно сделать через несколько дней такой сильный напиток, что с двух чашек станешь пьяным.

Сегодня начали перепись населения, целый день были заняты, еле нашел минутку, чтобы написать несколько писем друзьям в родной край.

26 июля

Результат работы показал: юрт – 653, мужчин – 1341, женщин – 1082, лошадей – 5754, коров – 1334, баранов – 24 563.

Виктор рассказал нам следующий анекдот: один татарин прибыл в аулы прославленного в Малой орде разбойника Бекмурзы и хотел продать свой товар. Тот, увидев у него нанку, спрашивает, почему продает. Татарин говорит, что за столько-то аршин берет барана. «Что мне там твои аршины, – ответил киргиз, – я этой меры не знаю, ты лучше мне скажи, сколько возьмешь за нанку, если опояшешь озеро, которое лежит перед нами». Татарин сказал столько-то. Бекмурза приказал дать ему сто ударов камчой и обвести нанкой озеро, потом дал ему одного барана и сказал: «Видишь, я тебя не граблю, а покупаю у тебя; теперь, если хочешь, можешь торговать в моем ауле». Татарин, надо думать, как можно скорее дал тягу, будучи рад, что все на этом кончилось.

Один из киржинцев, занесенный в нашу перепись, называется Полковник, а так как Виктора здесь все титулуют полковником, между ними

поднялся большой смех при упоминании этого имени.

Когда Виктор, будучи еще солдатом, скитался по оренбургской степи, был у него друг киргиз из чиклинского рода, по имени Исаи Райюдилов, когда-то бывший богатым и выполнявший обязанности караванбаши, потом получивший от правительства чин сотника и медаль. Он, видя, что Виктор в Оренбурге носит солдатскую шинель, а в степи наряжается, как другие офицеры и чиновники, не мог понять, какой у него чин, и как-то раз спросил об этом. Виктор ему искренне признался, что он солдат. «Значит, я старше тебя чином?» – спрашивает киргиз. – «Старше». – «Почему же тебе дают поручения, и важные, а мне – нет?» – «Потому что ты глупый, а у меня винтиков в голове больше, чем у тебя». – «Если так, то купи у меня чин и медаль. Как другу чин отдам за кобылу, а медаль – за пять коней».

Один раз Виктор ездил с ним в Мугоджарские горы. Не найдя аул на том месте, где надеялись его найти, они, голодные и измученные, были в полной растерянности. Тогда Виктор говорит Исану: «Я останусь здесь, на этой горе, а ты поезжай поищи аул». Тот пустился с места вскачь. Немного отъехав, поднял нос вверх, понюхал, не услышит ли запах дыма, а потом поскакал дальше. Но вот наступил вечер, и ночь пришла, а его все нет и нет. Чтобы провести ночь в безопасности, Виктор спустился в овраг, а наутро воротился на то место, где наконец к полудню дождался Исана. В первом порыве нетерпения

Виктор напал на него и начал камчой охаживать. Киргиз во время всей этой операции молчал, а потом вымолвил: «До аулов очень далеко, пожалуй, только завтра туда доберемся». Поехали, не входя в дальнейшие рассуждения. Под вечер на привале Виктор заснул. Проснувшись, заметил, что Исаи тем временем разложил костер и согрел чайник. За чаем настроение его улучшилось, и он стал отвечать. Постепенно завязалась беседа. Тогда Исаи сказал: «Ты безмозглый, и больше ничего. Скажи, хватило у тебя ума бить меня, киргиза? Ты спал, я тебя мог убить, взять твоего коня и уехать. Твое счастье, что я к тебе привязан, как к своему ребенку; но послушайся моего совета: никогда не обижай киргиза несправедливо, потому что он долго помнит о несправедливости, и не каждый будет Исаком». С той поры их водой не разольешь.

... Привязанность Исана к Виктору началась в то время, когда он, едучи с ним, упал с коня и сломал ключицу. Заботливость, с какой Виктор ухаживал за ним, пробудила в нем глубокое чувство привязанности. Вылечил же его киргизский лекарь, который, кроме молитв, употреблял следующее средство: брал кусок шкуры от только что зарезанного барана, вырезал в ней дырку и, приложив к телу, прижимаясь к ней ртом, втягивал через дырку и стискивал болящее место, потом этот кусок шкуры к этому же месту клеем приклеил и отнял только через много дней, когда больной совершенно выздоровел.

Киргизы очень долго выдерживают голод, так же легко они переносят холод. Известно, что в декабре тридцать барантачей, угадав на сильное сопротивление, сами были совершенно обобраны. Противники оставили на них только рубашки и дали огниво на дорогу, а до аулов 150 верст. Они спасались, собирая сухую полынь, торчашую из-под снега, и, зажигая из нее костер, около которого, скупившись, обогривались. Когда один костер догорал, несколько человек бежали вперед и собирали другой. Так они преодолели огромное расстояние в сильный мороз. Умер только один, другие поотмораживали ноги и руки, но так несерьезно, что вскоре вылечились.

Нас посетил отец Джангира со своим братом. Спрашивал, из какого мы народа, и когда узнал, что мы – поляки (пелек), допытывался, что это за люди, берут ли в жены татарских дочек и т. д. В его семье все мужчины красивые, но разумом не выделяются. Сын немного умнее, чем отец. Старого безмерно заинтересовали сернички, чуть не лопнул со смеху, когда ему Виктор представил, как было бы здорово, подкравшись темной ночью к табуну, только прутиком потереть по одежде и выбирать лучшего коня. Старик простился с нами, вдруг вспомнив, что около его табуна видели воров, поэтому он должен спешить, чтобы принять меры предосторожности.

Был также у нас 80-летний старец, который, когда мы приказали дать ему кумыса, произнес над ним такую молитву: «Аллах! Сохрани лю-

дей от войны, огня и голода; множь их стада и одари вдоволь кумысом; а на того, кто мне его подал, пусть снизойдет твое благословение, пусть у него будут тысячи коней, скота и баранов».

27 июля

Отлично выспавшись, выехали с места в 4 утра. При восходе солнца в долинах полегли туманы, а когда позднее разошлись, начала одолевать жара. Перебравшись через речку, долго ехали то под гору, то в гору, как по морским волнам. Повсюду землю покрывает раскрошенный камень, и только карагайник зеленеет на сухой поверхности степи. Перед моим конем проскользнула змея в полтора локтя длиной, но убить ее мы не смогли, так как она скрылась в норку. По этому поводу ташкентец, едущий с нами, рассказал, что этой весной его работник встретил саженного айдагыра, короля змей, падшадай джилан, белого, как молоко, погнавшегося за работником. Тот, хоть и был на коне, испугался и ускакал. По мнению ташкентца, если бы он бросил перед змеей свою рубашку, а та проползла бы по ней и оставила след своего зуба, работник был бы всю жизнь счастливым, стал бы большим богачом.

Мы счастливо доехали до аулов баубек-сиванов, старшины которых выехали нам навстречу и, сойдя с коней, приветствовали Виктора. Приехал также молодой, очень приятный, с красивым носом и аристократическими ушами (по заключению Али, паши Янины, в воспоминани-

ях Байрона), сын султана Джамантая. Юрты нам поставили у слияния рек Коп и Аягуза. Вокруг сухие нагорья, а зелень – вербы и кусты – только над водой. Вскоре нас приветствовал и сам султан, волостной управитель, Джамантай Ропин. Он два месяца не был дома, сопровождал нас до Ала-Тау, а оттуда ездил в Китай, к султану Долонбаю, и только возвращался из этого путешествия. Я хотел посмотреть, какова будет его встреча с сыном, которого он так долго не видел. Его родительская нежность проявилась только в вопросе о состоянии табунов. Радости и чувств, привычных нам, ни крошки. Засел у нас, пил чай и только спустя час пошел к своим женам и детям, которых, наверно, так же приветствовал, как и сына, а жены должны еще были по обычаю пасть на колени и поднести руку к голове, оказывая этим знак почета своему господину. Рассказал, что случилось с нашим толмачом Черепановым, который, приехав к Сабеку, брату Долонбая, хотел отобрать юрту у одного киргиза. Сабек так угостил его палкой и камчой, что лежит бедняга, избитый до полусмерти.

Приехал к нам Сухоналимов и привез весть о том, что после нашего отъезда над Лепсой появился Кенесары.

28 июля

Гонец из Аягуза в 4 часа утра привез мне письма от матери, сестры и друзей. Прислали нам несколько арбузов; лучше бы булку хлеба! Сухоналимов уехал после обеда. Приступили к переписи населения. Джамантай Ропин, или,

по записи, Ропеев, так нам отрекомендовался: «Я не хвастаюсь, но спроси обо мне, каждый знает, что я справедливый и не люблю воровать. Только одно против меня можно сказать, в чем я и сам признаюсь, – я скупой».

Ходил с удочкой на Аягуз. С большим трудом пробрались мы к берегу реки сквозь невероятно густые кусты и колючие растения и угодили прямо к лежбищу кабанов. На приманку из кузнечиков взялась такая большая маринка, что леска порвалась, и рыба с ней уткнула. Под вечер сильный дождь охладил воздух. Ночью дождь принимался идти несколько раз.

29 июля

С утра было тепло, тихо, кропил дождь; позднее ветер и такой холод, что пришлось поверх летнего надевать ватный халат. Писал моим письма.

В здешней волости Секымбай играет такую же роль, как Танысбай у семизнайманов, а Токунбай у кереев. Прямо к чаю пришел султан с сыном. Спрашивал его, кто такой был Найман, их предок. Отвечал так: «Был какой-то народ, называвшийся ала-алаш (пестрота) [30], из которого вышло триста родоначальников, разлетевшихся позднее на все стороны. Между ними были Уйсун, Аргын [31] и Алчин [32], которые дали начало Большой, Средней и Малой орде. Найман был старшим сыном Аргына. Киргизы сюда пришли 170 с лишним лет назад, когда эти стороны занимали калмыки, которыми управлял какой-то их владыка, очень им нежелательный,

потому что управлял плохо, бил, отбирал жен и дочерей. Калмыки его убили, и так как не могли договориться о том, кто ему наследует, начали междоусобную войну. В результате этого одна их часть (ойран) ушла в оренбургские степи, а киргизы и другие народы, используя слабость оставшихся, начали забирать их земли».

О происхождении султанов так говорил: «Кто-то очень давно имел дочь, единственную, которую всегда стерегла старушка. Когда они однажды сидели вместе в темной юрте, девушка увидела сильный свет и от его луча, как она сказала, стала беременной. Старушка этого света не видела, а когда все рассказали отцу, он приказал заточить дочку в золотой сундук и, запаяв его, пустил в воду. Сундук плавал три дня. Потом какой-то человек его увидел, вытащил на берег и не сумел иначе его открыть, как отстрелив один угол и потом отбив крышку. Найдя там красивую девушку, взял ее в жены, хотя она и просила, чтобы ее не трогал, он этого и слушать не хотел. Через короткое время родился сын, и этот-то сын – плод луча света – стал родоначальником султанского племени [35]. Однако этот рассказ не совсем точен, – добавил Джамантай, – зато верно, что все мы происходим от Чингисхана, хотя кто он был, где и когда кочевал, не знаем. Есть Чингистауские горы, но был ли он в них, кто может знать? Ким биледы? Должен же был какой-то великий муж этого имени кочевать в этих горах, если им дали такое название?»

Холодно, дождь, крик ночью. Оказалось: волк покалечил пса.

30 июля

Перепись окончена. Поскольку находимся в 25 верстах от Аягуза, мы с Виктором выехали вперед, чтобы туда заехать. После 48 дней житья в юрте снова увидели крыши, женщин нашего племени и – преферанс. Аягуз показался нам изменившимся: все пожелтело, воды в реке почти не осталось.

Разговаривал с доктором Абакумовым, который рассказал мне много любопытных вещей о посещаемой им степи. Записываю некоторые детали. В Тарбагатае часто бывают землетрясения. Длинные белые змеи совершенно не ядовиты, опасны только черные, короткие. От их укуса единственное средство – сильно перетянуть тело выше укушенного места, а само место вырезать и прижечь. Фаланги, как и тарантулы, в этом климате не опасны, укус скорпиона причиняет горячку только на одни сутки.

Неподалеку отсюда, к Кокбектинскому округу, есть халцедоны, топазы и опалы. Тростники, окружающие берега Ала-Куля, киргизы часто умышленно поджигают, чтобы выгнать укрывающихся там кабанов и тигров, которые наносят большой урон именно во время зимних кочевков. Длина Балхаша – 450 верст, а в самом широком месте – от 150 до 200 верст. Зимой замерзает, но во льдах часто бывают большие трещины. Один топограф ночевал на замерзшем озере, когда вдруг послышался устрашающий гул, в нескольких десятках шагов от него лед расступился на десять сажен. Щель была длиной в 15 верст, глубину измерить не удалось.

31 июля

Весь этот день мы пробыли в Аягузе и похоронили комиссара Куробиева. Духовного при похоронах заменял унтер-офицер пехоты, которая прибыла из Семипалатинска и стоит в юртах. День был теплый, но ночью замерзли дыни. Блохи и клопы не дали нам спать.

1 августа

Утром почтарь с Лепсы привез весточку о Кенесары. Он стоит между Коксу и Караталом. Прибыв туда, велел сразу дать ему базарлык в 2000 баранов и пригрозил, что если не дадут добровольно – будет плохо.

В 11 часов мы двинулись в путь. Ехали мимо Агадырского пикета, потом через реку Калкаты, оттуда Чингистаускими горами прямо до реки Сасыбулак, где, пройдя 60 верст, стали на ночлег под открытым небом. К утру было дьявольски холодно.

2 августа

Проехав более 20 верст меж сухих каменистых гор, мы сделали привал над рекой Чет. Здесь нас встретил гонец, рассказавший о местоположении волости Барака, до которой пришлось пройти еще около 20 верст, прежде чем мы ее обнаружили над рекой Коксала.

Барак принял нас с радостью. Будучи в Китае, он специально к нашему приезду купил рис, из которого сразу велел своему повару приготовить пилав. Представил нам двух своих сынков, старшему около 12 лет, обручен с дочкой Сабека, султана байджигитинцев. Невесте исполнилось

20 лет. Сабек не взял за нее калым, да и вообще сам дает за ней приданое в 25 ямб, и зимой должен прислать ее жениху. Этот Сабек любит ямбы, уже их накопил 500 и все время продает баранов, чтобы складывать деньги в кубышку. У брата его Долонбая тоже 450 ямб. Оба мечтают перейти под наше владычество, лишь бы им дали землю.

Барак спрашивал нас, видели ли мы большой белый камень, лежащий на дороге к Агадыру? Когда мы ответили утвердительно, произнес: «Я принес его туда собственными руками, чтобы полковник, сломав свою арбу, спросил, кто тут положил такой огромный камень посреди дороги?» Действительно этот камень (белый, как сметана, кварц), весящий несколько пудов, лежал сначала в двух верстах от дороги. Барак, сев на землю, втащил его себе на колени, потом на грудь и, встав с ним, принес его на дорогу. Он показал нам немного поцарапанные руки. У киргизов есть убеждение, что в этом камне находится золото, многие пытались его разбить, но напрасно.

Сперва женой Барака была одна из дочек Турсуна, сейчас он берет его вторую дочку и дает ему в подарок одного из самых знаменитых в степи скакунов, которого купил за три ямба у своего родича, владельца Бухары Усмана. Этого коня он держит в собственной юрте, боится даже пустить на байгу, которая скоро должна быть в Кокбектинском округе по поводу смерти одного бия. Там будут огромные ставки на выигрыш: первая – сто коней и верблюдов. Гонцы уже обле-

тают соседние округа, Аягузский и Каркаралинский, запрашивая гостей на эти праздники.

После полудня между некоторыми другими гостями был у нас ходжа, который, как ведущий свой род от Магомета, считает для себя оскорбительным общение с киргизами, ибо, как он говорит, «их мясо паскудное, а он – чистой крови...». Повсюду глупые претензии на высокое происхождение! Барак принес и читал нам генеалогию своих предков – султанов. Она у него в виде выписки из большой рукописной книги, находящейся у Турсуна, которому якобы прислана была из Турции. Исторические сведения Барака о приходе киргизов в эти края несколько сходятся с утверждениями Джамантая. Он также рассказывает, что лет около 200 назад киргизы кочевали в стороне Ташкента, около Азрета, оттуда под водительством Абдул-Магомета двинулись искать лучшие пастбища и, прибыв в эти места, ныне ими занимаемые, бились с калмыками, которых, наконец, изгнали. На мой вопрос, что их принудило оставить прежние места и не были ли они изгнаны каким-то другим народом, сказал: «Известно, что киргизы – народ беспокойный, любят все время менять места». Ногай, Казах и Киргиз, как он сказал, были три брата; а кто был их отец – не знает. Не знает также, кто был Едиге, которому насыпали курган на Улу-Тау. Говорит все же, что, кажется, Тохтамыш убил его, оба они были, вероятно, ногаями.

Спрашивал об истоках их степного права. Первозданный шариат, по которому «голова за

голову» и т. д. был уложен каким-то имамом еще до Магомета, когда жили еще в Аравии. Позднее же, когда прибыли сюда, бии, видя, что богатый мог бы обобрать целые роды бедных, придумали кун – теперешние айбы, и эти обычаи постепенно вошли в право. О Чингисхане никаких легенд: ни одна речка, ни одно урочище не называется здесь Каракорум.

Виктор, используя этот разговор, обратился к киргизам: «Напрасно вы свой род выводите из такого высокого начала; ваше действительное происхождение идет от трех братьев: волка белого, серого и черного. Ваша жизнь отдана только чувственности и ублажению желудка, что всегда напоминает волчье начало». Они нисколько этим не были оскорблены, долго смеялись и все разом напали на своего ходжу, что он, хотя и играет роль святого и хвалится происхождением от Магомета, но его предписаний не выполняет и ест что попало. Советую ему поскорее идти в Мекку, они разошлись веселыми.

День был погожий и ветреный, под вечер похолодало, а ночь была совсем холодная. Целый день мы ничего не делали, потому что киргизы тянули и собирались медленно.

3 августа

Приятное утро, легкий ветерок. Окрестности очень скучные: невысокие горы сухие, лесов нет, деревья только в ущельях. Единственное, что оживляет, – вид рассыпавшихся вокруг коней и скота. Медведей тут нет, маралов много, но лишь зимой. Много зайцев.

Мы начали работу, пришел отец Барака, Салтыбай и без всяких церемоний спросил, не угостим ли мы его чаем. Это один из киргизских аристократов в канфовом халате, надутый, как павлин, а себе даже несчастного чая жалеет.

Приехал сын Усмана с толмачом, чтобы отобрать сбежавшую от одного из его родичей жену. В дороге на них напали шестеро разбойников, но они сумели удрать.

Вечером кереец Жаксылык гадал нам на сорок одной бараньей косточке. Клал их на голову, сердце или ноги, потом молился, и выходило, что мы не поедem в Джетысу. Позднее пришел баксы, который говорил, что свое искусство наследовал от отца и деда, что дьявол у него на посылках, что он дошел бы до самой высокой степени искусства, если бы не мать, которая ему запрещает общаться со злыми духами, и если бы не один баксы, который у него отнял одного духа. Однако и теперь он может самого дикого коня привести в юрту и предсказать будущее. Когда мы захотели, чтобы он нам предсказал, когда мы будем в Омске и не пойдem ли против Кенесары, он обвинил несколько палочек тряпками, смоченными в жире, и, зажегши две из них, начал тихонько молиться. Потом зажег две другие и, держа их в руке, все время молился. Потом встал, зажмурил глаза, и, прохаживаясь, гневаясь, несколько раз призывал сатану повторить: «Праведное дело нравится богу». Наконец сатана вошел в него, тогда он стал издавать страшные крики и метаться по юрте, как зверь. Бросался между вещами, бил головой о кереги,

откидывал ее назад и вперед, стуча зубами, крутился влево и вправо так быстро и сильно, что весь покрылся пеной. Наконец, постепенно замедляя движения, совершенно успокоился и сказал нам, что будем в Омске через семнадцать недель, куда пойдem через Каркаралы, потому что не видел никакого поворота в сторону на нашей дороге. А когда придет время жатвы, казаки и киргизы сядут на коней и пойдут на войну.

4 августа

После теплой ночи – прекрасный день. Известие об отъезде Нюхалова в Омск. Письма от Януария и Павла.

5 августа

Доброе утро. С восходом солнца пришел Барак и, видя, что Виктор еще спит, лег себе в юрте ожидать, когда он встанет. Используя это время, я писал Януарию.

Окончили перепись в Джанбубек-Сиванской волости. Юрт – 1138, населения – 4500, коней – 11255, рогатого скота – 1823, баранов – 54 494. Выехали в 2 часа, места дикие, каменистые, источник Баканас. Ночевали в долине над речкой. Вокруг горы, прекрасный вечер и такая тишина, какой я и не помню.

6 августа

С восходом солнца выехали в путь. Горы все выше, и природа все более оживает. Березы над рекой Баканас, по горам карагайники с большим удовольствием ехал на хорошем красном коне.

Вскоре мы встретили первые стада тобыктинских овец, а после девяти часов езды легкой рысью мы остановились в урочище Курдын-бойы у волостного управителя тобыктинцев Кунанбая Ускенбаева [36]. От него до Барака 90 верст. Здесь мы застали трех толмачей и четырех казачков. Сразу хлынул дождь и шел до ночи, стало невыносимо холодно. Кунанбай говорит, что 11 дней тому назад был ливень с градом величиной с верблюжий помет, который поубивал мышей и пташек, разогнал скот и на протяжении десяти верст лежал два дня и две ночи.

7 августа

С утра большой ветер и еще больший холод. Пальцы мерзнут. Только около полудня, - наевшись и выпив немного водки, я смог начать писать письма, чтобы отослать с толмачами.

КУРДЫН БОЙЫ, 7 августа.

ПИСЬМО БРАТУ.

XVI

Дорогой брат! Мы находимся среди Чингистауских гор. Это третьи горы, которые я посещаю в киргизской степи на протяжении двух месяцев; Ала-Тау, Тарбагатай и Чингис-Тау, азиатские сестры европейских Альп, Апеннин и Карпат, поочередно представляли передо мной все более низкими этажами, идущими с юга на север. Уже Тарбагатайские горы показались мне карликами в сравнении с Ала-Тау, сегодня Чингистауские рядом с Тарбагатайскими выглядят, как бараны, поставленные рядом с

верблюдами. Но если первые захватили меня своим величием и разнообразным богатством своей щедрой природы, если вторые поражают путешественника своей дикой красотой, то последние для меня тоже имеют свою, не менее чарующую, прелесть. Ведь к ним навеки приковано имя Чингисхана. И это одно, особенно в моих глазах, поднимает их вершины и окружает лучистым венцом какой-то таинственной силы и величия.

Под впечатлением этого гиганта старой Азии, приехав в горы, носящие его имя, я искал следы, какие он тут оставил после себя. Но напрасно вопрошал я скалы и камни, покрывающие их хребет. Ни одного памятника, напоминающего о грозном возмутителе спокойствия, — ничто не говорит сегодня о его пребывании в этих краях. Я спрашивал многих людей, но и люди о нем знают столько же, сколько мертвые камни. Кочующий из урочища в урочище недавний пришелец в эти края — бесписьменный киргиз на все вопросы о своем прославленном предке отвечает «ким биледы?» (кто же знает?). Вот тебе слава человека, который обратил в прах столько государств, разлил по всему миру столько рек людской крови и, как зловещая комета, оставил после себя на долгие времена в наследство голод, мор, тысячи бедствий, терзающих несчастное человечество.

Не думай, однако, что киргизы совсем ничего не слышали о Чингисхане. Наоборот, все, словно сговорившись, утверждают, что тут его зимние кочевья, а султаны, киргизская аристократия, в ряду своих предков-ханов с гордостью

называют имя мощного владыки Азии. Султан Барак, о котором я писал тебе в письмах, читал мне свою генеалогию, которую по моей просьбе приказал переписать для меня своему секретарю, исполняющему у него одновременно обязанности муллы, придворного, кухмистра и учителя сыновей. Генеалогия эта начинается от Адама, и далее, в черед веков, цепляя на своем развесистом древе имена патриархов, пророков, Магомета, калифов, Чингисхана, заканчивается на последнем хане Средней орды [37]. Прочитав ее, он скромно сказал: «Если правда, что тут написано, то мы в родстве с императором китайским, бухарским, турецким и российским».

– И со мной, – добавил я, – поскольку я тоже происхожу от Адама⁹⁰.

Уже неделю мы находимся в Каркаралинском округе, составляем сейчас списки населения тобыктынцев. По дороге из Аягуза, где мы улаживали некоторые дела о корреспонденции с Омском, я имел удовольствие получить твое письмо от 30 мая, а сегодня, пользуясь отъездом тамошних толмачей, которые галопировали вместе с нами два месяца по степи, высылаю вам всем сердечные приветы. Вероятно, тебе покажется, что это письмо написано не слишком разборчиво. Это результат большого холода, я должен ставить букву за буквой. «Die schonen Tage in Aranjuez sind schon zu Ende...»⁹¹.

⁹⁰ Претензия относительно российского императора основана на том, что якобы единственная дочка Чингисхана вышла за тогдашнего российского царя. – *Прим. автора.*

⁹¹ «Кончились золотые деньки Аранхуэса...» (нем.).

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ

8 августа

Все изменилось после нашего прибытия в Каркаралинский округ. С утра проливной дождь, и так холодно, что руки мерзнут. А что же будет дальше? Ужасный климат.

Перепись скота идет плохо. Повсюду крик на асессора В., который насолил киргизам во время предыдущей переписи. Ассессор – это страшное имя в здешних местах; матери, желая утихомирить детей, страшат их Ассессором. Когда мы сказали собравшимся в волости, что у них скота больше записано, чем они нам показывают, один из присутствующих закричал: «Куда бы мы этот скот поместили, если бы его имели? Почему Ассессор не приказал нам построить загородку для такого количества, которое внесено в реестр?» Приводили пример, когда, не веря какому-то киргизу, который имеет только одного коня, Ассессор обругал и пригрозил ему. Старшина, желая отвести грозу, сказал, что у него девять коней. Ассессор на том основании, что если указано девять, то может быть и девятно, прибавил нуль. При переписи применял различные средства принуждения, запирали по несколько десятков киргизов в юрте и держал там под стражей, пока они не стали сразу увеличивать цифры. Приказывал даже ставить в ряд девушек и считал их. Киргизы думали, что настал конец света или что их хотят брать

в рекруты: маленьких мальчишек прятали под тундук.

Здесь в степи уже более десятка лет живет семипалатинский мещанин, женившийся на крещеной киргизке. Его сыновья хорошо говорят по-татарски. Он занимается производством кумыса, который развозит на все байги и поминки. Он нас навестил и угостил своим кумысом. Никогда я такого хорошего у киргизов не пил: вкусный, чистый, без всякого неприятного запаха и такой сильный, что киргизы, как выпьют две чашки, уже языком не владеют, а мы, выпив всего по чашке, почувствовали себя сильно разгоряченными. Он делает его следующим способом: бросает в сабу несколько сухарей или горсть курта и, смочив кобыльим молоком, оставляет такую закваску или дрожжи на четыре-пять дней. Потом наливает туда кобылье молоко и сохраняет как можно дольше, если жарко, то держит на холоде. Перед употреблением процеживает кумыс через чистую тряпочку и никогда не выливает до густоты. Киргизы этой осторожности не соблюдают, отчего осадок чересчур прокисает и наливаемый в него новый кумыс приобретает плохой вкус.

Приехал волостной управитель Мумбетей-Тобыктинской волости султан Шалгымбай, молодой человек, имеющий, как видно, маловато шариков в голове и небольшой у своих авторитет, а в остальном – *bon enfant*.⁹²

Толмач Хохлов ручался нам, что в Джусенбай-Чекчеканской волости есть баксы, который

⁹² *Bon enfant* – прекрасный малый (франц.).

садится в раскаленный докрасна котел и играет в нем на кобызе; взяв самого дикого коня, въезжает на нем в юрту и управляет им, как хочет. Увы! мы не застали прославленного чародея: поехал в Аягузский округ, и моя надежда удовлетворить любопытство угасла.

Кунанбай таким способом лечит своего ребенка,⁹³ страдающего сейчас страшными болями в желудке: зарезал черную козу и, намазав ее жиром голубой пояс, обвязывает им живот; жир этот втирается также в тело. На мой вопрос, почему не позовет какого-нибудь баксы, отвечал, что не очень верит в их лекарства.

Он очень хвалит характер и особенно гостеприимство каркаралинских киргизов. Говорит, что если к ним хотя бы трое или даже двое гостей приедут – сразу режут барана, чего нет в других сторонах степи.

Тобыктинские киргизы показались мне совсем иными, чем аягузские: лица по большей части длинные, носы длинные, скулы выдающиеся, кожа желтоватая – некрасивые.

Окончили аягузские подсчеты и приготовили для отправки почтой. Во всех шести волостях: 52 000 коней, 11 000 голов скота, 283 000 баранов.

9 августа

С утра разошлись тучки и заблестало солнце. Мы ожили. Наши толмачи и казаки поехали в Аягуз, отправил с ними свои письма. Ходил в окрестные горы: ах, какая же пустыня! Камни и сухие хребты, куда ни кинь взгляд! Все Чингис-

⁹³ Вероятно, скорее всего Абая, который родился в 1845 году.

тауские горы безлесны, из зверей больше всего лис и волков, и хотя они причиняют значительные убытки, киргизы на них капканы не ставят из боязни, как бы не покалечилась какая-нибудь скотина. Сурков нет, последний град побил множество мышей: те, что не поторопились удрать в норку, погибли.

Речки в Чингистауских горах текут в юго-западном направлении к Балхашу: Баканас, Калкатты, Крксала, Тайузен, Кур, Джайна; в северо-восточном направлении, то есть к Иртышу: Чаган, Доспол, Токрау, Байгара, Бокончи, Егизбалапан, Караул, Такыр, Мукур, Кундузды, Кос, Чар, Чет. В этих горах кочуют сиванцы и тобыктинские киргизы.

Недолго мы тешились погодой: снова громы и проливной дождь. Нужно каждую минуту спускать тундук и сливать с наших бухарских ковров воду.

10 августа

Кунанбай рассказывает, что Тобыкты был сыном Аргына. О Чингисхане, или, как он говорит, Чингискане, утверждает, что здесь у него были зимние кочевья, и в доказательство приводит то, что в одном дне хорошей езды отсюда есть гора Хан-Чингис, или Кан-Чингис, на которой еще его дед видел торчащие, а сам он — уже обвалившиеся восемь сосновых балок, которые, как говорит легенда, несли на себе ту таинственную комнатку, где страшный разрушитель перед каждым походом творил молитвы. Он был калмыком и жил 200 лет. О Каракоруме тут и

не слышали. Происхождение киргизов (казаков) он объясняет так:

В Турции господствовал обычай, чтобы пестрых людей, то есть имеющих на себе красные, желтые или другого цвета пятна, выгонять из города. И вот появился один человек, потомок Якуба-пророка, пестрый (алаш), которого султан приказал изгнать. Изгнанный занимался грабежом, имея большую шайку бродяг. Потом так случилось, что любимый сын султана заболел и умер. Чтобы его воскресить, со всей страны собрались лекари, но ни один не мог этого свершить. Узнав об этом, Алаш пришел и воскресил султанича. Из благодарности отец дал ему диплом на тарханство, то есть дворянство. Алаш, однако, не остался в стране, а ушел со своей шайкой из Турции и через Персию продвинулся даже в соседство с Хивой, где он и умер. Его сыновья со своей шайкой, состоящей из трехсот человек, грабили хивинцев. Когда они стали кочевьем над берегами трех рек, владетель Хивы, желая их как следует побить, вышел против них сам с большими силами. Шайка, прослышав об этом намерении, выслала несколько своих самых умных и речистых биев, которые, одетые в лучшие одежды, двинулись навстречу разгневанному монарху. Когда тот подъехал, они сошли с коней и приветствовали его такими красивыми словами, и так долго, и так выразительно они ораторствовали, что хивинец, захваченный их красноречием и мудростью, закричал: «А! Так вы не казап, а казаки!» (вы не баламуты, не разбойники, а

хорошие люди, ибо казак означает – сильный, смельчак; когда кто-нибудь себя башковито проявит, говорят: а! казак!). Отсюда и пошло название казаков. А поскольку он их нашел кочующими над тремя реками, то сказал: «А, это вы три Орды: большая, средняя и малая!» Отсюда и три названия Орд. Хивинец хотел тогда отнять у них диплом тарханства. Позднее начали продвигаться все дальше, долго кочевали в Тургаях. Но когда расплодились, стало им тесно, они захватывали разные стороны степи, выживая из нее калмыков. Дед Кунанбая также прикочевал из Тургая. Уйсун, Аргын и Алчин были зачинателями трех Орд, как их начальники. Но Уйсун шел от трех рек через Ташкент и задержался в Джетысу.

Пример разветвления киргизских родов можно видеть в здешних волостях. Например, в Кучук-Тобыктинской есть род кучук; у него два раздела – айдос и кайдос. Первый имеет разветвления: 1) менис, 2) иргизбай, 3) топай, 4) торпай, 5) джезыге; от кайдоса: 1) боканчи, 2) джунгубул, 3) бурсак.

Что касается султанства, Кунанбай приводит два рассказа: в первой повести был хан, потомок Чингисхана, Бердыбек, который от незаконной связи с какой-то девушкой имел сына. Этот, когда его отец умер, был малолетним, оставался под опекой одного бия, который управлял государством. Мальчик, став юношей, хотел убить своего опекуна и управлять сам, утверждая, что имеет на это права, как наследник. Но народ разгневался и не позволил, объяснив, однако,

что признает его наследником, если у него есть три знака на теле, какие имел отец. Нашли у него один знак, но народ согласился и на этом и сделал его ханом. От него и пошли султаны, но они не любят, чтобы им напоминали этот источник своего происхождения, начатого бастардом.

Другая повесть рассказывает о том, что был у туркмен какой-то ворожей с одним глазом во лбу. Этот, придя к Аму-Дарье, пророчествовал, что приплывет что-то по реке. И действительно, товарищи, стоявшие обок, скоро увидели домик, который вода несла к ним. Уговор был такой: что внутри – то будет принадлежать ворожею, что снаружи – остальным. Чтобы открыть домик, замкнутый словно сундук, он отлил огромную пулю и, выстрелив ею, отбил несколько досок. Вышла хорошенькая девушка, но никак не хотела сказать, кто она такая, и пояснила, что она скорее даст себя убить, чем скажет, кто она. Позднее она досталась, совершенно невинной, казаку Домбаул-миргену [38], и от этого супружества начался султанский род. Эта повесть, более древняя, чем первая, она немножко сходится с тем, что Джамантай толковал о девушке в золотом сундуке.

На мой вопрос о могиле Едиге [39] Кунанбай сказал: «Он был из рода Узбека и, поссорившись с отцом Нуралы-хана, вышел прямо на Кубань, где был какой-то хан, с которым он, собрав войско, удачно воевал и наконец создал себе государство между Сыр-Дарьей, Или и Чу».

11 августа

Окончили перепись, по которой оказалось: юрт – 1853, населения – 8000, коней – 22 000, скота – 2000, баранов – 155 000. Погода совсем установилась: пригревает солнце, из земли вылезают какие-то насекомые, особенно удивительны жуки на шести ножках, с длинным острым хвостом, с черными полосками вдоль тела.

12 августа

Выехали в 3 часа пополудни. Сопровождал нас Кунанбай с отрядом киргизов. Кунанбай ехал улаживать какие-то дела с мумбетей-тобыктинцами. Была такая жара, что Виктор, проехав три версты на лошади, спрятался в наш дилижанс, я еле удерживался на коне, которого все время кусали мошки. С Кунанбаем случился солнечный удар, и если бы не викторовский укукус, который на его бритый лоб и непривычный к нему нос подействовал немедленно, – остался бы он в степи. Виктор взял его с собой в арбу (так киргизы называют наш возок) и счастливо доех до первых аулов мумбетей-тобыктинцев. Приехав сюда вечером, мы с удивлением обнаружили семь юрт, приготовленных для нас. Причиной такого пышного приема был какой-то киргиз, который прибежал перед нашим приездом и сказал, что едет Виктор, а с ним много русских. Ночь была такая теплая, что мы спали под одним одеялом, без всяких дополнительных прикрытий.

13 августа

С восходом солнца двинулись с места, попроцавшись, как подобает, с Чингистаускими горами. Ехали все время большими каменистыми долинами, окруженными издали неизвестными холмами. Тут уже больше кустов карагайника, бересклета, высокой травы. В одном месте даже показался зеленый оазис, напоминающий сибирские гривы, и мне сразу вспомнилось ишимское время и наша охота. Вдобавок ко всему сорвалась куропатка и пролетела под самым носом у моего коня. Черные жаворонки взмывали над нашими головами.

В 11 часов нас встретила мумбетей-тобыктинская аристократия, наконец, нас приветствовал сам волостной управитель султан Шалгымбай, который поставил нам замечательную юрту с дверями; обтянутыми красным сукном и отделанными бронзой в киргизском вкусе. Совершенно измученные ездой по такой жаре, мы питали сладкую надежду, что после краткой, данной киргизам аудиенции сможем приятно опочить. Но едва мы полчаса вздремнули, как нас разбудил густой и горячий ветер, нечто вроде сирокко, который при этом так тряс юрту, что она еле удерживалась на месте.

Место, где мы находимся, называется Акбастау, от горы того же названия, стоящей отдельно от окрестных гор и сложенной только из голых белых камней, на которых то тут, то там зеленеет куст карагайника.

Хохлов мне говорил, что в степи есть гора Дуль-Дуль, на которую когда-то на своем огневом коне въезжал киргизский пророк и, став на камень, предсказывал будущее. Камень до сих пор хранит оттиск конского копыта. Пророка звали якобы Азрет-султан.

Богатые киргизы посылают в Азрет останки, а иногда части тела своих близких. Так, дети славного Чона в Баян-Аульском округе вырезали часть тела из его ноги и, обвинив дорогой материсей, послали в Азрет, чтобы положить рядом с останками святых. Надо понимать, что все это сопровождалось превосходной жертвой сторожам святых мест.

Этот Чон [40] был большим человеком, но не султаном. Он жил в последние времена перед приходом русских в эти места. Разумом, справедливостью и энергией души он приобрел у своих такой авторитет, что имел большую власть, чем если бы был ханом. Сам карал преступников, часто даже смертью, подчас жестокой, именно раздиранием на части дикими конями. О нем есть предание, что будто бы, когда один отец пожаловался, что некий киргиз совершил насилие над его дочерью, он вызвал обвиняемого и девушку. Дав первому нож, другой ножны от ножа, приказал, чтобы этот вложил нож в ножны, когда она вертела ими во все стороны. Когда киргиз не смог выполнить задание, степной Соломон признал его невинным, а старого после морального и физического поучения отправил ни с чем.

14 августа

Кунанбай ведет некоторым образом двойственную игру: выдал нам много богатых киргизов, которые поукрывали своих лошадок и баранов. Дали бы они ему перцу, если бы узнали, кто нам помог открыть правду, или, точнее, приблизиться к правде.

Киргизы делят свой скот на две части: белый (ак-мал) и черный (кара-мал). К первой принадлежат только кони; к другой – верблюды и все домашние животные, которых на зиму загоняют в загородки. Конь всегда остается под открытым небом, за исключением тех случаев, когда он очень дорого стоит, и бояться, как бы его не украли. И тогда уже не хлев, а юрта самого хозяина служит ему укрытием.

Пес, как арам (нечистый), не имеет права входить в юрту. Но если это борзая да настоящая, которая доставляет своему хозяину развлечение и ловит лис, тогда он не отдаст ее и за десять лошадей, держит в юрте, даже спит с ней вместе. Пример тому, как стирается пятно собачьей «нечистости» по причине собачьих услуг, мы видели у султана Усмана в Джетысу.

Волосы, заплетенные в косички и висящие по бокам головы, означают, что это любимый ребенок. Маленькому заплетают родители, а позднее, когда дитя подрастет, все же продолжает носить этот особый знак родительской любви. Сегодня у нас был юноша лет двадцати с очень длинными косами.

Снова следы работы нашего предшественника, который при переписи одинаково не жалел ни пера, ни камчи. Одному киргизу, призывающему сейчас в свидетели всю волость, что у него ничего нет, Виктор показал реестр и сказал: «Как же ты ничего не имеешь, когда тут стоит 80 штук?» – «У меня было не 80, а все 400, только когда ты еще не родился, – вздыхая ответил киргиз. – Сегодня у меня только пес, мой товарищ, и этот посох, на который я опираюсь».

У беднейших киргизов, если умрет отец семьи, происходит так: оставшаяся с малыми детьми жена чаще всего приходит в полную нищету. А если еще и оспа или другая какая болезнь вкрадется в юрту, то без помощи и опоры вся семья вымирает до единого человека. Часто так было: называем имя, а старшина отвечает: «И праха не осталось; умрет, пропал, и места после него нет...»

Киргизы, даже очень богатые, много тратят на поминки. Кунанбай, например, оценивает последний обряд после смерти брата в 200 коней. Он зарезал 63 коня и 200 баранов, а что стоили призы для байги, сколько вышло сахара, чая, риса – того и сосчитать точно не может.

Пришел к нам просить милостыню нищий-киргиз. Виктор ему сказал, что, будучи сам у киргизов и поедая их баранов, он ничего не имеет, что ему дать, разве кумыса, если он хочет? Но с условием, чтобы он выпил четыре деревянных чашки. Он хотел испытать, сколько может выпить киргиз, чтобы удовлетворить голод или жажду. Наш киргиз нижайшим – прямо до

земли – кулдуком поблагодарил за предложение и начал жадно пить кобылий напиток. Единым духом выпил три чашки, но перед четвертой остановился и после многократного «кулдук, аллажар, таксыр» начал отказываться от господского угощения. По нашему настоянию с явным отвращением он выпил остаток, выполнив условие до йоты. В награду мы угостили его бараниной.

15 августа

Утром ходил на белую гору и заметил, что она из алебаstra. В расселинах растет можжевельник, но не такой, как у нас. Кое-где астры, колокольчики и карагайник. Отсюда за четыре ночи, то есть нужно четыре раза переночевать, прежде чем туда доедешь, лежит озеро Балхаш. Неподалеку от нашего становища начинаются равнины, которые тянутся до самого Балхаша.

Во время переписи пришел один молодой киргиз и, вытянувшись, как струна, снял с головы араччин. Все засмеялись, а султан Шалгымбай сказал ему: «Видно, что ты недавно прибыл из-за Иртыша: русские чиновники тебя научили снимать шапку и вытягиваться по-солдатски».

Здесьняя волость сильно отличается от Кучук-Тобыктинской. Там, если кто солжет, Кунанбай скажет слово и замкнет ему рот; когда мы ели, все выходили, кроме него; тут же молодой Шалгымбай такого авторитета не имеет, и все, нужны они или не нужны, толпятся в нашей юрте. Много меж ними в дорогих украшенных тибетских халатах; видно, что здесь больше

зажиточных, чем у кучуков, особенно аягузских. Лень и привычка к безделью у некоторых достигает особенной силы. Мы заметили одного муллу, человека, имеющего жену, детей, хозяйство, который с утра до ночи сидит у нас, даже ничего не говоря, хотя мы его записали в первый же день. Постоянная теснота, несмотря на отвернутый тундук, открытые двери и поднятые войлоки, создала такую духоту и невыносимые запахи, что нам плохо сделалось. Мы вынуждены были попросить наших гостей, оставив только служилую аристократию, а нужных впускать по одному.

Между мумбетей и кучук-тобыктинцами чувствуется какая-то неприязнь, исключая даже правила гостеприимства, предписанные кораном. Приехавшие с Кунанбаем должны ночевать во дворе, где допоздна громко беседуют у костра. Их даже куском баранины не угостили. Кунанбай должен был купить барана, чтобы они могли пообедать. Когда они ели, местные подходили к ним посмотреть, как едят, а те их бранили, укоряя в низости, говоря: «Приходите к нам, посмотрите, пожалеем ли мы вам куска мяса?»

Правила гостеприимства киргизы соблюдают по следующим причинам: к какому-то пророку, по имени Ибрагим, пришел голодный гость, а он его прогнал. Бог явился Ибрагиму и сказал: если его не накормишь – будешь проклят. Испуганный пророк побежал вслед за гостем и умолял вернуться, обещая взять его хоть на верблюде, хоть на своей спине, только бы он

принял от него пищу и дал ему возможность этим загладить свою вину. Но гость не хотел воротиться и пошел дальше. Когда мы напомнили эту легенду Шалгымбаю, он объяснил свое негостеприимство к кучук-тобыктинцам тем, что сейчас у него полна юрта родственников и ему даже не хватает кошмы, чтобы подостлать им. Объяснение было бы неплохим, если бы соседи кучуки не вынуждены были покупать к обеду барана.

Кунанбай – это ну просто машина для говорения, часы, которые только тогда не идут, когда не заведены. Как только проснется, пускает в ход свой язык и говорит неустанно, пока не заснет. Каждую минуту приходят к нему киргизы за советом, а он, как оракул, который вещает со своего треножника, часто подперев бока руками; на каждые три слова цитата из шариата, а память у него такая удивительная, что все указы и распоряжения правительства приводит, будто по книжке читает.

Баканы, служащие подпорками чаныраку, становятся страшным оружием в руках женщин во время нападения на юрту. С криками мегер и фурий выбегают они с баканами против нападающих и обороняются смелее, чем мужчины. Часто они бросают под ноги лошадей своих детей или подставляют их под занесенное оружие, чтобы вызвать милосердие. А иногда, заслонив ими свою грудь, сами наносят удары. Если нападающие уводят верблюдов, цепляются за их шеи и так могут висеть несколько верст, крича, проклиная, умоляя о возвращении собственности.

Виктор это сам видел во время приготовления к хивинскому походу. Когда забранного было верблюда отдали, целовали его с радости, а в знак удовлетворения хватали землю и ели ее, благодарили со слезами и, заламывая над головой руки, кричали свое «кулдук». Наверно, это прямо страшный судный день, когда киргиз нападает на юрты, все ломает, бьет всякую посуду и всех поголовно истребляет. Как только один что-то схватит, а другой это видит – сразу предлагает раздел добычи; завязывается спор, который обычно кончается тем, что прекрасный халат или ковер бывает разорван пополам. Если увидишь в юрте половину ковра – это определено добыча от баранты.

Страшными бывают картины пожара от огня, пущенного в сухие степные травы. Часто пламя охватывает юрты так быстро, что ничего нельзя спасти, взрослые едва успевают выбежать, а немало детей становятся жертвами огня.

Вспомнил, что сегодня у нас большой праздник и что в этот день в 1812 году я был в Слуцке, когда праздновались именины того, кто иначе и сильнее, чем Чингисхан, потряс мир. Ах, как это было давно! Однако все очень ясно встало в памяти: и польские солдаты в костеле вместе с французскими, и комендант Ларош, и проповедь ксендза-доминиканца, и бал, с которого мы тогда поспешно выехали, получив известие, что Гертель приближается к Слуцку.

Я припомнил также, что сегодня годовщина того дня, когда в 1839 году был я с Густавом в степи, в окрестностях Ишима, и застала нас

ужасная буря. Страшная это была ночь! У меня до сих пор при одном воспоминании о ней в ушах гремит, и кажется, будто чувствую на лице секущие струи дождя, смешанного с грязью от земли, прикрывавшей сибирскую избушку, в которой мы нашли нечто вроде убежища. Сегодня мой старый друг по изгнанию и охоте спит, наверно, рядом с милой женой, а я скитаюсь по бездорожным степям; когда же я спрячу мою голову под родимой крышей!..

Писал письма Януарию и Густаву.

АКБАС-ТАУ, 15 августа. ПИСЬМО БРАТУ.

XVII

В последнем письме, написанном из Курдынбойы, я жаловался на свирепый холод и уже боялся, что скоро наступит зима. Как оказалось, эта боязнь была напрасной: холод был результатом града и нескольких дней ненастья при северном ветре. Прекратился ветер, снова качалась ужасная жара, сегодня мы опять радуемся прекрасной погоде. Даже ночи такие теплые, что спим только под одним одеялом.

Третий день стоим у подножия алебастровой горы, называемой Акбас-Тау, около источника отличной воды. Но здесь кончаются горы, которых мы столько повидали, и – что гораздо хуже – конец хорошей воде. Отсюда мы начнем спускаться на необъятные глазу равнины, в грустной перспективе у нас соленые источники, соленые озера и соленые реки. Чай будет заменен бульоном. Это бы невелика беда, если бы к нему кусочек хлеба! Но это теперь деликатес,

о котором можно только мечтать, как о манне небесной.

Только здесь я узнал, на каком низком уровне стоит у киргизов прекрасный пол. В числе мужчин, прибывших в наш аул для переписи населения, пришла также одна женщина, заменившая своего хворого мужа и господина. Это бедное создание, войдя в юрту, понятно, с камчой в руке, скромно село в самом дальнем уголке. Когда нам подали чай и вся аристократия села вокруг наших китайских чашек, жадно поглядывая на любимый напиток, я спросил Виктора, не следует ли угостить даму? «А! Сохрани бог! – ответил Виктор. – Были бы смертельно оскорблены те, которых ты не угостил. (Не всех же можно угощать, потому что оскорбились бы старшины, если бы угощение коснулось племса)». Да разве эти люди, сидящие у двери, лучше, чем эта тихая женщина? «Разве ты еще не знаешь, – отвечал он, – что они ставят женщину ниже коня». Как так! – закричал я. «А вот так. Киргизы в следующем порядке ставят божьи творенья: человек, потом конь, после коня женщина, потом верблюд, корова, овца, коза и, наконец, – самый несчастный – пес». Не очень-то хотел я верить в этот особый порядок, но спрошенные мною киргизы из лиц значительных полностью подтвердили слова приятеля с тем еще добавлением, что скорее отдадут девушку, чем хорошего коня. Пусть будет так, но что сказала бы на это госпожа Санд? А тем временем поздравь свою жену, что она не родилась в киргизской степи. Перешли письмо Густаву.

АКБАС-ТАУ, 15 августа. ПИСЬМО Г. 3.

XVIII

Дорогой Густав! После целого дня тяжелой работы, посвященной подсчету, записи и складыванию данных о киргизских конях, рогатом скоте и овцах, измученный, я бросился на свое степное ложе и, положив голову на подушку седла, чуть-чуть было не заснул сном сибирских крестьян, которые, известно, спят, как убитые, как вдруг вдали послышались голоса пастухов, сторожащих табуны коней нашего хозяина султана Шалгымбая... Голоса эти напомнили мне твои рифмы:

*О, отдаленный звук казанской песни
дивной!*

*Меланхолический, как тишина полей,
Дрожащий, как стрела, в полете
непрерывном,*

Тоскливый, как печаль, о родине своей!⁹⁴

Спать было уже невозможно, ибо и звук киргизской песни, и воспоминания о тебе, словно электрическая искра, встряхнули мои нервы:

*Ночь в свои звездные скрыла котары
Уснувшую степь...*

*Друг мой, сломленный трудом,
...обессиленный,*

*Как падающего камня инертная глыба,
Всей тяжестью рухнул на землю.*

⁹⁴ Поэма Г. Зелинского «Киргиз», пер. А. Жовтиса

«В юрте наступило глухое молчание»⁹⁵. Пользуясь этой торжественной и поэтической тишиной, я встал и, закурив сигару, взял в руки твоего «Киргиза», который из-за недостатка пулек лежал, заткнутый за кереги рядом с моими пистолетами, камчой и китайской шапкой. Но каким же приятным было мое удивление, когда при виде слов, начертанных твоей рукой на первой странице: «В память о ночи 15 августа 1839 года...», я сообразил, что именно сегодня годовщина той страшной и памятной ночи в Бурлаковой степи, за которую мы чуть не заплатили жизнью, а точнее – здоровьем.

Это воспоминание окончательно прогнало мой сон, как сильный порыв ветра надоедливых комаров; схватил перо, час назад еще записывавшее джилкы, сиыр, кой, – и вот летит к тебе неожиданное письмо из Акбас-Тау.

Но поскольку ты бы напрасно, даже с очками на носу, искал на карте ваших ученых географов мой Акбас-Тау, скажу тебе сам, что место это находится в киргизской степи Средней орды, в Каркаралинском округе, недалеко от гор Чингис-Тау; а раз ты не Митридат и не Меццофанти, мой долг объяснить тебе, что Акбас-Тау дословно значит: «Белая-голова-гора». Действительно, нельзя более удачно назвать эту гигантскую массу алебаstra, господствующую над обширной равниной, хотя никто из здешних номадов не знает, что это алебастр и что он собой представляет.

⁹⁵ Цитаты из поэмы Г. Зелинского.

Сомневаюсь даже, что и сам Чингисхан, память о котором осталась в этих краях как отголосок далекого грома, в науке минералогии был более подкован, чем нынешние киргизы, султаны которых гордо ведут свой род от него. Потому что не видно никаких штолен, говорящих о пользе, которую с древних времен могли иметь от этой горы. Властелин Азии вместо руин алебастрового дворца оставил после себя на горе Хан-Чингис только остатки восьми гнилых балок от высокой башни, на вершину которой восходил для обдумывания своих будущих завоеваний, и там, закрывшись на семь или восемь дней, молился и совещался – неизвестно, с богом или сатаной, – идти или не идти на войну против какого-либо народа.

История, может быть, вместе с тобой посмеется над аутентичностью моих чингисхановых балок; но я, побывавший в римских пещерах, где старый Нума встречался с молодой нимфой Эгерией для политических совещаний, и верящий в правдивость этого поэтического предания, всем сердцем верю и словам киргизского бая Кунанбая, который недавно рассказывал мне об этой башне.

В эту минуту над открытым чаныраком юрты медленно плывет месяц; алмазным огнем горят звезды на Млечном Пути; холодный воздух ночи наполняет атмосферу; аул спит глубоким сном, стихает даже лай псов... Поэтическая, шекспировская минута! Чувствую это и жалею, что не могу больше говорить с тобой. Морит сон, завтра надо рано вставать, садиться на коня (аттан!), поэтому прости и будь здоров!

ВИДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ

16 августа

Наш молодой султан пришел сегодня с жалобой, что почти все его аулы откочевали, и просил дать казаков, чтобы привести их назад. Такова его власть!

Перемена в воздухе, предвещающая переход от ведра к дождю, принесла с собой какую-то тяжесть во всем теле. Чтобы проветриться после нескольких дней сидения на месте, взял ружье и пошел по ручью, выбегающему из-под алебастровой горы и разливающему свои воды в долине, заросшей осокой. Каково же было мое удивление, когда, лишь только я ступил на вязкую луговинку, взвился дупель, за ним другой, третий, десятый!.. Паф! – по одному! Паф – по другому. Дупеля мои с криком улетели. Только тогда я вспомнил, что один ствол был заряжен пулей, некогда предназначавшейся тигру, а другой – большой пулей на волка. Раньше я бы рассердился на себя и на ружье, но теперь мне в голову пришла мысль: допустим, я бы имел подходящий заряд и убил бы даже дюжину дупелей... Что бы я с ними делал? Кто бы и как их изготовил? С чем их есть, когда ни хлеба, ни масла, ни даже повара у нас нет.

Хотя Шалгымбаю еще нет 25 лет, у него уже три жены; детей, однако, мало, потому что эти бедные создания, чаще всего не имея в начале жизни заботливого ухода, умирают. Когда я сказал Виктору, что Шалгымбай держит весь

этот гарем скорее для помпы, как более богатый, чем другие, султан, тот ответил: «Где там! Для услуг. Кто бы доил ему коров и крутился по хозяйству? Разве ты не видишь, что они не любят нанимать слуг, и если какая женщина и служит у них, чтобы не умереть с голоду, то они с ней обращаются хуже, чем с собакой».

С Виктором произошла история совершенно особого рода. Уже несколько лет находился в этом округе старый хашкентец, ходжа, который, принеся из Азрета разные святыни, занимался по разрешению султана своим делом: одних проклинал, других благословлял, тем читал молитвы или раздавал освященные талисманы, – и дела у него шли хорошо, потому что имел он разные «подношения» от киргизов. Его святость особенно выросла, когда он, оскорбленный одним киргизом, остановил у него во рту язык, да так, что тот уже три года слова не может вымолвить. Тем временем два других шарлатана пришли из Ташкента и с кораном в руке, с запасом азретских святынь начали кружить по окрестностям и тоже собирать дань. Узнав об этом, наш ходжа, считающий себя потомком самого Азрет-султана [41], ташкентского святого, заторопился с другого конца округа и именно здесь встретился со своими противниками. Увидев их, начал ругаться и упрекать их за то, что они – бродяги, что присвоили себе право... обманывать киргизов. Старший из пришельцев, которому надоело это все, выхватил из мешка коран и запустил им в лоб потому что Азрет-султана, а вдобавок схватил за бороду.

Последний плюнул на его коран и, как умел, своей поросшей седыми волосами пятерней отплатил за поношение «святыни». И вот на ближайшем холме поднялся ужасный шум, увеличиваемый криком киргизов, обступивших поле боя. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы мы не послали привести противные стороны на наш ареопаг. И тут жалующийся и обвиняемый сразу заговорили в один голос. Когда старший из пришельцев докладывал о своем деле на словах, молодой, тем временем развивал и показывал какую-то саженную грамоту. После долгих пререканий Виктор приказал взять двух новых ходжей под арест, как практиковавших без позволения местных властей и виновных в нанесении обиды старому ходже, который, обрадовавшись, сразу поехал молиться и наверняка проклинать своих противников.

Как только было дано удовлетворение бороде святого, Виктор вызвал арестованных чужеземцев. Это были отец и сын, последний снова развивал свой документ, написанный по-персидски и свидетельствующий о происхождении его отца от брата Азрет-султана. Было там и извещение о том, что они прибыли сюда с имамом, находившимся ранее в Семипалатинске. Дело пошло на окончательное расследование к киргизским властям. Любопытны образы обоих, особенно сына, своей лицемерной миной напоминающего наших иезуитов и итальянских аббатиюков.

Спрашивал Кунанбая и некоторых других расторопных киргизов, правда ли, что старый

ходжа отнял у одного киргиза способность говорить. Отвечали, что действительно так. Киргиза того зовут Айтпай, и он живет в ауле Шалгымбая. Он обманул в чем-то ходжу, и когда тот добивался восстановления истины, продолжал утверждать, что ни в чем не виноват. Тогда ходжа завопил: «Боже! Если я справедливо осуждаю этого человека за нанесенную мне обиду, скрути ему язык, чтобы в другой раз не произносил лжи!» Назавтра Айтпай онемел. Из всего, что при этом киргизы говорили о ходже, можно было заключить, что он человек не злой, не жадный, сам живет в нищете, а если что и достанет – отдает бедным, и, как говорят, имей он тысячу баранов – немедленно бы их роздал. Я спрашивал, почему он не возвратит речи Айтпаю? «Потому что зол на него и хочет его примерно наказать», – отвечал Кунанбай. Несмотря на всю свою разумность, он, очевидно, боится ходжи и верит в его таинственную силу. Виктор уверял его, что это невозможно, чтобы бог давал власть человеку по своему усмотрению чинить зло другим. Но это ни к чему не привело, он все время повторял, что ходжа при помощи своих святых может сделать все, что хочет. Как же этого рода людям не иметь влияния на общественное мнение!

Виктор рассказывал мне о киргизе, которого Виткевич возил с собой в Литву. Ему так понравилась наша страна, а особенно одна Антося, служанка родных его господина, что он захотел сменить веру, жениться и остаться. Но господин на это согласия не дал. Ходя по винокуренному

заводу, он видел свиней, которые пьют брагу, и, судя по запаху, решил, что им дают водку. Возвратившись, говорил киргизам: «Вот это так страна! Свиньи пьют водки, сколько хотят, а потом, упившись, спят в грязи». Был там у кого-то конь, очень норовистый и злой, которого держали на цепи. Хозяин этого коня обещал ему несколько дукатов, если он на нем усидит. Киргиз без большого труда сел на коня, полетел на нем в поле и так на нем там резвился, что из страха, чтобы он коня не замучил, пришлось за ним послать, уверяя, что он вполне выиграл заклад.

Кунанбай побывал на значительной части побережья Балхаша. По его словам, в некоторых местах можно дойти до самого берега. Повсюду большой тростник, но такого толстого, как бакан, не видел. В холодное время года воду можно пить, и скот пьет ее, но в жаркие дни она совершенно не годна для питья. Вкус у нее скорее горький, чем соленый.

17 августа

С утра так холодно, что, еле согревшись чаем, в ватном халате я смог сесть за работу. После полудня пошел с ружьем, чтобы снова, как охотник, потешиться хоть видом дупелей. Нашел несколько еще ближе к нашей юрте, чем вчера, но, как и вчера, только пострасал их гулом выстрелов. Некоторое время они крутились в воздухе, но потом попадали в болотце на другой стороне ручья. Не сумев ударить по льву, — ударил по мыши: убил трех куликов

только для того, чтобы доказать окружающим меня со всех сторон киргизам, что мастерски стреляю из своего ружья, которое приводит их в удивление и вызывает крики: «Ой-бой! Апырым-ай!» И я собрал обильные аплодисменты. Один из зрителей, который, словно статуя, неподвижно сидел на своем коне, молниеносно подлетел ко мне. Угадайте зачем? А для того, чтобы предложить мне свой пшак и зарезать моих бедных куличков, давно уже мертвых. Не желая обидеть ни его, ни его Магомета, я достал из кармана (потому что у меня с собой даже сумки не было) птичек и подал их сидящему на коне киргизу. Перерезав им горлышки, он спросил меня, хорошо ли? И когда я ответил «жаксы», он вернул мне двух, а третьего оставил себе, как бы в награду за совершенную операцию. Не желая платить такой большой процент, я ему сказал, что эти «куш» предназначены для пулкундыка. При этих магических словах он сразу отдал мне пташку, и я с добычей триумфально вернулся в юрту, а так как мой пулкундык спал, то лег и я.

Умираю со смеху. Амалдык, наш импровизированный кухмистер, который сначала выдумал вместо жареной баранины какие-то галушки, сегодня выступил с пирожками начиненными мясом, и, желая нам сделать большой сюрприз, тайно взял сахар и посыпал им свое изобретение! Мясо посахарил! Что бы на это сказал парижский Вефур или даже Мазур, варшавский повар? А он так гордился своей выдумкой, будто опровергнул систему Коперника!

Вечером ходили с Виктором на самую вершину Акбас-Тау. Оттуда открывается необозримая равнина, настоящее степное море. Мы заметили внизу киргизов, стоящих на коленях в ряд и возносивших свои молитвы Аллаху. Кунанбай со своими молился отдельно и один раз, выйдя вперед, долго держал руки вытянутыми к небу. Пестрые халаты, однообразные движения всей толпы и ко всему этому тишина пустыни произвели на нас большое впечатление.

18 августа

Мы закончили работу. Под вечер киргизы начали разъезжаться во все стороны. Местность, до того времени оживленная, стала пустынной. Меня охватила такая тоска, что и об этих киргизах, которые мне так надоели, я пожалел, как о совершенно необходимых для моего существования. Все с нами простились, кроме самого султана Шалгымбая, который тоже рад бы расстаться поскорее, так как и ему срочно нужно откочевать подальше от окрестностей Акбас-Тау, дотла объединенных стадами. Он пришел к нам на чаепитие со своим младшим братом. Они являются потомками знатного рода, но небогаты. Падеж скота в 1811 году поубавил их состояние, позднее поминки по отцу и выдача двух сестер замуж еще его уменьшили. Поминки обошлись в 200 коней, каждой из сестер дали по 40 шуб, 40 ковров и 5 саукеле стоимостью в семь верблюдов. Отец Шалгымбая Биралы был сыном Тока, а тот – сыном Аблай-хана [42], после которого они даже наследовали туленгутов. В

их числе находится и старый мулла, который еще помнит хана, а к его правнуку привязан, как к собственному ребенку, он и является его главным советчиком.

Аблай смолоду назывался иначе и был членом знаменитой семьи, кочующей в Хиве. Но, выкинув там какую-то штуку, он пропал “без следа и где-то в акмолинских краях стал простым работником у какого-то богатого киргиза. Случилось так, что у того киргиза украли девушку, и, когда он ломал голову, как ее отыскать, Аблай взялся ее найти. Выбрав из стада несколько лучших коней, пустился в степь, на шестой день нагнал вора с девушкой и обоих привел к хозяину. С тех пор киргиз оказывал ему внимание, придел его, подарил ему куцую кобылу.

В это время собирался поход под водительством кипчака Срыма против дикокаменных киргизов. Аблай на своей куцей кобыле присоединился к отряду десяти воителей. Во время похода Срым приблизился к нему и сказал: «Почему ты – сын великого рода, а едешь на куцей кобыле?». «Ты ошибаешься, – отвечал Аблай, – я не сын великого рода, только простой киргиз, работник и ничего более». Долго Срым напрасно склонял его к признанию, говоря, что хорошо его знает, что у него обязательства в отношении его семьи, оставшиеся еще от отца или даже от деда, что хочет его отблагодарить и поставить на уровне, подобающем его происхождению; наконец, смягченный настояниями и просьбами,

Аблая на третий день открыл свою тайну. Тогда Срым сказал ему:

«Слушай меня, и я сделаю тебя великим человеком. Я завтра соберу военный совет, и когда я скажу свое мнение, как мы должны поступать, ты смело скажи, что мое мнение глупое, а когда я на это разгневаюсь, схватись за камчу и намерься меня ударить. Я буду убегать вокруг намета, а ты беги за мной». Так и случилось. Киргизы с удивлением вытаращили глаза, глядя, что какой-то недотепа посмел поднять руку на их вождя. Они все бросились ловить сумасшедшего. «Стойте, – кричал Срым, – это сын такого-то рода, и ничего нет удивительного в том, что он отважился так поступить». Потом киргизы уже с уважением поглядывали на рыцаря и его кущую кобылу. В тот же день, приближаясь к врагу, Срым разделил свое войско на четыре части, и одну из них, караульцев, отдал Аблаю, научивши его *sub secreto*⁹⁶, как он должен поступать во время битвы. Аблай использовал этот совет, а поскольку и сам был отважен, он хорошо показал себя и приобрел большую популярность и славу. Позднее и собственные заслуги, и значение рода подняли его до степени хана.

Многие султаны выводили свой род от Аблая, что вполне естественно, потому что, как говорит старый туленгут-мулла, он имел несколько десятков жен и ни одна не была бесплодной. Юрты, наполненные женами, стояли по десять в ряд, в первую он входил вечером, а к ранней

⁹⁶ *Sub secreto* – тайно.

молитве выходил из десятой. Назавтра по очереди – в другой десяток и так далее.

Имя Аблая в большой чести у киргизов: во время нападения на русских оно служит военным кличем, будучи заодно и воззванием к хану о помощи. Дорогу, которой он шел от Улу-Тау до Ала-Тау, почитают: она до сих пор носит название Аблайджол. У китайцев уважение к его памяти зашло так далеко, что некоторым его потомкам присылают подарки. Я слышал от наших толмачей, а им это говорил Кунанбай, что Кенесары [43], который также является потомком Аблая, снарядил в этом году из 200 киргизов посольство в Кульджу, напоминая, в силу каких-то давнишних договоров с китайским правительством, что нужно выделить ему места, занимаемые когда-то Аблай-ханом. Тамошние власти приняли его посольство хорошо, послали Кенесары богатые дары, но дело о местах предоставили решать правительству в Пекине.

19 августа

Холодным, здесь уже осенним, утром мы распрощались с Акбас-Тау. В ту самую минуту, как мы сели на коней, наши хозяева также собирались в дорогу, только в другую сторону. Госпожа султанша проводила свою кочевку на двадцати верблюдах, ее сопровождали две другие жены и несколько девушек. На первом верблюде высились фазаньи хвосты, а султанскую пику несла какая-то старая баба. Брат Шалгымбая показал мне пальцем на двух

некрасивых девушек, одну из которых называл Жаксы, а другую – Жаман.

За холмами мы поехали равниной, рысью проехали три часа и наконец спустились в широкую долину, перерезанную неглубокой речкой, вдоль которой стояли аулы тарактинцев.

В дороге толмачи рассказывали мне о Джанаке, прославленном в этом краю сказочнике и певце, который недавно умер. За свои рассказы и песни он порой получал до ямбу и по несколько верблюдов, однако состояния не нажил, жил, как поэт: что имел, то и проживал.

Когда заговорили о Чингисхане, Измайлов сказал мне, что в верстах 40 от гор Чингис-Тау, в которых великий хан, идя в Бухару, два раза зимовал, есть место, где видны как бы следы юрт, обложенных вокруг большими каменными плитами. При более подробных расспросах оказалось, что эти плиты замыкали восьмиугольник, в котором был другой восьмиугольник из плит, так уложенных, чтобы грани плит приходились против углов первого восьмиугольника. Недалеко от этих следов находится нечто вроде военной крепости. Место это лежит между кучук и мумбетей-тобыктинцами, занимает пространство вдоль и поперек более 200 сажен и называется Канаугур, или, может быть, точнее, Караунгур, что просто означало бы пещеру, которой нет. Не тут ли был Каракорум?

Тарактинские аулы в 26 верстах от Акбас-Тау. Как только мы приблизились к ним, нас встретила, видимо, местная аристократия. Когда киргизы хотят кого-либо встретить с

почетом, то выезжают навстречу и спрашивают, позволит ли гость чествовать себя байгой? Так напуганные местные власти принимали Ассессора, но Виктор от этой помпы отказался. У тарактинцев никого из султанов нет, кроме семьи Кеске Урмака-сына; но тот, замешанный в деле о преступлении против правительства, умер в заключении. Часть его родных сидит под арестом за другие дела на каркаралинской гауптвахте, а остальные кочуют вдалеке от своей волости для того, чтобы лучше сохранить в тайне участие в баранте. Нынешний волостной старшина называется Боктабай Даир-буйятрын. Самая богатая в волости семья Тентека, так как имеет до 400 коней, остальные и сам волостной – беднота.

На всем, что нам попадалось на глаза, мы сразу заметили неприятный след беспорядка и нищеты. Волость небольшая, разбросанная, жители оборванные и грязные. Юрта [44], поставленная для нас у источника под скалистой горой, уже не белая и украшенная, а черная, тесная, с прогнившими керегами и в двух местах дырявая. Между коврами, все же брошенными под ноги, был один, исключительно красивый, несомненно плод баранты. Они удивились, когда мы приказали скатать его и вынести, чтобы не затоптать. Они не понимают такой деликатности, особенно помня Ассессора, который, как говорят толмачи, поразогнал бы их всех, если бы ему такую плохую юрту поставили. Нищета в волости давала себя чувствовать в каждой мелочи. Мы спросили, есть ли коровье молоко,

женщина ответила «жок». «А если окажется, что у тебя есть корова?» – «Пусть я буду нечистой». Кумыс и айран жидкие, «шалап», как говорит Амалдык, который вскоре отрапортовал, что к нам на кухню принесли паршивых баранов.

Тарактинцы имеют репутацию воров, и таким нам их представил сам волостной управитель Боктабай. Киргизы обычно приходят на перепись в самых худых одеждах, чтобы легче было уверить, что они бедные и скота не имеют. Но здесь – что за нищета! Когда они собрались, можно было наблюдать настоящую картину шайки барангачей. Ни в одной волости не приходило столько женщин, замещающих своих мужей. У кучук-тобыктинцев мы видели только одну, у мумбетеев – двух, здесь я насчитал десятков. Все оборванные, в лохмотьях, одна некрасивее другой. Какая же причина этого заместительства? Как полагают Виктор и толмачи, муженьки по своему делу промышляют, потому что если бы были дома, то обязательно бы приехали, если не для переписи, то для удовольствия побывать на людях, поротозейничать, поболтать, а иногда и пожить какими-нибудь остатками.

Киргизы, занимающиеся кражей лошадей, приобретают такую страсть к этому ремеслу, что часто, не имея на чем выехать в степь, одалживают коня с условием, что после возвращения дадут столько-то штук украденных. Случается, что надежда лопаается, и предприниматель, обещавший кредитору двух лошадей, приводит лишь одну. Тогда он должен и эту отдать, а за другую отработать. Украденные кони, если их

трудно спрятать, идут под нож, их прячут в казы, то есть в колбасы. Нигде не видно столько конских колбас, как у тарактинцев.

Нас уже давно стращали плохой водой, но до сих пор не можем жаловаться. У нас под боком колодец, в котором вода хороша даже для чая.

На заходе солнца мы с Виктором влезли на самую вершину скалы, находящейся возле нашей юрты. Прекрасный вид на окрестности и рассыпанные по ним аулы. Над нашими головами кружил огромный ястреб, как бы устраивая смотр долине. Вдали высятся горы Кокче-Тау и тот самый Тулпар, названный так по имени скакуна Азрет-султана, который оставил на плоской и скалистой его вершине следы своих копыт. Наш волостной старшина говорил, что этих следов, очень заметных, около сорока. Название же горе дал Аблай-хан.

Если бы сюда привести какого-нибудь европейца, особенно обладателя стада, да поставить сюда, где мы, он бы обязательно закричал: «Что за бесплодная степь! Мои лошадки тут поумирают с голоду!» А меж тем эта долина, на первый взгляд такая сухая и голая, покрыта кустиками мелкой травы, называемой битеге, которую киргизы очень ценят, а кони ее очень любят.

Закурив сигары, мы долго вспоминали о нашей юности, о родимых краях, об обычаях и удовольствиях нашей семейной жизни. Вечер был холодный, и царил такая тишина, что казалось, будто вся природа замерла... Грустно. Воспоминания быстро тускнеют без освещающего их лучика надежды.

20 августа

Около полудня пошел осмотреть окрестности над речкой. Вода там течет, наверно, только весной, а сейчас в ее ложе лишь стоят рядом маленькие озера и лужи, которые лишь кое-где соединены между собой ручейком. Птичек никаких не видел, только какая-то маленькая голубая пташка скользнула над водой и полетела в степь, и я уже не мог отыскать ее и рассмотреть получше. В аулах все без исключения юрты черные, старые, ободранные. Во многих однако, воткнута пика – доказательство рыцарства, ограничивающегося кражей какого-нибудь коня. Около одной юрты женщины ткали широкие полотна; за кроснами сидела довольно красивая девушка, наполовину раздетая и не подумавшая при моем появлении прикрыть свои прелести. Припомнились мне таитянки и жительницы всех островов Тихого океана, где прекрасный пол также живет *an naturel*⁹⁷. Хотя они вообще не имеют одежды и не знают ни кумыса, ни айрана, судя, однако, по тому, что говорит Дюмон Д'Орвилль, кажется, их быт более приятен, чем быт киргизов.

Вот уже несколько дней, как мы стали выпивать перед обедом немного водки. Когда ее небольшой запас кончился, Виктор припомнил, что у него есть бутылочка китайской, привезенной из окрестностей Чугучака; сегодня мы ее попробовали – от четверти стакана у меня закружилась голова, но на вкус хорошая.

⁹⁷ *An naturel* – здесь – в чем мать родила (франц.).

Наш кухмистер вчера заболел. Виктор дал ему рвотное, и сегодня он совершенно здоров. Мы спросили, что за причина болезни, не объелся ли чего? «Нет, – отвечал он – сердце старое». Пусть-ка попробует самый умелый доктор отгадать эту болезнь! Если бы можно было с помощью рвотного омолаживать старые сердца!

Многие из киргизов никакого представления о Чингисхане не имеют. Наш волостной, когда я его спросил, где тот умер, подумал, что я говорю о Юсуфе Чингисове, отце бывшего старшего султана, а о Чингисхане он ничего не знает. Я его спросил, знает ли он хотя бы, кто был предок Таракты, он ответил: «Там, там, там, далеко... кто его знает! Знаю только что мы – аргыны».

21 августа

Ночью был дождь с ветром, голодные псы часто заглядывали в нашу юрту; я несколько раз просыпался и всегда слышал монотонную песню пастуха.

Киргизы отсчитывают время с момента привязывания или спуска жеребят. В десять часов утра жеребенок привязывается коротко, чтобы не сосал матку, которую в это время доят; у богатых три раза доят, у бедных – пять, шесть и более раз. Каждый раз кобыла дает по хорошей чашке густого молока, доят же ее в кожаный кунек, то есть турсук с шейкой. В шесть часов или позднее, смотря по времени года, жеребенка спускают с привязи, вместе с матерью он идет пастись.

Вчера в 9 часов вечера к нам приехали будущие проводники-кереевцы: говорили, что, выехав после спуска жеребят, сделали два коча, то есть верст сорок.

Было уже 10 часов, когда мы уезжали от тарактинцев совершенно натошак, потому что они, решив, что мы выедем на рассвете, не доставили барана. Поэтому, взяв в карман один пряник, который оказался незапакованным, я предвидел грустную перспективу езды на пустой желудок через длинное пространство двух киргизских кочей. Но скверное чувство голода вскоре было вытеснено удовольствием езды на хорошем, белом, как снег, скакуне, которого я назвал белым орлом. Не могу себе объяснить, но всякий раз, когда мне случается мчаться по степи на хорошей лошади, я испытываю какую-то необъяснимую радость, приближающуюся, право же, к ощущению счастья, прихожу в прекрасное настроение, пою, сердце мое разгорается, растроганный, я вспоминаю всю мою семью, мечтаю, как во сне моей юности.

Дорога шла через солонцы, остатки бывшего когда-то озера, образовавшие рисунок всего озера с заливами, расположенными между высокими горами. Навестив возвышающиеся поодаль две могилы, въехали мы в ущелье, заросшее карагайником, терном и дикой розой. Плоды этой последней многочисленны и такого приятного вкуса, что, велев набрать их по горсти, совсем заглушили голод. И только теперь мы еле избавились от стаи псов, которая шла за нами от тарактинских аулов. Из ущелья мы вы-

ехали в долину, разрезанную речкой, которую мы видели у тарактинцев, покрытую кучками битеге и полынью с таким сильным запахом, что даже сидящим на коне казалось, что полынь у них прямо под носом. Тут несколько уток и пять дроф оживили глухую пустыню. Наконец, перейдя горы Джель-Тау, мы спустились в урочище, носящее их имя, и стали между холлами у источника Моинтысу в Кереевской волости.

Великолепная юрта, богатые ковры стоимостью по верблюду, народу – тьма. Все это произвело на нас приятное впечатление. Только донимал голод, а баранина лишь мерещилась вдалеке. И тут входит ташкентец, торгующий в степи уже лет тридцать, прибывший в здешнюю волость со своим товаром месяц тому назад, пожелавший сразу по приезде Виктора почтить его. Он вносит чайник с чаем, а в платочке урюк, кишмиш и баурсаки. Лучше придумать было невозможно! Мы набросились на эти вкусные вещи и, хвативши по глоточку китайской водочки, так хорошо заморили червячка, что могли спокойно дожидаться обеда.

Тем временем подошли верблюды. Мы расположились на несколько дней и легли было спать, но, увы! едва полчасика мы успели вздремнуть: ветер, уже бушевавший в степи, лишил нас сна. Только мы встали и начали прогуливаться по нашему обширному степному салону, как ворвался тот молодой баксы, который у Барака жаловался на то, что какой-то коллега перехватил у него одного духа. Теперь он прибежал с жалобой на несправедливость суда биев по следующему

делу: его сестра была обручена с киргизом из волости Кунанбая, она оказалась беременной, и он, как представитель семьи, поскольку отец умер, был приговорен уплатить жениху, соглашающемуся взять ее, айб, состоящий из десяти молодых коней, трех жеребят-двухлеток, одного верблюда с верблюжонком и девять различных штук одежды. Понятно, что это дело, прошедшее через киргизское правосудие, уже не попадало под юрисдикцию Виктора, что не очень понравилось брату-жалобщику, который все время повторял: «Разве я виноват, что она подружилась с каким-то толмачом?» Бедняга прав, но что мы можем сделать, если таков закон киргизского шариата? Мне говорили, что по такому закону надо было бы даже больше взять, но Кунанбай со здешним управителем полюбовно договорились и согласились на самый умеренный айб. В случае, если глава семьи не может уплатить его, все родственники невесты должны складываться.

К вечеру мы пошли посмотреть окрестности нашего аула. Небольшие холмы, ощерившиеся диким камнем, в долине, густо заросшей травой, источник. Вид грустный. Если бы не несколько аулов и не стада баранов – была бы это картина Палестины.

22 августа

На нашем чаепитии был Юсупбай, здешний волостной управитель, человек уже в годах. Вчера нас удивило, что, как обычно, на нас не напала толпа киргизов, хотя мы и видели

немало их, сидящих поблизости на холмиках. Оказалось, что Юсупбай посоветовал им не тревожить Виктора поспешными посещениями и дать ему отдохнуть с дороги. Первый пример такой снисходительности у киргизов.

Редко в какой волости находится толмач [45], что создает большое неудобство; а если в своих путешествиях он и задержится где-то подольше, то малая от этого польза киргизу, так как он (толмач) больше думает о своих барышах, взятках за кое-как написанную бумажку, порой даже против их интересов, что впрочем часто бывает вовсе не по злой воле, а только из-за недостаточного знания толмачами киргизского языка.

Был у нас сегодня обед, каким мы давно не ублажали наши желудки. Ташкентец изготовил великолепный пилав с урюком и кишмишом. Это слово «пилав», или, точнее, «пилау», как выговаривают киргизы, видимо, не повсюду известно. Когда мы попросили ташкентца, чтобы он научил нашего кухмистера способу приготовления пилава, тот поначалу не понял, о чем речь, и лишь тогда догадался, когда мы сказали «куруш», то есть рис.

Получили письма из Омска. Чудная вещь – получать письма в такой пустыне. Плохо то, что с ними пришел приказ генерала, чтобы мы уладили еще одно дело в Баян-Аульском округе, что может отнять у нас месяц времени и даст нам возможность отведать степной зимы. Покорно благодарю!

Воздух изменился, а с изменением воздуха и генеральской депешей, пронизывающей нас холодом, изменилось и наше настроение. Бедный Виктор надеялся хотя бы в конце октября обнять жену и детей, а тут это новое поручение бог весть на сколько отдалит счастливую минуту. Я хоть и не оставил в Омске ни жены, ни детей и был рад покинуть его на все лето, и то с удовольствием мечтал о возвращении, обещая себе старательно обставить мою комнатку, украсить ее вещами, напоминающими о семье и друзьях, отдохнуть от трудностей многомесячного путешествия и заняться приведением в порядок моих записок; теперь же придется думать о том, как лучше уберечься от холода и не повредить здоровью! О! Будь трижды прокляты Карбышевы со всем этим делом, которое причиняет нам столько огорчений.

У киргизов, как об этом и Левшин пишет [46], власть родителей над детьми совершенно неограниченная до совершеннолетия, но позднее отец не имеет права без извещения и согласия детей продать имущество, или отобрать уже им выделенное. Младший сын получает вдвое больше старших. Если есть три сына, тогда имущество делится на четыре части: одна для отца, остальные три для них, но только младший получает после отца наследство. Почетные знаки, как, например, награды правительства, медали и т. д., отдаются старшему для сохранения навеки в семье. Незаконные дети должны довольствоваться тем, что им отец даст при жизни. Однако в случае его неожиданной смерти

бии присуждают им часть из оставшегося после него наследства, а если нет законных детей, то получают все.

Тот же Левшин пишет, что над берегами Каракенгира был дворец одного из потомков Чингисхана [47]. Я спрашивал здешних киргизов, но они об этом ничего не знают. Только некоторые говорят, что Каракенгир будто бы в Акмолинске. На моей глупой карте степи ничего нельзя найти. Должны там быть руины, и если они есть в действительности, то самое вероятное, что над этой речкой и был этот загадочный Каракорум.

Несчастья преследуют меня: нигде не могу поймать того знаменитого баксы, который может пробивать себя насквозь длинным ножом и вылетать в воздух через верх юрты. Надеялся застать его у тарактинцев – выехал. Прибываем к кереевцам – выехал! Боюсь, чтобы так не случилось и со слепой девушкой-поэтессой, которую нам обещают у туленгутовцев. А жаль было бы, так как Хохлов мне цитировал несколько ее стихов, действительно заслуживающих внимания.

Кереевцы были когда-то одними из самых богатых, но последний падеж скота ужасно подорвал их состояние. У них нет никаких султанов. Был один, да и тот откочевал из их волости. Нам это очень наруку, мы не будем страдать от назойливости этой аристократии, которая и сидит-то у нас только затем, чтобы выпить чаю и съесть кусок баранины.

Тут, видно, в большой моде армячина, так как почти все поголовно наряжены в халаты из этой материи.

Нескольким киргизам мы заглянули под их арачкины: почти у каждого глубокий шрам на лбу, у некоторых по нескольку. Удивительное дело, как они могут выдерживать такие удары? Каждый, кого мы спрашивали о причине раны, говорил, что получил ее на память в погоне за барантачами. Ни один из них, конечно, на баранту сам не ездил?!

23 августа

Ночь была холодная, однако мы спали прекрасно. Только каскыр, подкрадывающийся к баранам, поднял большой шум, который сразу меня разбудил. Утро великолепное, кажется, обещает установиться погода.

За чаем беседовали с Виктором о способах улучшения жизни киргизов. В волостях, насчитывающих по шесть и десять тысяч жителей, нет никого, кто бы умел читать и поддерживать их отношения с Приказом. Нужно, чтобы в каждой волости был постоянный переводчик, человек порядочный, хорошо оплачиваемый, для которого нужно было бы построить домик. Обязательно нужно, чтобы каждая волость имела фельдшера, гораздо больше знающего и умеющего, чем только «пускать кровь» и «накладывать пластырь», обеспеченного аптекой и жильем на зиму. Оспа, лихорадка, горячка, непрестанно губящие народ, ширятся и развиваются сейчас без всякой помехи. Киргизы, видя

результативность лекарской помощи, понемногу начали бы избавляться от своих предубеждений, приобретать веру в медицину и отказываться от этих шарлатанов – баксы, мулл, ходжей. Простые средства много хорошего сделали бы сейчас, при этой сильной и неиспорченной натуре. Они не отказываются принимать лекарство из рук кафира, если доверяют ему. Ведь сколько раз просили его у Виктора, и мы знаем, например, что такие врачи, как Соколинский, Ежиковский, которые сумели приобрести их доверие деликатным обхождением с ними и бескорыстием, всегда имеют полным-полно больных, приходящих за советом. Их даже вызывали и возили в отдаленные места.

Принимая во внимание, что главным богатством киргизов являются табуны и отары, надо бы в каждую волость прислать по несколько экземпляров животных лучших кровей; может, оправдало бы себя разведение у них тибетского скота, особенно тонкорунных овец и коз. Для лучшего управления нужно было бы, чтобы ел билеуши или волостной управитель, управляющий таким значительным населением, имел при себе совет, который вместе с ним занимался бы делами, входящими в его компетенцию. Судопроизводство пусть так и осталось бы, как есть, в руках биев. Видно, что настоящее положение вещей им во многом не нравится, так как самые разумные говорят: «Из того, что мы здесь кочуем, не делайте вывода, что мы довольны вашим правительством и чиновниками. О! Если бы мы знали, что на свете есть где-то уголок земли,

способный обеспечить наши табуны и отары, мы бы все вас бросили, и следа бы от нас не осталось».

Эти нарекания стали уже гласом всеобщим, отражаются в народных песнях. Но и правда, что за чиновники тут бывали! Настоящие грабители, барантачи! Много дел проходило через мои руки, я мог убедиться в том, что они тут вытворяли! Как мое сердце болело, когда я слушал рассказы о том, как проводились первые переписи, которые по-киргизски называются «сан», что также означает «кусочек мяса». Почти каждый из этих проконсулов считал порученное ему дело только средством приобретения себе состояния. Прилетал, окруженный казаками, повергал в страх все окрестности и не брезговал никакими способами вымогательства. По его приказу табуны и отары стягивались в одно место, отстоящее от кочевий за 150 и больше верст. На дорогах оставались следы неожиданного похода: кобылы и коровы сбрасывали, верблюды, кони, овцы падали. Потом, при огромном сборище и давке, от недостатка корма и воды, падеж скота ежедневно увеличивался. Господин чиновник приказывал платить себе за то, что он не считалдохлых за живых. Приказывал платить за мнимое утаивание настоящего количества скота и за разные якобы милости, писал на глазах киргиза одни цифры, а потом, чтобы показать свое усердие в службе и отвести подозрение во взятках, прибыв в Приказ, подавал другие. А сколько, кроме того, стоило содержать и угощать высокого гостя! Баранов,

приведенных на кухню, браковали без конца, не потому, что один был жирнее другого, но для того, чтобы от него осталась прекрасная шкура, черная или каштановая. При всяком случае – *ultima ratio*⁹⁸ – была камча, падавшая на плечи не только простых киргизов, но и людей достойных, волостных управителей и старшин. Один из этих грозных чиновников получил даже титул «Камчамаиор» и до сих пор слывет под этим именем.

Киргизы так не привыкли к человеческому обхождению с ними, к справедливости, что, не сумев понять поступков Виктора, вчера спрашивали Амалдыка: «Скажи нам: он шутит или вправду такой к нам добрый. Это первый такой русский чиновник – не кричит, не бранится, не ставит возле своей юрты казаков с камчой, чтобы те нас отгоняли. Другие иначе поступали. Со времени, как мы родились, мы не видели, не слышали и не представляли себе такого русского чиновника».

Из Караул-Камбаровской волости прибыл к нам Джапалак, некогда знаменитый батыр, человек уже в летах. Лицо патриарха, глаза прямо огненные, изумительная белая борода. Он вошел в нашу юрту, когда мы отдыхали и, видимо, обманутый видом ковра, развешанного над моей кроватью для предохранения от сквозняка, принял меня за Виктора. А тот сказал мне, чтобы я какое-то время не исправлял его ошибку. Поэтому я спросил его: «Что там у вас

⁹⁸ *Ultima ratio* – последний решительный довод (лат.).

говорят обо мне?» — «О тебе, — отвечает, — говорят хорошо, но Ассессор — тот нам душу вытянул».

Я все более убеждаюсь в том, что у киргизов большие умственные способности. Что за легкость речи! Как умеет каждый объяснить свое дело и мастерски отбивать доводы противника! Даже у детей разум развивается очень быстро. Сегодня, когда я был занят работой, один мальчонка, сын здешнего богатея, все время сидел около меня и заглядывал в книгу. Мне было любопытно, чем все это кончится. Наконец он попросил у меня перо и написал что-то по-татарски для доказательства, что и он умеет писать. Он был очень счастлив моей похвалой его мастерства, да нажил я себе беду: с тех пор он еще сильнее стал опираться о мою кровать, толкая меня под локоть и, как лис в курятник, совать свой монгольский носик в мое писание. Узнал от него, что на днях он приведет себе жену. Что же было поделывать с таким ученым и женатым мальчиком, пользующимся всеми правами избалованного ребенка? Избавился от него одним пистолетом. Он не столько испугался выстрела, как поразился, когда я сказал, что это яд: он побледнел, и ему стало плохо.

У киргизов бывают иногда удивительные имена, или, точнее, прозвища. То мы встретили Полковника, а сегодня перед нами Капитан, другой Ясак, третий Пан. Когда пришла очередь проводить перепись в ауле некоего Чурчута, старика богача, который в смертельной вражде с волостным управителем, почти все его подчиненные высказались против него, потому

что он их притесняет и что его семья хоть и богаче других, но не хочет выполнять никаких повинностей. Чурчут (что означает китаец) тоже не жалел упреков и просил переселить его в другую волость. Когда Виктор удовлетворил обе стороны, перенеся вельможного Чурчута в волость старшего султана, раздался громкий благодарный «кулдук» за этот справедливый приговор. А бывшие подчиненные Чурчута обратились с просьбой к другому старшине, по имени Пан, чтобы принял их под свое покровительство. Этот господин Пан, видимо, у них очень популярен, так как, когда он согласился исполнить их просьбы, они выказали живую радость и благодарили его, снимая не только шапки, но и арачкины.

После обеда приехали туленгутовцы узнать, когда будем у них. После обычных приветствий здешний ел билеуши так рекомендовал им Виктора: «Давно уже состоим под властью Паши, но до сего времени мы не видели от него человека — все, которых он нам до сих пор присылал, — не были людьми». Виктор на это ему: «Теперь меня в глаза хвалите, а потом, может, то же самое скажете, что об Ассессоре». «О, не бойся. Ассессор из нас душу вытянул, а ты у нас третий день и разве причинил кому-нибудь обиду? Говоришь с нами, смеешься, шутишь, словно наш земляк. Народ около твоей юрты кричит, ссорится, может, тебе спать не дает, а ты не велишь казакам разгонять их камчой. Со времени, как мы вошли под власть России, не одна уже минула весна, не одно лето, не одна

осень и зима, но такого приятного, хорошего и спокойного лета у нас еще не было. Ты наше ясное солнце. Ты нам приказал перекочевать поближе к тарактинцам; мы твоего приказа не выполнили, потому что там не было воды, мы боялись твоего гнева, а ты, вникнув после приезда в дело, нам и слова плохого не сказал. Как же нам тебя не хвалить! Когда мы над Лепсой были, кто нам был отцом и матерью, если не ты? Мы там были у своих, а они нас не кормили и не поили, а твоя юрта была для нас открыта: был в ней для нас и кумыс, и чай, и пристанище».

Ходили мы на прогулку и навестили кочующий магазин ташкентца. У него, кроме циновок, ничего нет. Возит с собой джоломей или кош. Какая-то дама из любопытства посмотреть на нас под видом покупки пришла в кош. С нею были две ее сестры. Одна подросток, другая дитя с прекрасными глазами. Когда мы угощали их урюком, дама приняла смело, а старшая из девчонок в рубашке и с несколькими туго заплетенными косичками, закрыв лицо рукой и отворачивая голову, вытянула другую ручку. При расставании дама пожала Виктору руку в доказательство своего удовольствия, а может, и готовности понравиться своими прелестями, которые вполне *passables*⁹⁹.

Для киргизов большой стыд, если кто оставляет их волость и переезжает в другую, потому что это знак того, что жить вместе с ними не может. Юсупбай и некоторые другие из известных кереевцев просили поэтому приехавших

⁹⁹ *Passables* — приемлемы (франц.).

туленгутовцев, чтобы поехали к Чурчуту и постарались отговорить его от переселения, хотя этот человек для них обременительный. Туленгутовцы сделали все, чему обязывал их обычай, но Чурчут не дал себя уговорить.

24 августа

Приготовление пищи — дело не женское, а если и удостоится женщина иногда этой чести, то берется за дело с большой боязнью, потому что, если в чем не угодит мужу, заработает камчой. Их обязанность — разложить огонь, вычистить казан и приготовить мясо. Потом мужчины сами готовят; а изготавив, садятся вокруг миски, а бедным женщинам достаются одни косточки, да и то одной только байбише. И все же они жалостливее мужчин. Пленные, которые бывали в неволе у киргизов, рассказывали Виктору, что, лежа связанными, не могли допроситься у мужчин куска курта или капли воды, а женщины украдкой давали им есть и пить, вставали ночью, чтобы мужа не видели, и приносили им кумыс.

Женщина, если кто-либо достойный уважения находится в юрте, должна сидеть и, опершись локтем на правое приподнятое колено, касаться рукой головы. Таким же касанием рукой головы она должна приветствовать всякого — и высшего, и старшего, когда встретит, ведя верблюда или едучи на коне.

Мы приобрели пса, по имени Килякой. Имена у псов бывают: Мойнак, Акмойнак, Чулак, Акчулак, Карачулак, Каскабас, Джетыкуян. Ел

билеуши, видя, что мы кормим нашего Килякоя, сказал:

«Не давайте ему много есть, а то завтра есть не будет». Так они заботятся об умеренности собачьего аппетита, но свой совсем не умеряют. Вчера начали свой пост – уразу. Целый день не едят и даже не пьют кумыса, но ночью себя вознаграждают. Был у нас сегодня некий ходжа. Когда Виктор пригласил его к баранине, тот отвечал: «Я уже замкнул уста мои». Но не все в один день делают это замыкание: самые религиозные уже позавчера не ели; другие еще и сегодня уста не замкнули, особенно те, которые не хотят утратить мастерства поедания барана и питья чая у нас.

Погода изменчивая, дождь бывает по нескольку раз в день, ветрено и холодно. Мы закончили работу. Завтра отсюда едем к туленгутовцам.

25 августа

После проливного ночного дождя с утра распогодилось. Выехали в половине восьмого. Время было прекрасное, только размокшая земля портила удовольствие от путешествия. Конь мой, хотя и иноходец несравненного совершенства, часто спотыкался и раз даже, когда шел с горы, упал на колени и чуть меня не сбросил. Ехали мы очень быстро, пролетели по генеральской дороге, ведущей из Каркаралов в Аягуз, на которой стояли прежние пикеты, миновали гористые окрестности и спустя четыре часа приехали к туленгутовцам в урочище, называемое Коксай или Узун. Принял нас их ел

билеуши Худайменды, султан, который уже в степи, при упоминании об Асессоре, крикнул: «Чтоб он провалился за тридевять земель!».

Я давно уже слышал, что в здешней волости находится слепая девушка-импровизатор. Мы прежде всего полюбопытствовали, нельзя ли с ней познакомиться, и господин султан сразу же привез ее к нам. Ее имя Джазык, слепая от рождения, считает, что ей 20 лет, хотя она выглядит старше, и наверно, в действительности ей 29 лет. Лицо довольно привлекательное, немного тронутое оспой, нарумяненное. Попросив кумыса, она начала свое пение так: «Вызванная Бюлеком (полковником), пришла с радостью, чтобы воспеть его времена, благие для нас, не такие, как при Асессоре, которого проклинаяю трижды. Что только знаю, все спою, но прошу о снисхождении, потому что, пришедши на свет темной и не имея за 20 лет облегчения в моем несчастье, я не могу петь, как другие. Если бы не эта божья кара, была бы не хуже, чем другие...»

Мы попросили ее, чтобы она нам спела «Ала-Тау денсу», песнь, в которой рассказывается о временном пребывании ее рода в горах Ала-Тау. Вот что она спела:

«Издавна занимали мы здешние земли, лучшие земли на свете, потому что нигде нет такого воздуха, такой воды, таких пастбищ, как в нашем Каркаралинском краю, нигде нет таких конских табунов, коров и баранов, таких керкей (коз) тонкошерстных, такого кумыса.

Жили мы свободно, спокойно, ни от кого не зависящие, под управлением наших собствен-

ных биев. Но нас начали угнетать султаны, эти каскыры (волки) ели нас, накладывая все большие подати... Чон не позволял им угнетать бедный народ, даже выгнал было их с Баян-Аульской земли. Но Чон умер, а султаны, желая нас обобрать и надеясь легче нас согнуть, начали сговариваться с урусами и, ослепленные блеском их золота, продали нас, невинных.

Урусы построили себе город в Каркаралинских горах, отобрали у нас все лучшие места для своих пикетов, поставили в них людей злых, чтобы держать нас в повиновении. Наши верблюды должны были волочить сосновые балки для построек. Чтобы обложить ясаком, считали наших коней, скот и баранов. Где висел конский хвост – записали коня, на ком увидели лохмотья кожуха, не хотели тому верить, что не укрывает овец. А Джамантай, этот несытый богатствами корыстолюбец, еще помогал угнетать нас...

Задетые за живое таким притеснением, мы не смогли выдержать на нашей любимой земле. Медленно-медленно отдалялись мы от нее, и дорогой, залитой слезами, ушли прямо в Ала-Тау, в печальную страну нашего изгнания, ибо там все иначе: и воздух туманный, и горы такие высокие и крутые, что часто с них люди и кони падают в пропасть. И воды сумасшедшие, и злое насекомое бийю (тарантул), который, если укусит, человек верещит, как верблюд, и кумыс плохой, и корм плохой, и хуже всего – хищный сосед Садыр-Матай, который нам каждый день докучал.

Жили мы там, но все время вздыхали и тосковали по нашей земле каркаралинской. Тоска по ней принудила нас возвратиться, потому что нигде нет такого воздуха, такой воды, таких пастбищ» и т. д.

*Dulcis humus patriae!*¹⁰⁰

Смела наша поэтесса. На все отвечала разумно, с приятной улыбкой! Когда мы спросили, кто ее петь научил, сказала: «Бог меня обидел, но он дал мне дух; он вознаграждает меня за то, что я калека; пою, вдохновленная им». Пила с нами чай, это ей было дозволено, как несчастной, в то время как никто, даже султан, не смел нарушить пост и коснуться поданной чашки. После чая снова пела:

«Я слепая, обиженная, судьбой моей измученная, прихожу перед лицо великой особы и не могу видеть его блеска. Не могу видеть твоего светлого лица, Бюлеке! Потому что бог не дал мне очей; но у меня есть слух и чувство. Я слышу голос народа, что ты великий, разумный, справедливый, милостивый, опекун бедных и притесняемых. Смело приближаюсь к тебе, вхожу в твою юрту, как перо в чернильницу, сажусь около тебя, потому что ты между урусами несравнимый. Прибыл переписывать наш народ и считать наш скот. Ты приехал, а тебе навстречу вышли все: старики, женщины и дети.

Не так было, когда приезжал трижды проклятый Ассессор: все от него скрывались и убегали. Он приносил нам горе и слезы. Ты приносишь веселье и радость. Справедливый человек, пос-

¹⁰⁰ *Dulcis humus patriae* – здесь – сладок дым отечества (лат.).

тупай с нами так, как поступал с другими. Голос народа дойдет до слуха бога. Бог тебя на этой земле осчастливит детьми, состоянием, а на том свете приготовит тебе большую великолепную комнату для твоего отдыха. У меня нет глаз, не вижу божьего света, но сердцем вымолю для тебя благословение божье. Ассессор проклят всем народом, не будет у него спокойного сна, удачной дороги, слезы наши потекут за ним повсюду, высохнет он и сгинет; ты, благословенный всем народом, счастливо закончишь свое путешествие, вернешься к жене, обнимешь деток своих. О Бюлеке! Будь здоров и пусть все так будет, как ты желаешь!»

На вопрос, не споет ли она нам о Кенесары, отвечала, что еще не сложила о нем ни одной песни. Но кажется, она солгала, так как было ясно, что киргизские старшины предостерегают ее тихонько, чтобы она не очень-то распространялась со всеми своими песнями, касающимися русских, особенно когда заметили, что строфы о Джамантае мы начали записывать. Даже вызвали ее из юрты и что-то ей там говорили.

Обрадованная нашим гостеприимством и награжденная, она на прощание, выходя, еще импровизировала. Нас также немало заинтересовал ее талант. Все ее песни-импровизации рифмованные. Видна большая легкость владения языком, а в голосе слышится какая-то чудесная чувствительность, свойственная только женщине. Я слушал ее с волнением, какого не испытывал бы при пении самой знаменитой примадонны. Разгневался на мое незнание кир-

гизского языка, тем более, что наши толмачи не в состоянии понять и перевести прекрасные поэтические выражения. Им песни Джазык даже, кажутся запутанными и неясными. Но чего можно ждать от людей, которые никогда не читают! Но и они, однако, признают, что она выражает свои мысли очень сильно, с чувством, особенно потому, что в рифмах.

Султаны сразу оправдали ту характеристику, какую дала им поэзия: как только начали переписать, они за обязательство с нашей стороны записать за ними столько скота, сколько они сами скажут, обещали строго следить за правильностью записи у остальных. Просили только, чтобы остальные киргизы не слышали, какие цифры они называют! Что же удивительного, что народ их так не любит, если эти аристократы всегда и всюду заботятся только о себе.

Наконец-то мы отыскивали баксы, и именно здесь! Поздно вечером послали за ним, и вскоре он явился со своим кобызом. Когда он настраивал свой инструмент, а стоящие вокруг киргизы хвалили его мастерство, он сказал: «Не хвалите меня, а то шайтан не придет». Виктор сказал ему, чтобы «побаксил», как и когда мы закончим путешествие. Он начал пиликать и в долгом, все более громком и быстром пении, так что я не мог понять, как у него так быстро язык вертелся, вызывал разных богов, святых и ангелов, между которыми были Израэль и Гавриил. При пении он двигал плечами, отставляя от себя кобыз, украшенный побрякушками, и, наконец, ударив себя, словно ножом, по животу,

повернулся несколько раз по юрте и сказал, что все пойдет как нельзя лучше и через четыре дня мы получим приказ поскорее кончить работу.

Потом мы просили его, чтобы он нам показал какое-нибудь чудо, например, вылетел бы через чанырак. На это он покрутил головой и отвечал «жок», то есть что он этого не умеет, но добавил: «Дайте мне сто ножей (будучи уверен, что у нас столько не найдется), я ими поиграю.» Мы скоренько собрали четыре ножа, которые он положил себе на плечи, приказал обмотать поясом и так, будучи как спеленатый, катался по юрте, а потом, достав из-под обвязки ножи, воткнул себе в тело так безвредно, что ни одна капля крови не пролилась. Видя, что он партач, я пошел спать, но образ этого шарлатана в красной шапке и с козьей бородкой, его дикая музыка и дьявольское пение, юрта, освещенная тусклым пламенем свечи, вся эта адская картина снилась мне всю ночь и мучила, как горячечный бред.

26 августа

Встал в 7 часов с головной болью. День прекрасный. Наши окрестности – огромная равнина, заросшая высокими выюнками и мелкой травой. Кое-где в низинках вода, но нехорошая. Вся эта равнина была дном озера, потому что и наносы явно глинистые. В нескольких местах горизонт закрывают горки, из которых самая большая называется Темирчи, что значит «железная», хотя это выражение дословно означает «кузнец». На ее скалистых, остро ошетилившихся вершинах живут архары. Первый раз увидел тут у тулен-

гутовцев ложки из распаренного рога архара, употребляемые для наливания кумыса из больших деревянных чаш в малые. В этих краях уже можно увидеть куланов, или диких киргизских коней. Киргизы очень ценят их шкуры, много их вывозят в Ташкент, где за них хорошо платят. У себя из них делают сабы, саквояжи и разные вещи, а именно: делают свои сапоги из шагрени зеленого цвета, который получается, если размяченную шкуру посыпать просом и притискивать тяжестью. Молодой кулан, как только народится, уже способен бежать за маткой. Пойманный и приведенный под домашнюю кобылу, хотя и сосет ее и она его принимает за своего ребенка, пасется, однако, вдали от других и, как только подрастает, удирает в степь на свободу. Домашний конь, заблудившийся и попавший к куланам, дичает. Они же охотно дают ему право гражданства, а если даже у него на ногах путы, то их разгрызают. Табуны куланов насчитывают порой тысячи голов. Где есть посева, там они наносят большой ущерб, у туленгутовцев этим летом поели пшеницу.

Один старшина рассказывал, что Ассессор развлекался здесь девятнадцать дней и за это время съел 150 баранов. При этом совершал неслыханные поступки. Когда уезжал, его – хочешь не хочешь – со страху провожали. Он сказал на прощание: «Ну, вы должны быть довольны мной, я вам ничего плохого не сделал, и надеюсь, вы посчитали за счастье, что я у вас так долго гостил?» Киргизы, отважившись, отвечали ему: «Что же ты хочешь, чтобы мы тебе

в глаза правду говорили? Вот когда ты уедешь, будь уверен, что наши обиды останутся у нас в памяти и твои следы мы проклянем». Он замолчал и полетел вскачь.

27 августа

Вчера, не дождавшись почты, для встречи которой мы выходили за две версты, легли спать в 9 часов и, не говоря ни слова друг другу, уснули, грустные. Сегодня получили утешительную весть, что почта уже прошла через Каркаралы, и потому, может быть, еще до ночи кереевцы отправят сюда то, что нам везут.

Получаем жалобы на Чурчута, который, уезжая от кереевцев, наскандалил: у тех, что с ним идти не хотели, отобрал верблюдов, а когда один из них пошел к нему за своим верблюдом, приказал его связать, как вора, ударил даже лошадь Юсупбая, когда тот поехал его уговаривать, чтобы опомнился и не обижал невинных. Эти степные богачи, уверенные в своем положении, обходятся с бедными, как хотят.

Какой-то молодой пастух пришел жаловаться на своего хозяина, что тот отрезал ему кончик уха и поранил лоб. Он не верит в справедливость киргизских властей и говорит, что они сейчас обещают помнить о нанесенной ему обиде лишь потому, что здесь мы, а после нашего отъезда они еще отомстят ему за эту жалобу. К ушам, они, видимо, имеют особую склонность: уши часто фигурируют в делах, которые мы рассматривали. Виктор рассказал, что однажды, когда он еще ездил с Мансуровым, привели

в лагерь несколько пойманных киргизов из передовых разъездов. Окружили их вместе с генералом и его штабом, чтобы присмотреться к ним, и киргизы, находившиеся при русских как проводники. Неожиданно один из проводников вытаскивает ножик, бросается на одного из пленных и, отрезав ему ухо, начинает его грызть зубами. Удивленный генерал приказал схватить его и спросил: что это значит? «О! – со страшным ругательством закричал киргиз. – Это вор, он тогда-то и тогда-то украл у меня десять коней, я его сразу узнал». Спрятал ухо в калту и отошел, довольный.

В полдень было тепло и даже жарко, а вечером пронизывающий холод. Уже ночь. Почты нет как нет, а утром, на рассвете, надо отсюда уезжать.

28 августа

Ночь была невероятно холодная, утро не лучше. Ненастный ветер бушевал в открытой степи, расцвеченной лишь аулами туленгутовцев. Не дождавшись почты, мы готовились к отъезду в кислом настроении. Стояли уже с камчами в руках, грустно поглядывая на снежные тучи, окутывающие скалистую Темирчу, когда киргиз, прибывший из Каркаралов на двух конях, принес несколько правительственных приказов и пачку писем, в числе которых я нашел два письма для меня от семьи, хотя и давней даты, написанные еще в мае и июне. Сразу стало теплее у меня на сердце и показалось, что горизонт прояснился. Прочитав их, я сел с Виктором в

арбу, чтобы поговорить об их содержании и привыкнуть немного к холоду. После часа езды на колесах я приказал подать себе приготовленного для меня коня, которым на сей раз оказался серый с белыми полосами иноходец. Никогда не ехали мы так быстро. Сперва мне было холодно, но потом почти жарко, как, вероятно, и моему коню, потому что приходилось частенько понукать его камчой, чтобы не оставался позади пятерки, сломя шею несущей арбу, особенно когда мы выехали на генеральскую дорогу. Все расстояние – более сорока верст, – которое мы пролетели, проходило между горами, довольно высокими, которые называются Кичубай. Множество их вершин, почти остроконечных, укрывалось в тучах, угрожавших каждую минуту дождем. Однако ни капли не упало, и мы счастливо прибыли в долину, пересекаемую речкой Карангап, которая сейчас совершенно суха. Как множество речек у киргизов, она в разных местах называется по-разному: у истока – Кушмурун, в среднем течении – Карангап, а дальше – Актайлак (молодой верблюжонок) – от имени горы, высящейся над ее ложем. Именно под этой горой мы встретили первые отары баранов надан-тобыктинцев, а за нею, на всем протяжении долины, втискивающейся между цепями гор, показались вдоль речки аулы, окруженные табунами коней и верблюдов, коров почти не было видно. Кое-где могилы со своими угловыми возвышениями. Ни одна волость не показалась мне такой красивой, как эта: если бы еще было солнце над острыми вершинами скал,

я бы подумал, что нахожусь в Аравии и вижу перед собой наметы бедуинов.

В четверть второго остановились у порога юрты, поставленной для нас рядом с горами Кичубай, дающих название этому месту. Нас приветствовал бий Сармантай, который недавно стал волостным после отставленного султана Акана. Отсюда у надан-табыктинцев две партии, но султанская очень слабая. Сармантай – человек со значительным взглядом, приятного облика и, в общем, не глупый. Хотя юрта и мала, но зато так обвешана и застлана коврами, что припомнились мне школьные времена, когда мы, бывало, украшали класс ко дню именин какого-нибудь из наших профессоров-доминиканцев.

Только два часа спустя после нашего приезда прибыл наш обоз, то есть верблюды и Килякой. А *rgoros*¹⁰¹, о верблюдах, я припомнил, что зимой с ними большие хлопоты. Их нужно не только обряжать в ходаки и прямо целиком обшивать, но когда придут в караване на ночлег, для каждого надо разгрести снег до самой земли и подложить кошму. Кормление также требует большой осторожности: обычно делают шарики из муки с солью, таких три или четыре дают утром, травой же можно кормить только тогда, когда караван остановился на длительную стоянку или дневку.

Вечером ел билеуши и старшины просили аудиенции. Они говорили, что не доверяют Акану и подозревают его, так как он уговаривал их от-

¹⁰¹ А *rgoros* – кстати (франц.).

кочевать подальше, чтобы выдать их Кенесары, потому и отстранили его от должности.

Туленгутовцы, надан-тобыктинцы, алтыке-сарымовцы, карсон-кереевцы и кунайчитагаевцы самый большой доход имеют от лис, которых тут множество. Ловят их в железо и разные капканы, травят борзыми и соколами, догоняя на лошадях. Борзых имеют отличных, а соколов очень ценят: за хорошего беркута дают верблюда и больше. Каждая юрта в год добывает около ста лисьих шкурок, которые продают по три, пять, а порой и пятьдесят рублей. За последние два года лис было немного, в этом же году их ожидают множество, потому что появилось несметное количество мышей, за которыми, как за своей пищей, появляются и лисы. Надан-тобыктинцы занимаются также ловлей и охотой на куланов.

29 августа

Пусть извинит меня панна Джазык, но ее хваленый климат ужасен. Позавчера и в летних халатах было чересчур жарко, вчера же должен был 40 верст вскачь лететь, чтобы не замерзнуть на лошади. Этой ночью в самой удобной юрте, какую только можно найти в степи, мы долго стучали зубами, прежде чем сон смежил нам веки, а толмачи наши и вовсе не могли заснуть от холода, хотя и разложили костер. Сегодня в 9 часов утра вода в корытах, где поят лошадей, стояла еще замерзшая. Около полудня солнце немножко пригрело, но ветер был по-прежнему холодный. Теснота от набившихся в юрту

киргизов, ранее непереносимая, стала просто необходимой, так как давала тепло, иначе трудно было бы обойтись без огня. Под вечер мы ходили на прогулку и видели в русле речки вырытые искателями золота ямы. Холод не дал возможности долго восхищаться природой.

Когда писал Януарию, должен был снова защищать репутацию киргизов. Моя дорогая мама ежедневно возносит богу молитвы, чтобы меня здесь не съели живьем, как это часто делают островитяне на Тихом океане, которые безмерно любят бифштекс из мяса европейцев. И все же, хотя я и благодарен ей за такую материнскую заботливость, смело могу поручиться, что моя жизнь в здешних степях совершенно безопасна, особенно со стороны киргизов, как и всякого другого, самого цивилизованного народа. И даже откровенно сказать, я с большим опасением ходил по улицам Неаполя, чем по здешним пустыням. Со времени нашего отъезда из Омска мы не замечали ни малейшей опасности. Отдалившись от китайских границ, где кочуют независимые племена, мы не имеем более четырех казаков в эскорте, да и присутствие их необходимо лишь для посылок с приказаниями, чем для охраны наших особ. Сначала мои пистолеты и двустволка всегда были заряжены и находились под руками, а теперь первые лежат в саквояже, чтобы не заржавели, а вторая почивает себе в футляре. Около нашей юрты никогда нет стражи, кроме голодных псов, никто в нее ночью не заглядывает. На протяжении стольких месяцев у нас ничего не пропало – ни на грош. Словом,

несмотря на свои недостатки, происходящие частью от недостатка просвещения, частью от религии, засоренной предрассудками и суевериями, этот народ нисколько не хуже, чем любой другой. Наши низшие классы в сравнении с киргизами выглядели бы гораздо хуже.

Писал Михалу и, чтобы отогреться, натер уши моим тобольским друзьям.

КИЧУБАЙ, 29 августа.

ПИСЬМО МИХАЛУ В ТОБОЛЬСК.

XIX

Посылаю вам любопытную импровизацию киргизской девушки Джазык. Посылаю ее, чтобы вы имели представление о том, что такое киргизская поэзия и что значит Виктор в степи. Столицу Чингисхана открыл в нынешнем Караунгуре. Доведу до сведения ученого мира статьей на 20 листах, что Каракорум господ Рубругиза и Плано Карпини – то же самое, что Караунгур. Ваше молчание меня не только не удивляет, но и восхищает! За все мои признания в чувствах горячей привязанности, за все доказательства моей памяти о вас в горах Ала-Тау, Тарбагатайских, Чингистауских, Акбастауских, за все мои письма и вопли с Ой-Джайлау, Коксу, Курдын-бойы, Моинтысу и т. д. от тебя только две фразы, от Антона – одна, от Онуфрия – ни одной. Действительно, таким молчанием – немым, глухим, глупым – только дикие скалы св. Елены могли отвечать Наполеону или Мицкевичу замерзшая вершина Чатырдага, когда один рассказывал первым о своем минувшем

величии, бросая им в глаза бессмертные имена Маренго, Абукира, Ваграма, Иены... А другой посвящал последнему свой несравненный сонет. Ну и молчите, словно скалы и льды! Замолкаю и я, никогда больше вы не услышите моего голоса. Не стану будить вас от могильного сна ни письмами, ни лично. Проникнутый симпатией к вам, хотел я в рождественские праздники прилететь в Тобольск, ибо что значит проехать в крытых санях какую-нибудь тысячу верст для друзей, если я могу скакать на коне столько тысяч верст только для того, чтобы обжечь себе лицо в огне 50-градусной жары, проветрить тело на холодном ветру пустыни или отморозить кусочек носа, подвергая его стуже киргизской зимы. Но теперь, испытав чувствительность вашей неорганической природы, глупцом не буду! Возвращусь в Омск и буду сидеть в нем, как мотылек, «когда утонет в бурьяне». Никакие ваши просьбы и угрозы не вызовут меня из моего укрытия. В тишине моей комнатки буду писать историю нашей поездки и, как узник Великой Британии забыл о Европе, так и я забуду о вас. Dixi¹⁰².

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ

30 августа

Встав в 9 часов, с удовольствием увидели мы солнце, своими теплыми лучами освещающее наши аравийские романтические окрестности, хотя они все искрились от инея. Но вскоре

¹⁰² Dixi – я сказал, я кончил (лат.).

снова засвистел холодный ветер, да так, что затряслись бока юрты. Прежде чем мы взялись за работу, опять распогодилось и стало теплее. Виктор с радости угостил меня двумя сигарами «регалия», присланными женой. Глотнули разок разведенного спирта, и были в хорошем настроении.

Во время переписи, когда речь зашла о количестве скота, записанного *in plus*¹⁰³ одному старшине, и Виктор объяснил, что в этом случае он поверит слову Сармантая, отовсюду поднялся крик: «Кулдук! Барекельде!» Ах, это чудная вещь – любовь народа. С этой поры никто не смел солгать. Я никогда не забуду этой минуты.

После полудня, когда Виктор заснул, я вышел с сигарой в зубах, чтобы погреться на солнце, так как в юрте, особенно при спущенном тундуке, гораздо холоднее, чем во дворе. Сидя себе заслоненный от ветра юртой, с удовольствием вбирал в свое тело теплые лучи и, глядя на киргизов, уезжающих в разные стороны, позавидовал тому, как легко они переносят все перемены погоды, что нам, воспитанным в старательно отапливаемых комнатах, очень трудно. Частенько даже и при сильной воле и мощи духа невозможно, чтобы не поплатиться здоровьем. Киргизам нынешний холод нипочем, едут себе в своих летних халатах, когда мы вынуждены были достать из саквояжей наши кафтаны, пледы, шубы – словом, весь противоморозный арсенал. Размышляя об этом, я решил с первой

¹⁰³ *In plus* – больше (чем надо), сверх (франц.).

почтой написать брату, чтобы своих густавчиков и витольдииков воспитывал по-киргизски. Ибо, кто знает, какая их ждет будущность; а если неожиданная судьба закинет их так, как дядю, в сибирские или киргизские пустыни, тогда они смогут без серьезных последствий выставлять свои носы против ветров и морозов.

31 августа

В час пополудни мы выехали от надан-тобыктинцев. Большие были хлопоты с лошадьми. Казаки должны были им уши кусать, прежде чем сумели усмирить. Ржали, фыркали, визжали, а как только запрягли – рванули с места. Нужна была вся отвага и мастерство казаков, чтобы с ними справиться. Не обошлось, однако, без оборванных постромок, а один конь перегрыз свою узду. Мой рысак, с очень жесткой шерстью, услышав крик и шум, наострил уши и тоже хотел лететь в степь; долго я хороводился с ним, прежде чем склонил его к умеренной рыси. Но, сдерживаемый на бегу, он спотыкался каждую минуту о камни, и я несколько раз чуть не перелетел через его голову. Ужасно натрудил руки, но сменить коня не хотел, потому что он легок на ходу, а еще и немножко из-за ложного стыда.

Нас сопровождал многочисленный отряд тобыктинцев. Сармантай спрашивал, не хотим ли мы взять в дорогу кумыса. «Прикажу, – говорил он, – положить несколько саб на верблюдов и дать хоть десяток баранов, вы у нас столько не съели, сколько ваш предшественник».

Миновав давнишний пикет, от которого остались только столбы да часть домишка, мы выехали на дорогу, ведущую в Каркаралы между горами по широкому ущелью. Через несколько часов взяли влево и все время находились среди каменистых гор. На ночлег остановились у одного из многочисленных источников, хотя и проехали всего лишь верст сорок, потому что толмачи предупредили, что мы находимся в несколько опасных местах, и мы не хотели оставлять наших верблюдов далеко за нами.

1 сентября

Ночь была теплая, и мы спокойно спали под шатрами, не потревоженные ни криком верблюдов, ни ржанием коня. Встав с восходом солнца, после чая двинулись дальше. С места нашего ночлега была видна гора Каркаралы, а за нею сразу и Приказ Каркаралинского округа, отсюда не далее сорока верст. Над одной из речек, составляющих реку Джарлы, мы сделали привал. В этот день мы 12 часов были в пути, сделав верхом, пожалуй, верст 110. В арбе раз 10 меняли коней, и все они очень уставали. Даже не знаю, как бы мы доехали, если бы сарымовцы не выслали навстречу свежие подставы, потому что горы и горы беспрерывно, а повсюду, словно нарочно, рассыпаны камни с острыми краями. Трудно понять, как выдержали колеса. В некоторых местах дорога шла таким тесным и забитым камнями ущельем, что приходилось на руках и арканах поднимать вверх арбу и по хребту горы объезжать этот узкий проход. Спускаться с гор еще хуже и опаснее, особенно

когда в упряжке пять безумцев. Один раз они понесли с большой вершины и не обошлось бы без несчастного случая, если бы казак не врезался своим конем промежду запряжки и не хватил коренного камчой по лбу так ловко, что все удержалось на середине склона.

Места, которые мы проехали, очень живописны. Повсюду самые разнообразные скалы, много киргизских и калмыцких каменных могил с изображением уже стершихся лиц; чистая и свежая вода, не хватает только лесу, маловато видели ракит и берез за вторую половину дороги. В долинах земля изрыта кротоми, мышами и лисами, кони часто попадали в кротовьи и иные норы. В горах нам удавалось видеть архаров, которые мгновенно, словно молнии, исчезали из наших глаз. Их рогами завалены места, где раньше были аулы. В нескольких шагах от меня прошмыгнул молодой волчонок, киргиз метнулся за ним, но когда конь попал в яму, он слетел с него и отлетел на сажень. На этом и кончилась погоня. Вдали мы видели горы Кызыл-Рай, тянущиеся верст на 40, покрытые сосновым лесом, в котором много архаров, маралов и всякого зверья «коп-коп». Видели также гору Берик-Кара, где прекрасная оловянная руда: ее добывает Попов и возит перетапливать на свою фабрику в Ку.

Конь мой вытворял чудеса: еле отдохнув три четверти часа на привале, он не только не устал, а последние 30 верст летел как сумасшедший. Я опередил Виктора на целый час. Он приехал на своей арбе гораздо более измученный и раз-

битый, чем я. Остановились на ночь в долине над рекой Токрау у алтыке-сарымовцев, между горами, из которых самая высокая – Кучук. Ел билеуши Джаугутты – простой, малосостоятельный киргиз.

Говорил мне толмач Измайлов, что поэтесса, которая пела в юрте, употребила выражение Каракорум, а когда ее спросили, что она под этим подразумевает, она ответила, что это означает, «место, оставшееся после сгоревшего тростника над берегами Балхаша», где туленгутовцы после ухода из Каркаралинского района кочевали у уйсунув. Точно так же называется и опаленный войлок. Тогда, может быть, Чингисхан кочевал где-то в сожженной степи или на выжженных тростниках над какой-нибудь речкой или озером? Орын, действительно, означает место.

Целый день была прекрасная погода, только с ветром, как всегда, в горах – холодным, в долинах – теплым.

2 сентября

Спали отлично. На рассвете нам показалось, поскольку мы еще не совсем проснулись, что несколько десятков звезд блестит прямо в юрте: это был свет, пробившийся через маленькие дырки в кошме, покрывавшей переднюю часть юрты, не совсем аккуратно поставленной.

Первый раз пил чай с чем-то вроде киргизской сметаны. Чистый чай мне уже так надоел, что и эта псевдосметана доставила удовольствие. С утра был у нас Джаугутты со своими старейшинами. Говорили, что ожидают старшего султана

Кушбека, но когда Виктор спросил, поставлена ли для него юрта, схватились за головы и начали крутиться. Виктор им сказал, что если затрудняются так скоро собрать ковры, то могут взять их из нашей юрты. Безмерно благодарили, выкрикивая: «О! Что это за человек – и не вымогает ничего, и на советы щедрый». Джаугутты же добавил: «О! Он другой породы, чем наши чиновники. Он Бюлек, он того самого рода, что и жена Каратохты». Это была полька, жена одного из заседателей, вроде бы Евсева.

Виктор утверждает, что простые киргизы, которые никогда никого из чужих не видели, гораздо лучше тех, которые, восприняв много чужого от соседей, отошли от своей давнишней простоты. Рассказал мне забавные вещи о двух киргизах, которые были у него в Оренбурге. Он повел их однажды на представление вольтижеров. Увидев коня, выделяющего фокусы, они кричали на голос, а когда тот упал, будто мертвый, бросились со своими ножиками, чтобы зарезать его, дабы не подыхал, как нечистый. Их от этой услуги удержали, но они потом ходили убедиться, что это действительно был конь, трогали его пальцами, мерили пятерней, а убедившись в его неоспоримой конской сути, порешили, что внутри у него – дьявол.

Множество жалоб приносят бедные киргизы на своих братьев или родственников – богатых, которые не только не оказывают им никакой помощи, но еще и притесняют как только могут.

Ассессор и тут прославился: его называют Асеке с добавлением проклятия. Чужие слова

почти всегда переиначиваются в устах киргизов: из волостного сделали «болость».

Под вечер, когда ветер утих, мы пошли на прогулку. В нескольких десятках шагов от нашей юрты мы нашли несколько каменных могил, заросших травой и почерневших от непогоды. Некоторые довольно большие; спят, наверно, в них родоначальники, но теперь их никто не навещает, кроме мышей, которые почти под каждым камнем понаделали себе норки. Вид на окрестности был великолепный. Оттуда мы спустились в долину, где стояли аулы.

Холод усилился, так что пальцы задеревенели и нельзя было в одной руке долго держать сигару. Несмотря на это, киргизки при свете месяца ткали перед своими юртами армячину из верблюжьей шерсти, другие носились с маленькими детьми по подворью. Эти карапузы были в одних только рубашечках и нисколько не страдали от мороза. Мы приласкали одного из них, по имени Али. Он не только не съежился от прикосновения холодной ладони, но еще и улыбнулся. У киргизов в обычае прибавлять лета своим малым детям, как бы от радости, что вырастили до такого возраста. На вопрос, сколько лет Али, мать отвечала, что ему два года, хотя ему вряд ли был годик.

При нас доили овец. Для доения их привязывают за шеи поводками по десяткам головами в разные стороны. Киргизка с кожаным ведром садится сзади овцы и, сильно ударив ее пятерней, начинает доить. Если овца не дает молока, она повторяет удары, подражая движениям ягненка. При виде нас сбежалось все население.

и все были непомерно счастливы: каждый, кто хотел, мог разговаривать с Виктором. Среди собравшихся царили большая свобода и веселье. Молодежь подсмеивалась над девушками, позволяла себе довольно смелые выражения и шутки, что, не обижая прекрасного пола, вызывало всеобщий смех.

Возвратившись в юрту, мы, чтобы согреться, выпили по чашке горячего молока и остались очень довольны этим замечательным напитком, не понимая, как нам до сих пор не пришло в голову воспользоваться в степи этим прекрасным средством подкрепления. Вскоре прибежал Кожемсугур, адъютант Кушбека, с донесением, что Кушбек уже у карсон-кереевцев. Крепкий парень, очень проворный и веселого нрава. Он нас насмешил, очень верно, с остроумным преувеличением подражая Орынбаю, передавал его выражение лица, жесты, говорящие о лести, способы намеков на необходимость что-то подарить. Мы не спешили идти спать, потому что не для чего было рано вставать. Пока солнце не согреет воздух, из юрты и выходить не хочется, а киргизы начинают собираться едва лишь к 9 часам. Приказы, чтобы являлись на перепись пораньше, ни к чему не ведут: будучи всю ночь *sur le qui vive*¹⁰⁴ вскочить по сигналу пастухов, они потом долго спят.

Сегодня писал Ансельму Ивашкевичу, который, сидя себе в Одессе, не думает о том, что его друг и его однофамилец зябнут в степи.

¹⁰⁴ *Sur le qui vive* – наготове (франц.).

НАД ТОКРАУ, 2 сентября. ПИСЬМО А. И.

XX

Чтобы ты не привыкал к мысли – забыть своего старого друга, который любит тебя по-прежнему, несмотря на уходящие годы и все более разделяющее нас расстояние, напоминаю о себе из глубины киргизских степей, временным жителем которых я являюсь уже несколько месяцев. В эту минуту, придя вместе с твоим однофамильцем, уважаемым Виктором, с берега реки Токрау, текущей у подножия огромной горы Кучук, пользуюсь несколькими часами отдыха, чтобы обнять тебя и сообщить, что мое здоровье, сильно подпорченное в Омске, особенно в эту зиму, на свежем воздухе значительно поправилось. В этой перемене благодатную роль сыграло ежедневное потребление кумыса, простая, хоть не очень вкусная пища и постоянная езда верхом, к которой я так привык, что пролететь сейчас сто верст по степи и горам мне гораздо легче, чем совершить во время пребывания в Ишиме путешествие до Гагарина или Стрехнина.

Ты, наверно, удивишься, с чего это я так летаю, словно арабский бедуин по своей любимой пустыне; скажу тебе, наконец, что по соизволению правительства я являюсь здесь чиновником Пограничного управления и провожу перепись населения и скота в Аягузском и Каркаралинском округах. В первом из них мы уже счастливо закончили наше поручение, а сейчас второй месяц бродим из аула в аул по

второму и, несмотря на усердные старания и желание вернуться в Омск перед наступлением зимы, не надеюсь записать в наших ведомостях последнего барана раньше половины октября. Для нас это очень грустная перспектива, потому что уже и теперь нам часто докучает холод, а что же будет через месяц и дальше? Очень боюсь, как бы, подмораживаясь каждый день помаленьку, я не возвратился в Омск совсем замерзшим, как стерлядь, едущая зимой из Тобольска в Москву или в Петербург! Но что же делать, если иначе быть не может! «А ведь приятно бы было после такого долгого и тяжелого путешествия возвратиться живым и здоровым в теплую комнату и проводить в ней зимние вечера, покуривая добрый турецкий табак», – с этими словами обратился ко мне сегодня Виктор, и при одном воспоминании о турецком табаке, которого я большой любитель и которого в Омске достать невозможно ни за какие деньги, прямо слезы набежали на глаза. Долго мы болтали и мечтали об этой небесной манне, пока я, наконец, не сказал с улыбкой: «А ты знаешь, что наши сегодняшние мечты можно осуществить, и еще в этом году я угощу тебя трубкой самого великолепного «Дюбека». – «А каким же это чудом?» – крикнул он и при этом глянул на меня, как на волка. – «При чем тут чудо», – отвечал я, – есть очень простой способ: напишу моему дорогому Ансельму, который живет сейчас в Одессе и каждый день курит лучший табак на свете. Когда он узнает, что его тезка и старый друг по изгнанию так чувстви-

тельно вздыхают по нему, он обязательно пришлет по фунту табаку каждому, да еще вдобавок присоединит несколько стамбулок». — «Это здорово,— снова сказал Виктор,— но что же мы, сибиряки, пошлем ему взамен?» — «Понятно, ничего,— отвечал я,— что бы мы могли ему послать с нашего холодного севера, разве что пуд кедровых орешков или брусники! Наконец, это такой человек, которому не понравится, что мы пытаемся оплатить его услугу, которую он, как я уверен, сочтет большим удовольствием для себя». — «Когда так, пиши,— сказал он,— и представь меня ему». Вот я и пишу тебе, рекомендую его не только как знакомого, но и как друга, он этого заслуживает, поверь моему слову. Будь здоров!

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ

3 сентября

Сегодня годовщина моего прибытия вместе с Павлом в Омск для определения на службу. Кто бы тогда подумал, что она протянется так долго и что спустя пять лет я еще буду путешествовать по киргизским степям? И он, вероятно, сейчас (если не спит после обеда) припоминает тот памятный день в истории нашего изгнания и, может, слеза набежала на его глаза при мысли, что друг его до сих пор вздыхает вдали от семьи.

Только что прилетел другой адъютант Кушбека с донесением, что он уже едет. Тотчас множество киргизов под предводительством своего

«болоста», очень похожего на медведя, вскочили на коней и помчались навстречу, а тем временем привели молодого коня и в нескольких шагах от юрты зарезали для приема высокой особы. Вскоре показался и сам Кушбек, ехавший еле-еле, в черном канфовом халате, окруженный многочисленной свитой своих родственников, в числе которых было несколько молодых султанов, все в шапках с развевающимися перьями. Он проехал прямо к Виктору и после обычных приветствий лег на кровать и сказал, что чувствует себя очень измученным. Потом приказал всей окружавшей его толпе отойти от юрты и начал говорить о Кенесары. Сообщил, что тот сейчас находится возле устья Или и что с нами от надан-тобыктинцев ехали два киргиза, которые недавно, наведываясь к уйсунам, были около него.

Такой большой магнат, как Кушбек, не имеет с собой даже чая или кусочка сахара. Кроме того что Виктор приказал отнести к нему в юрту и то и другое, он потом снова прислал просить чая и сахара для угощения своих родственников, а потом еще и сухарей, которые киргизы очень любят, хотя собственных никогда не имеют. Будучи у нас, Кушбек в шутку сказал, что жалеет, что при выезде из Ой-Джайлау не отбарантовал у Виктора железной кровати. «Вы себе представьте,— добавил он,— на следующем же ночлеге влезла в мой кош огромная змея. Только ее убили, приходит Юсупбай и говорит, что и у него двух убили; кто-то еще пожаловался на таких же гостей. Я очень мнительный, кру-

тился всю ночь, наконец, только сомкнул веки, как снова кричит мой адъютант, еще одну змею убили».

Наш Амантай все больше заболевает барской болезнью: хочется ему халат. Он говорит, что ему стыдно прислуживать султанам в такой потертой одежде, а лень не позволяет зашить дырки.

Вечер был прекрасный, но холодный.

4 сентября

Холодное утро, вся земля и юрта побелены инеем. Ночью к нам долго доносились песни и музыка Кожемсугура, адъютанта Кушбека. Пел он со страстью, и что-то политическое, до наших ушей часто долетало «Кенесары! Кенесары-Саржан!»

Приехал султан Газы, отец известного Худайменды, находящегося сейчас у Кенесары, серьезный и красивый старик. Он сам боится своего сына, потому и кочует с Кушбеком ближе к Каркаралам, чем к Балхашу.

Солнце поднялось, и день – как нельзя лучше.

Киргизы называют Омск – Омбы, Семипалатинск – Семей, Петропавловск – Кызыл-Джар.

Вечером мы были у Кушбека, которого киргизы величают ханом. Он судил целый день и рассудил с помощью биев, сидящих в его юрте, сто пятьдесят дел. Мы застали тут множество людей и даже несколько женщин: все говорили и пили кумыс после молитвы. На первом месте, как старший по возрасту, имеющий 68 лет, сидел султан Газы; я сел между ним и победителем тигров Рустемом. Когда принесли конское мясо,

Газы подал мне кусок, а Рустем другой: было бы совсем неплохо, если бы с солью. При нас отправляли церемонию прощения туленгута его хозяином. Газы арестовал своего туленгута, но благодаря заступничеству Виктора выпустил его, призвал к себе и, взяв чашку кумысу, подал ему выпить. Туленгут выпил, налил чашку и подал своему хозяину. Тот коснулся ее устами и снова подал ему. Все это повторялось несколько раз, потом хозяин дал прощеному кусок конины.

Когда стемнело, принесли подобие лампы с жиром, укрепленной на посохе, который воткнули в землю, и она кое-как осветила юрту. И мне показалось, что я в апеннинской пещере, где беседует шайка разбойников.

Вошел киргиз с дудкой с несколькими дырками и играл на ней целый час. Кроме него, забавлял нас адъютант Кушбека, передразнивая Орынбая». Меж иными песнями он спел о брате Кенесары Саржане, который, когда его поймали ташкентцы и уведомили, что повесят, ответил, грызя себе палец: «О, если бы были у меня пороховница, мулдук и мой конь – ни одного бы из вас не осталось».

Газы спрашивал меня, далеко ли моя «джурта» [48]? Когда я ему сказал, что за 5 тысяч верст, он спросил, правда ли, что Волга доходит до моей страны, и какие есть реки в Польше? Сказал мне, что был в Петербурге и видел Кронштадт, выстроенный в море, «с которого Россия смотрит на чужеземца».

Возвратившись в нашу юрту, я увидел большие бараньи кости, развешанные на керегах, и узнал, что это для того, чтобы у хозяина не переводились бараны.

5 сентября

Хотя утро было холодное, день выдался прекрасный. Как только хан встал, поехали к карсон-кереевцам. По дороге миновали множество могил, из которых некоторые были огромной величины. Встретили кочевку, дамы ехали строем, одна из них в пунцовых, роскошно вышитых чамбарах. Красивая девушка в черном канфовом халате, вся в кольцах, с ключами за поясом, резвилась на прекрасном карем коне. Лобики младенцев виднелись из люлек, поставленных на верблюдов; малые мальчишки сидели на конях.

Сделав верст 40, остановились на берегу реки Нуры, и урочище Караджал. Ел билеуши Есперген. Юрта – как нигде: чистая, обширная, богато украшенная. Тут нас приветствовал Сухоналимов обедом, малиновой наливкой, свежими калачами, а что особенно поразило – картошкой, которую мы в этом году ели в первый раз. Михал прислал нам из Тобольска несколько булок хлеба и банку с вареньем. Но для меня сапой дорогой посылкой была пачка писем от матери, брата, сестры и нескольких друзей. Прочитав их, я должен был немного поспать, потому что негодный конь страшно измучил меня в дороге.

Позднее прибыл казачий офицер Карбышев, начальник отряда, направленного против Кенесары.

Вечером у нас был чай для хана и кереевских старшин. Собрание развлекал улеңши Кожем-жар, который, кроме многих подарков, получил несколько рублей. Кушбек и другие ставят его выше Орынбая. Но мое мнение таково, что он даже голосом не может с ним сравниться. Тому вредят только его гримасы и вечные намеки на подарки. По просьбе Кушбека Виктор всыпал одному из гостей три порошка рвотного в чай, но он над ними дьявольски посмеялся, потому что после порошков и четырех чашек чаю спокойно досидел до конца и вышел в полночь вместе с остальными.

6 сентября

Утро было очень холодное, так что с большим трудом, дыша на пальцы и потирая руки, я смог написать письма матери, брату и друзьям. Но, когда встало солнце, день оказался чудесным, а около двух часов пополудни даже жарким.

Забавный случай. Во время прошлой переписи один киргиз записался под именем известного старика. Когда тот теперь обжаловал это, киргиз признался, что сделал так потому, что хотел получить наследство, поскольку старик близок к смерти. Старик разозлился, кричал, что не оставит ни одного барана похитителю его имени, что он для него совершенно чужой, да и к тому же на его смерть рассчитывает.

Здесьняя волость богаче других, особенно прекрасными лошадьми.

7 сентября

Двое киргизов разговаривают друг с другом: «25 лет мы уже находимся под владычеством

России, а такой спокойной переписки еще не было. Раньше нас всегда били, доставалось не только старшинам, а и волостным. Придешь, спрашивают, сколько имеешь? Скажешь пять – кричат «лжешь!» В морду, и пишут десять. Нынешний чиновник, видимо, другого роду». В результате этого тихого разговора один из них подошел к Виктору и решил дипломатично выведать, кто он такой. Спросил: «Ты в Омске живешь?» – «Да». – «А твой отец тоже там живет?» – «Нет, мой дом далеко». – «Какого ты народа?» Когда ему Виктор сказал, что он поляк, тот ответил: «А, так все поляки, должно быть, такие, генерал тоже поляк. Мы только в это время почувствовали, что живем».

Наблюдали смешную сцену. Один старшина, увидев в первый раз в жизни щипцы, спросил у Виктора, для чего они. «Нос утирать, вместо платка», – отвечал Виктор. – «Ау! А сколько стоят?» – «Пять рублей». – «Ау!» Потом Виктор вскоре взял щипцы и потер себе нос. Прошло едва несколько минут, и старшина захотел сделать то же самое, взял щипцами свой нос и хорошенько сжал, а когда ему стало больно, сказал товарищу: «Этот железный платок делает больно». А тот ему на это: «Потому что, видишь ли, ты с ними обращаться не умеешь, надо было сперва нос рукою утереть, а потом его взять в щипцы».

Вечером было угощение чаем Кушбека и старшин. Одному из них, снова по усиленным просьбам хана, Виктор опять дал рвотные порошки, но и этот обманул ожидания, и за четыре часа ему так и не сделалось плохо.

Кушбек рассказывал о прославленном поэте Джанае, который напел себе верблюдов и дорожные подарки. А то был еще у садыр-матаевцев большой поэт, борвшийся с ним за первенство. Их соревнование выдало однажды долго скрываемое дело: когда один от имени аргынов, другой от имени найманов начали, похваляясь, считать, кто кому что сделал, аргыны узнали, что пропавший у них скот украли найманы. Рассказал также, как во многих местах киргизы засыпали следы Ассессора, чтобы и «следа его не осталось». Он посылал ночью казаков, чтобы они отгоняли часть табунов в сторону, а наутро сами находили бы их, якобы укрытых, и либо ему доносили, либо брали взятки за то, что не донесут. Матери из боязни, чтобы какая-нибудь из дочек не приглянулась ясному пану, прятали их по сундукам или в могильниках.

8 сентября

Утро прекрасное, теплое. День великолепный и, что особенно хорошо, тихий. Киргизы купаются в реке. Рассказывали нам, что Ассессор приказывал расставлять для себя по дороге коней и кумыс, и однажды, попивая его на одной горе, сказал киргизам, что в память о такой чести они должны назвать эту гору «Асекен кымыз ишкен» (Ассессор пил кумыс).

9 сентября

Утро холоднее, чем вчера, но день опять теплый и погожий, после обеда даже жарко. Мы выехали из Караджала к кунайчи-тагаевцам, стоящим только в 16 верстах. Приехав к горе

Конур-Тобе, мы нашли поставленные для нас юрты. Волостной – Кадыр. Киргизы ставят все более красивые юрты. У Еспергена была юрта с чиями, сплетенными на разный манер шелком, а здесь обвешана восемью коврами, а на полу их лежит девять, одеяло шелковое, баскур и дорожки, очень тонко тканые и вышитые. Такая же юрта, только поменьше, для казацкого майора, такая же для хана, которого повсюду принимают с большим почетом, режут кобыл и баранов к его столу, открытому для всех сопровождающих его или проходящих к нему по делам.

Здесь женщины носят только две косы, которые связывают на голове и прикрывают белым платком; девушки же очень старательно заплетают свои волосы в несколько десятков мелких косичек.

После нашего приезда погода изменилась, казалось, пойдет дождь, однако ночь была теплая, как самая теплая из летних ночей.

10 сентября

В часа утра нас разбудил казак, привезший письма. Мы встали, чтобы их читать и есть пирожки, присланные нам из Аягуза. На горах висел туман, утро было сумрачное, но к 10 часам распогодилось. Я пошел с ружьем в надежде найти уток, но, пройдя версты три берегом реки, не увидел даже птичьего перышка. Подметил стайку не то каменных ястребов, не то куропаток, купающихся в песке на поле, но подойти на выстрел они не позволили.

Узнали, что киргизы напали на почтаря, ехавшего из Каркаралов, совершенно его раздели,

отняли у него коня и даже бляху с новоустановленным гербом.

Видел одного из самых прославленных в округе проводников. Самыми лучшими проводниками бывают те, которые всю жизнь проводят на баранте. Так, например, Тунгатар, который с 15 до 50 лет каждый год ездил на баранту, проявляет необычную осведомленность и память на места. Один раз, ведя отряд через Голодную степь, хотя ночь была темнущая, угадал прямо к источнику, словно журавль. А когда рассветало, он сказал: «Был я тут лет 15 тому назад, и недалеко от этого источника, возле горюшки, оставил ножик. Нужно пойти его поискать». Пошел и нашел.

11 сентября

Здесьняя волость состоятельная. Много таких, что имеют многочисленные стада баранов, один – более 1500. Кунайчи-карсоны и сарымовцы перед разделением были очень богаты. Все эти басентинские волости славятся своей охотой и мастерством в баранте.

Утро было пасмурное, но нехолодное. Позднее поднялся страшный ветер, несколько раз принимался дождь. Мы выслали вперед наших верблюдов, а сами завтра едем в Каркаралы.

12 сентября

Сегодня годовщина освобождения Вены. Здесь, в киргизской степи, сколько мыслей возникает у меня при этом воспоминании! Все небо в тучах. Дорога сначала была гористой – до самой актауской дороги; оттуда долинами до

речки Джарлы, далее через каркаралинские горы, скалистые, покрытые сосновым лесом, — до самых Каркаралов. Всего девяносто верст.

Несколько раз принимался идти дождь с градом, и снова блистало солнце. Летел все время рысью и галопом. Только раз сошел с коня, чтобы выпить полстаканчика водки и закусить булочкой. Мой конь уставал все больше и только при помощи камчи доставил меня, измученного, до места.

По дороге мы убили молодого беркута, смерть которого киргизы горько оплакивали. Над Джарлой видал следы обработанной земли. Виды с каркаралинских гор прекрасные. Каркаралы в красивом месте — между горами, над речкой.

Никогда не пил чая с таким аппетитом и так много, как сегодня. Вечером мы сходили в баню и рано легли спать, но я не смог заснуть до утра: вероятнее всего — результат перемены погоды и купания.

13, 14 и 15 сентября

Первый и второй день мы провели в Каркаралах, все время ели и пили кофе, чай, наливки и т. д. На третий день, то есть 15 сентября, выехали утром в чудесное время и к ночи прибыли к джусенбай-чекчеканцам.

Выезжая, получил письма от матери, брата и невестки. Мама боится, чтобы я не сгорел во время пожара в степи, и — удивительное дело! — именно после получения письма я чуть было не сгорел из-за сигары, которую, плохо притушив, положил в карман.

16 сентября

Я, видимо, помаленьку превращаюсь в киргиза, и юрта становится для меня обычным жилищем. В Каркаралах не мог спать; здесь на свежем воздухе спал отменно. Окрестности пустынные, высокая трава, недалеко руины недавно сожженного пикета. Эта волость наполовину султанская, наполовину киргизская — все время распри, ни в чем нет ладу. Султаны угнетают бедных. Одних чингисидов насчитали девять, всем грош цена, терпеть не могут Кушбека, хоть он им и кровный.

Сын Юсуфа умер, будучи у Барака. Сейчас привезли сюда его вещи, киргизы выезжали их встречать. Эти вещи развесили в специально для этого поставленной юрте, торчит над ней сломленная пика с черным платком, а изнутри доносится плач собравшихся женщин.

17 сентября

Прочитав несколько номеров «Северной пчелы», я узнал о бегстве Людовика Наполеона из Гам (не знаю, каким образом, потому что номера июньские), о новом папе и о смене Пеля. Читал сейчас в русском переводе мемуары о пребывании Наполеона на острове св. Елены. Мне понравились слова: «Дни его уплывали в постоянном и убийственном однообразии. Воспоминания и тоска были для него самыми опасными врагами, работа — единственным бегством и утешением». Ах, если бы не работа, разве я выдержал бы 16 лет изгнания?

18 сентября

Ночь была удивительно теплая, с утра густой туман окутывал долины и воздух был настолько сырým, что встали мы с тяжелыми головами. Не удивительно, что англичане в своей туманной стране знают, что такое сплин!

Наполеон, когда ему сказали о его повсеместной славе, ответил:

«Несмотря на это, я уверен, что в самом Париже много таких, которые меня не видели, а в других странах много есть таких, что и имени моего не слышали». Правду сказал, потому что и наши киргизы о нем ничего не знают.

После полудня мы выехали за 15 верст к караул камбаровцам и остановились у них в урочище Карасор. Обширная равнина, а дальше, за аулами, озеро такого же названия, разлившееся на несколько верст, вода соленая. Все это пространство было когда-то дном более огромного, чем нынешнее, озера, потому что повсюду солонцы и земля еще частенько вязкая. Отсюда видны каркаралинские горы и то место, которое было театром дела Елчина с султаном Кунтаем Абулгазином, убийства казака Беляева и т. д.

Позднее приехал Кушбек с большой свитой. Вид его отрядов со стороны был красив, словно марш эскадронов. Вся площадь казалась полем битвы, юрты – словно наметы, а движение киргизов, летающих во все стороны, напоминало движение адъютантов, рассылаемых с приказами вождя.

Кушбек пришел к нам вечером и говорил, что в Джусембай-Чекчеканской волости киргизы

спрашивали обо мне, кто этот, что сидит, задумавшись, в юрте полковника? Он сказал им, что это брат Ассессора. «О! – раздался крик и страшные ругательства, – пусть его черти возьмут». Я ему объяснил, что вовсе не благодарен за такую рекомендацию, потому что хотел бы оставить о себе у киргизов иную память, чем Ассессор. «Не бойся, я их сразу вывел из заблуждения. Как же ты можешь думать, что я хотел очернить товарища по путешествию. Если едешь с волком, то и о нем надо хорошо говорить, а что же о хорошем человеке?!»

Волостной и толмач, проживающий в здешней волости, не представились старшему султану: эти господа играют тут большую роль и знать не желают, что этот киргиз является президентом.

19 сентября

Мы узнали, что Барак пошел с киргизами на Лепсу против Кенесары. Удивительно, что до сих пор мы не встретили ни одного киргиза с таким же именем.

Фролов говорил мне, что в горах Ала-Тау в конце июля либо в начале августа верблюды начинают хворать ужасной болезнью, называемой «бурма», которая скручивает им задние ноги, и на другой день они умирают. Болезнь очень заразная. Как только киргизы услышат, что один верблюд у кого-нибудь сдох от этой болезни, сразу, словно потоки со всех гор, спускаются в долину. Он сам видел, как один раз от подобной причины неожиданно муравейник киргизов покрыл всю равнину от Ала-Тау до Балхаша.

Говорил также, что долина между Карасу и Караталом чрезвычайно красива и вся обработана при помощи каналов.

Когда сегодня, читая письмо, я нашел упоминание о Стефании, родственнице одной из наших знакомых, вспомнилась мне моя Стефания-Подольянка, которую я любил. Помнит ли она меня еще? Ах!

20 сентября

Кушбек с сожалением рассказывал о скверных поступках толмачей и султанов. Воспитанный отцом в отвращении к воровству, он говорил султанам, чтобы не крали и были добрым примером для киргизов. Это их настраивает против него, Джамантай его ненавидит и говорит своим сторонникам, что он угнетает народ его отца. Здешний султан Шергали, брат Аблая, волостного чекчеканцев, также из чингисидов, столько же значит, что и тот: его никто не слушается.

Удивительно прекрасным днем, овеваемые теплым ветерком, мы покинули Караул-Камбаровскую волость.

Когда мне подали коня, у меня екнуло сердце, и я сел на него с опаской. А когда поехал, — понял, что имею дело с существом, которое сильнее меня, с которым нельзя шутить. Каждую минуту мой сивый загрызал удила и прижимал уши. Все шло не так еще плохо, пока мы были одни, но когда показалась летящая арба и какой-то киргиз закричал свое «ги-га!», он рванул с места... Как он меня не сбросил и сам

не разбился об арбу!? Не знаю как, но, сверх ожидания, я удержался в седле и осадил его у самых колес повозки. Пересел на арбу, а своего скакуна отдал толмачу Измайлову, который привык к таким безумцам, и сильный, как дуб, он дал ему такого перцу, что не раз казалось — и конь и всадник сломают шею!

Проехав верст 10, пересекли почтовый тракт именно в том месте, где Беляев был убит и ясак взят бандитами. Все время ехали равниной, то там, то тут встречая озерки, полные соли и почти без воды. После сорока верст непрерывной езды, поздно вечером приехали в аул кара-айкимбетцев, где находится становище старшего султана Кушбека. Здесь нас приняли, как нигде. Юрта пышная, двери обиты чем-то вроде меха с красиво вышитым краем, распестренным бляшками из перламутровых раковин с воткнутыми за ними перышками филина. Изнутри занавес на двери шикарно вышит шелком, внутри юрты полно дорогостоящих ковров, баскур и т. д. Нам прислали самовар с чаем. Сам же султан из деликатности не пришел, чтобы нас не утомить с дороги, но пригласил на завтрак к себе.

21 сентября

Ночь была теплая, только нам не дали спать сторожа, приставленные к нашей юрте. Здесь, видимо, хорошо стерегут свои табуны, потому что мы все время слышали голоса пастухов. В 9 часов туман разошелся и выглянуло солнце. Увидел окрестные горки и речку Талды,

сочащуюся тонкой ниткой прозрачной воды в нескольких шагах от нашей юрты. Вскоре прибыл адъютант с вопросом, хотим ли мы ехать к султану, вслед за ним пришли и кони.

Султанский аул стоял в двух верстах, а в нескольких шагах от него бухарский наметик в виде беседки, куда нам принесли чай, арак и пилав. Кушбек прибыл тотчас, как мы закончили с завтраком, так как он по причине поста не хотел при нем присутствовать. Войдя, сразу сказал мне: «Я с Виктором и с Карачаком знаком давно: они у меня уже были. Но ты моим гостем являешься первый раз, скажи, чем прикажешь тебе служить. Может, зарезать для тебя барана, коня, верблюда?» Когда я поблагодарил его, отказавшись от всего, он молвил со смехом: «А может, ты хотел иметь что-либо на ночь, я вижу ты даже побрился перед тем, как показаться у айкимбетцев; скажи, я выберу тебе под пару, такую же длинную. Об издержках не думай, я уплачу сам». Представляя нам потом своего инфанта (усыновленного им, так как дети у него поумирали), сказал: «Это мой поэт, писарь, охотник, кузнец и все, что хотите». Султан имеет трех жен, но живет только с самой молодой, а средняя живет около старшей, отлученная от его ложа, потому что он вскоре после бракосочетания убедился в ее плохом поведении. Посидев часик, он удалился, извинившись, для выполнения молитвенного обряда над приведенным для заклятия жеребенком, чего требует от него долг хозяина. Когда для этой цели приводят к юрте барана или еще какую скотину, резник держит

голову животного слева под мышкой, а хозяин, благодаря бога, что имеет достаток и может угостить гостя, благословляет приговоренную жертву и дает знак, чтобы зарезали.

Вернувшись от Кушбека, мы начали перепись, на которую он сразу приехал сам. Вот тут-то и выяснилось лучше всего, что такое киргизская аристократия! Каждый из них (а здешняя волость имеет их несколько десятков) старался уменьшить число своего скота и торговался из-за каждого барана. Какая при этом проволочка в ответах, какие ссылки на свидетельство то того, то другого! Ел билеуши молчал. Старший султан, спросив несколько раз, сколько было записано, а сколько показывает призванный, по родственным ли причинам, или потому, что султан не решался разрубить гордиев узел, после долгого молчания говорил: «Кудай биледы» (бог знает). Мы потратили несколько часов на запись у этого, как Виктор называл, паскудства. Нужно было все его хладнокровие, чтобы не выйти из границ терпения и не сказать им какой-нибудь глупости. А сколько времени утекло, пока не выбрали, наконец, старшину, которым имел честь стать один из адъютантов Кушбека, поэт Кожемеугур. Любопытно, как он будет справляться со всем этим спесивым сбродом.

Как только мы закончили с переписью у султанов, с простыми киргизами дело пошло как по маслу. И эти господа-султаны, которые так берегли себя, вовсе не думали их защищать.

Первый раз мы, наконец, напали на имя Кенесары, да и то его носил отец батыра Худайменды.

Сегодня начало осени, день чрезвычайно теплый и тихий. Киргизы купаются в Талды, хотя воды в ней воробью по колено. Не видно никаких птиц. Пролетело несколько уток, но и то из отдаленных районов.

22 сентября

Закончив перепись кара-айкимбетцев, начали переписывать киргизовцев, переселенных в эту волость.

В прошлом году, когда у меня сломалась ось, киргиз ее связал конским волосом, и я проехал потом с этой осью 25 верст. Сейчас киргизы посоветовали надломленный обод колеса укрепить полосками из шкуры только что убитого коня и ручаются, что выдержит несколько сотен верст. Посмотрим! Кому бы из нас, цивилизованных, пришла в голову такая идея?

Целый день жара.

23 сентября

Сегодня именины моей матери! Писал ей и моей племяннице Михалинке, которой послал благословение по случаю замужества. День распрекраснейший. Виктор, желая сделать его для меня еще более приятным, дал четыре «регалии»; курил их и думал о лучшей из матерей, на чаепитие к султану не поехал.

24 сентября

После полудня, закончив работу, попрощались с айкимбетцами. Дорога наша проходила по солонцовым долинам, в которых, как счи-

тают киргизы, наилучшие пастбища: такая покрывает их обильная и густая трава битеге. Ехали в одних только летних халатах, однако пот лил с нас ручьями. Мы приблизились к Куским горам, в которых Попов перетапливает свое олово, привозя уголь из Баян-Аульского округа. Вид этих гор очень живописен: вершины издали кажутся руинами рыцарских замков. Проехав верст 40, заночевали у джатаков.

25 сентября

Встав утром, поехали дальше, вперед, равниной, потом по горкам, частью по дороге, ведущей из Ку к Пограничной линии, частью степью. Сделав снова верст 40, дотянулись мы до берегов реки Тундык, где нас принял Таттимбет, волостной нурлике-чанчарцев. Весь этот день были словно растопленные от жары, предвещающей перемену погоды. Охладила нас только тень от юрты, поставленной над журчащей речкой.

Долетела до нас весть о походе Кенесары на дикокаменных киргизов; слышно, что уничтожил 700 юрт, при этом не обошлось без жестокости, будто бы привязывали беременных женщин к керегам и вспарывали им животы. Наши киргизы говорят, что Кенесары поступал, как дикий зверь.

Вечером у нас был один киргиз, который так достоверно подражал голосам, минам и движениям разных зверей и птиц, а особенно верблюда, кулана и беркута, что трудно это сделать лучше.

26 сентября

Погода изменилась: холодно, дождь. Скука смертная, ходить некуда, читать нечего. Вдобавок юрта тесная и полно киргизов. Для дневника нет нового материала: все одно и то же.

Под вечер пошел осенний дождь. Когда все киргизы вышли, сделалось еще холоднее. Мы вынуждены были разложить костер и просидели около него, беседуя, до десяти часов.

27 сентября

С утра немного прояснилось, но холодно. Пришлось разложить огонь. После полудня показалось солнце, мы смогли хоть немного прогуляться.

Позабавил нас Кушбек, похвалявшийся, что послал 30 человек косить сено! В конце сентября косить сено! Кто бы у нас этому поверил. На вопрос, почему не косили тогда, когда весь мир косит и трава зеленая, он привел двадцать четыре причины, а главное, что тогда не было времени, а сейчас лучше, так как сухая трава не требует столько ухода.

Около нас сидит множество киргизов и весь день тешатся, глядя на того киргиза, что так здорово подражает зверям и пению птиц.

В здешней волости очень много бедных.

28 сентября

Каскыр, подкрадывавшийся к табуну, наделал столько шума, что разбудил нас среди ночи. С утра морозно – вставать мучительно. К несчастью, в окрестностях нет ни деревца, ни даже карагайника, а для отопления употребляется

разного рода навоз: тезек, джапа, кий – дымит он невероятно и издает невыносимый запах. Наилучший тезек – коровий. Разведя тезековый огонь, душились мы дымом до 9 часов, прежде чем солнце заглянуло к нам в юрту.

Под вечер мы выехали к айбике-чанчарцам, кочующим в пятнадцати верстах над той же самой речкой Тундык. Приехали на место звездной ночью. Волостной – Алчинбай. Мы застали в юрте две постели, хорошо постеленные, зажгли тезек и развлекались беседой до 10 часов, а так как после приезда и аппетит нашелся, то съели миску куырдыку [49] и, запив кумысом, легли спать.

29 сентября

Прежде чем мы встали, у нас развели огонь, что было приятно, так как мороз сильнее, чем вчера, выбелил траву, и до 9 часов утра иней не сходил с нее.

Вышли мы из юрты и пришли в восторг от картины окрестностей. Наша юрта стоит на высоком закругленном холме; у его подножия в долине вьется река Тундык; над речкой рассыпаны аулы со своими стадами. Все это опоясано полукольцом гор, на вершине которых высоко поднимается киргизская могила. Это место называется Арнатык, от Баян-Аула отстоит верст на 90, от линии – 150 и столько же от Каркаралов.

Кушбек прислал посыльного с просьбой дать сахара и хлеба. Придя позднее сам, говорил, между прочим: «Мы воображаем о себе в степи, что являемся великими людьми: волостные,

заседатели, старший султан! А мы не что иное, как пастухи Паши; пасем его скот и, когда что погибает, отвечаем за убыток».

По случаю именин жены и дочери Виктор дал нам по пять «регалий». И как бы для того, чтобы почтить этот день, мороз спал и погода была прекрасная. Только киргизы вывели нас из терпения, собираясь, несмотря на всякие понукания и приказы, медленно, так, что мы едва смогли с 11 приступить к переписи. Тут, как и всюду, где есть султаны, народ делится на партии, а отсюда споры и непослушание.

Кухмистер наш выехал, а скипетр перешел в руки его братишки Амантая. Он два месяца присматривался, как тот нам варил суп из баранины, и первым его вопросом было: «Сколько положить в него кусков сахара?» За эти dictum асерbum мы его поблагодарили, но усомнились в первом блюде. Однако, несмотря на это, для первого раза выступил он совсем неплохо.

30 сентября

Виктор приказал Амантаю не пускать киргизов, пока не напьемся чаю. Куда там! Чуть только он отошел на минутку от дверей, как их налезло с дюжину. День был распрекрасный: тихо и тепло.

1 октября

У нас был Джаугутты. Спрашивал, нет ли айрана, потом кумыса, но все это было подготовкой к чаю. В этой волости много любителей поживиться за чужой счет, особенно среди кара-кемсурцев. Вчера ограбили одну султаншу,

ехавшую к мужу, у другого султана украли несколько коней и верблюдов, а посланных к ним от Кушбека киргизов побили.

Нас посетил восьмидесятилетний старик, который когда-то был владельцем Ку. Во время разговора сказал Виктору: «Я долго живу на свете, а первый раз вижу такого россиянина, как ты». Потом добавил, указывая на толмачей: «Толмачи и казаки – это одержимые дьяволом; чиновники – сами дьяволы. Если по ним судить, то вся Россия населена дьяволами».

Киргизы могут с утра стричь только ногти, а бриться и стричь волосы – лишь после захода солнца. Обрезанные ногти закапывают в землю.

2 октября

Выехали к ялымбушцам по долине, между отдаленными друг от друга горами, сделав верст 60, остановились в Кызыл-Адыре. Волостной – Джангозы. Сын его за четыре дня довольно хорошо научился читать по-русски. Утро было ветреное, день хороший, под вечер пошел снег.

3 октября

Когда мы встали, нас поразил печальный вид: вся долина и ближайшие горы покрыты снегом. И что еще хуже – мучительный холод: мы должны все время сидеть у огня, да и то в самом низу, потому что дым, наполняющий юрту, ест глаза.

4 октября

Узнал, что Кушбек имеет колдуна, который ему предсказывает будущее. Знамя Кушбека – белое, у Барака – красное, а у Кенесары – зеленое. К вечеру ветер прекратился.

5 октября

Тихо, но холодно. После полудня выехали к байбуринцам в урочище Карабулак. Обычная дорога, каменистый грунт, частые холмы, расстояние – 30 верст. Волостной – Алдаберген.

Пришла весть, что у алтеке-сарымцев увели значительное количество коней. Кушбек говорил, что наданы – это в его округе – самый отважный род, и если они вовремя узнали о нападении на сарымцев, то наверняка пустились в погоню за барантачами.

Сегодня свадьба моей Михалинки. Это воспоминание вызвало у меня слезы. Вода плохая, даже чаю нельзя выпить за ее здоровье.

6 октября

Байбуринцы были некогда самыми богатыми в округе, и хотя их русские два раза «чабарыли», как говорят толмачи, они еще достаточно богаты скотом и этим обязаны прежде всего отменным пастбищам и небольшим обычно снегам.

7 октября

Ночью ветер едва не перевернул юрту. Утром буря. Потом ужасный холод. Попробовал отойти на несколько шагов и еле сумел воротиться. Только богу известно, что мы за этот день вытерпели.

8 октября

Сухоналимов прислал хлеба и водки. Но милее всего был мне вид тезека-джапа, привезенного нам в достаточном количестве в чамба-рах. День мы провели уже лучше, без особых трудностей, и не так дрожали.

9 октября

Ночью замерзла вода, день сумрачный, немного ветреный, с перерывами идет снег. Катался по льду ручья, толщина которого полтора дюйма. Дым нам так надоел, что решили лучше сидеть без огня, согреваясь только надеждой закончить завтра работу. Ведь сегодня с неопишуемой радостью начали переписывать семнадцатую – и последнюю – волость, Кучумурунскую, Бегайсар. К счастью для нас, кучумурунцы согласились провести перепись тут же, на месте, вместе с байбуринцами. И их несколько раз «чабарыли».

В разговоре об Али Кушбек, хваля его, сказал, что все же ему не нравится, что он жует табак. Виктор ему на это серьезно заметил: «В алкоране написано, что нельзя класть табак в уста, ибо ими выговаривается слово «Аллах». А киргизам и невдомек, что Магомет еще ничего не знал о табаке, все они вместе с Кушбеком закричали: «Хай! Хай! Какой умный!» А кто-то еще добавил: «Недаром Кунанбай говорил, а он известно какой мудрый: хоть я и колкий, но с полковником – дело трудное, как отзовусь, так он меня и срежет, поэтому лучше молчать».

10 октября

Ночь была необыкновенно тихая и теплая. Мы могли спать, раздевшись до рубашки. Но, увы! исчезла надежда на выезд отсюда завтра, так как именно эта тишина в воздухе привела к тому, что в юрте толмачей дым стлался по полу и не мог выходить через чанырак, что не позволило им писать ночью. На лицах всей нашей компании явная грусть. Что же делать! Утешаемся тем, что, столько претерпев, и еще один день протерпим, и послезавтра пустимся в путь. До Каргалов только 170 верст. Там немного отдохнем под крышей, а оттуда хоть еще более 900 верст, но уже повозкой, через каких-нибудь двадцать дней будем в Омске.

СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИИ

Абд-эль-Кадер (1808 – 1883) – вождь национально-освободительной борьбы алжирского народа, оратор и поэт, одержавший ряд блестящих побед над французскими колонизаторами.

Аттан – боевой клич казахов – «На коня!»

Барымта (каз.) – насильственный угон скота. (В книге оставлено прежнее написание – «баранта» в русской транскрипции).

Бастард (франц.) – незаконный, внебрачный ребенок.

Гумбольдт А. Ф. (1769 – 1859) – немецкий естествоиспытатель, путешественник. В 1829 году предпринял экспедицию на Урал, Алтай, в казахские степи.

Жакмон, Виктор (1801 – 1832) – французский путешественник. Руководимый любовью к естественным наукам объездил Европу, всю Северную Америку, а также Индию, собирая коллекции, побывал в Гималаях, Тибете, Лахоре, Пенджабе и Кашмире.

Ивашкевич, Виктор – ссыльный поляк, товарищ и друг Янушкевича, служил чиновником в Пограничном управлении, возглавлял группу, производившую перепись населения и имущества казахов Средней орды.

Кантаридин – вещество, содержащееся в настое шпанских мух.

Картино, Джованни да Плано (1182 – 1252) – итальянский путешественник. В 1245 году по поручению папы Иннокентия IV во главе дипломатической миссии прибыл в Монголию (район Каракорума) через долину Сыр-Дарьи и Семиречье, вдоль южных склонов Монгольского Алтая.

Кунанбай Ускенбаев (1804 – 1886) – отец Абая, один из влиятельных биев Среднего жуза, отличался, по воспоминаниям современников, необычайной жестокостью и коварством. Некоторая идеализация Кунанбая в книге – результат субъективной оценки автора, не успевшего достаточно глубоко узнать подлинный характер властного правителя.

Кенесары Касимов – внук хана Аблая, происходил из среды крупной феодальной знати. В 1837 – 1846 годах стоял во главе феодально-монархического движения, которое имело целью восстановление ханской власти и привилегий рода Касымовых. Кенесары рассматривал казахский народ как собственность ханского рода. «Аблай был ханом в казахских ордах, следовательно, они принадлежат ему», – объявил Кенесары.

В 1846 году вспыхнуло народное восстание киргизов, в результате которого Кенесары Касымов был убит.

Митридат (132 – 163 до н. э.) – царь Понтийского царства, вел много войн, стремился изгнать

римлян из Малой Азии, после победы над ним Помпея покончил с собой.

«*Мыши святого Попеля*» – известная у поляков легенда о св. Попеле, который стал добычей мышей. Широко использована в литературе.

Ниневия – столица Ассирии в VIII веке до н. э. (вблизи современного Мосула). Разрушена в 612 году до н. э.

Паллас, Петр-Симон (1741 – 1811) – русский естествоиспытатель, член Петербургской академии наук, путешествовал по отдаленным районам Урала, Сибири и т. д.

Партенопея – Партенопейская республика, зависимое от Франции государство, образованное в Италии из части Неаполитанского королевства, существовавшее в 1799 году.

Пиндар (522 – 442 до н. э.) – древнегреческий поэт, представитель хоровой лирики, создатель торжественных дифирамбов.

Рубругиз, Рубруквис, Рубрук, Биллем (1220 – 1293) – фламандский путешественник, побывавший в Монголии. В 1254 году прибыл в Каракорум, дал его подробное описание.

Саржан – султан, потомок ханов Аблая и Валия, считал себя продолжателем их дела и претендовал на ханскую власть. В 1824 – 1836 годах возглавлял феодально-монархическое движение, начавшееся на территории Среднего жуза. В 1836 году был убит ташкентцами, его преемником стал Кенесары.

Сент-Илер, Этьен Жоффруа (1772 – 1844) – известный французский зоолог, заслуга которого перед естественными науками огромна.

Срым Датов – руководитель восстания казахских шаруа Малого жуза. Популярен в памяти народа, как защитник угнетенных.

Тай-туяк (каз.) – копыто жеребенка – название слитка серебра, определяющее его величину.

Талейран – Перигор, Шарль Морис (1754 – 1838) – выдающийся французский дипломат, один из самых крупных представителей буржуазной дипломатии начала XIX века.

Тогыз (каз.) – девятка – приз владельцу скакуна, состоящий из верблюда, орла, коня, коровы, жеребенка, овцы, козы, ковра, шубы, халата или иных ценностей в различных сочетаниях.

Тогыз кумалак (каз.) – народная игра, подобие шахмат.

Шренк А. И. – русский путешественник, в 1842 году на пути к Семиречью исследовал Приишимье, горы Улу-Тау и др.

Югурта – нумидийский царь, живший во II веке до н. э., вел много войн, часто изменял своим союзникам, совершил много предательских убийств.

Ямб, бесик-ямб (каз.) – названия слитков золота.

КОММЕНТАРИЙ

Артыкбаев Ж.О.

**Феномен кочевого общества:
теоретические подходы**

Этносоциальные параметры кочевого общества

Основной предмет изучения гуманитарных наук - общество, точнее человеческое общество в различных ипостасях. Это, как любил говорить Абулгазы Бахадур хан, «всякому яснее луны и светлее солнца». Историко-этнологическая наука в большей мере занимается изучением общества в историческом развитии, рассматривая каждое конкретное общество как самостоятельную единицу Всемирной истории. Именно такой подход является в наше время наиболее оправданным. Время, когда историки увлекались глобальными конструкциями и закономерностями истории развития человечества, уходит в прошлое.

Всемирная история на всех этапах развития представляла собой историю отдельных обществ. В целом, несмотря на заверения в объективности, все глобалисты в той или иной мере разрабатывали Всемирную историю, исходя из модели конкретной истории какого-либо региона. В последние столетия стержнем мировой истории выступала история Запада, в средневековый период - история Востока. В Великой степи наиболее яркий пример: древние тюрки рассматривали мировую историю, ставя

в основу мифо-генеалогическую происторию тюркского общества.

«Когда было сотворено вверху голубое небо, а внизу - бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели на царство предки мои Бумын каган и Естеми каган. Сев на царство, они охраняли государство и установили законы тюркского народа», - возвещает древнетюркская эпитафия, созданная в честь великого полководца Кюльтегина. Эта легенда не только провозглашает начало новой эры в истории человечества, но также заявляет о своем праве на свершение Всемирной истории.

В принципе, такое отношение к истории является закономерным в той исторической ситуации. В степных просторах Евразии сформировалась одна из крупнейших империй кочевников, которая претендовала на господство над большей частью ойкумены. В каждом случае за концепцией Всемирной истории можно увидеть определенную имперскую идеологию. В период доминирования в евразийском пространстве степных народов, безусловно, стержневая роль в прогрессе человечества принадлежала им, они делали историю. В новое время Всемирную историю творили европейцы и европейские ученые, которые интерпретировали ее на основе своего видения Мировой истории, в соответствии с идеологией европоцентризма, за которой обычно стоят более мощные духовные факторы как христианство или материализм в марксистском или ином виде, протестантский дух и т.д.

В таких обстоятельствах вход во Всемирную историю другим народам становится проблематичным и тяжелым. Это касается как молодых этнополитических образований, так и старых очагов человеческой цивилизации, поскольку европейцы впервые ознакомились с другими частями света не так давно /обратите внимание на понятия: Старый Свет и Новый Свет/. В результате, в исторической европеизированной историографии стали привычными понятия «открытие Африки» или «открытие Америки». Так, в русской историографии Сибирь была «открыта» только в конце XVI в., когда Ермак со своими головорезами при поддержке купцов Строгановых перешел в восточном направлении Уральский хребет. Тем самым для европеизированной истории был открыт древнейший очаг человеческой культуры. История всегда полна курьезов. Тысячу лет назад вышедшие из Дальнего Востока и Южной Сибири кочевые племена тюрков и монголов также «открывали» Европу.

Не так давно я стал свидетелем празднования 100 летия села Ботакара /в современном Бухар жырауском районе Карагандинской области/. В 1901 году крестьяне-переселенцы из Таврической губернии обосновались на берегу р.Нура и дали начало поселку Санниково. Места эти были плодородны (берега р.Нура) густонаселенные различными родами каржасов, куандыков и каракесеков, которые в скором времени были вытеснены из берегов Нуры в пустынные районы. Среди этих казахов

существовали прекрасные исторические предания, объясняющие происхождение названия Ботакара /и Шешенкара/. Эти сопки стоят рядом. Народная память связывает эти названия с именам предводителя казахского ополчения в середине XVII века Нарбота батыр и именем девушки калмычки – Цэцэн. В 1650 году здесь состоялось сражение между казахами и калмыками, где трагически погибли Нарбота и Цэцэн. К сожалению, память людская так коротка, а российское влияние было настолько ощутимым, что вместо того, чтобы праздновать 350-летие Ботакары, местное население во главе с акимом празднуют 100-летие «открытие Ботакары» таврическими крестьянами.

В этой связи хочется привести слова великого историка Марка Ферро, что «история остается одинаково миссионерской: наукообразие и методология служат не больше, чем «фиговым листком идеологии».

Обычно в марксистской литературе общество рассматривается как система производственных отношений. Эти отношения исходят из определенных форм социально-экономических укладов, определяющих природу и характер общества и формирующих его структуру.

В этом ключе строились принятые в марксизме понятия о социально-экономических формациях, используемых как основной инструмент в изучении прошлого человечества. Таким образом, в данном контексте именно социально-экономический строй определяет

все прочие существующие в нем общественные отношения, определяет его исторический тип, т.е. принадлежность к той или иной общественно-экономической формации»*. Изучение социально-экономического строя в общественных науках рассматривался как ключ для анализа закономерностей развития общества как и в прошлом, так и в настоящем. Общественно-экономическая формация рассматривалась как определенная стадия всемирно-исторического развития – в широком смысле и в более узком – как определенный тип общества. Социально-экономическая система в последней ипостаси нас интересует больше, поскольку конкретный объект нашего исследования – кочевое общество казахов. Целью нашей работы является не определение его базовых истоков и реконструкция структурно-функциональных характеристик в указанном промежутке времени /XV-IX вв./.

* Советская историческая наука, построенная на догмах марксизма-ленинизма, постоянно наталкивалась на ряд внутренних противоречий. Так, в двинной цитате, принадлежащей Ю.И.Семенову, само ключевое слово – «социальный» фактически лишено конкретной смысловой нагрузки. В одном месте он говорит о том, что социально-экономические отношения определяют контуры социального организма, в другом месте социально-экономический строй является базисом и определяет существующие общественные отношения. См. Семенов Ю.И. Ленинская категория «об-

щественно-экономический уклад» и некоторые проблемы истории первобытного общества // Ленинизм и проблемы этнографии. – Л., 1987. – С.97/.

В этой связи необходимо решить несколько сложнейших задач. Во-первых, кочевое общество /хотя оно не совсем кочевое/ не укладывается в параметры известных социально-экономических формаций, во-вторых, социально-экономические условия, хотя и являются базовыми, но не определяют полностью конфигурацию кочевого общества.

Кочевое общество в экономическом плане многоукладно. Это, в первую очередь, относится к периодам древности и средневековья, отчасти и кочевникам нового времени. Во-первых, с самых древнейших времен кочевые племена Великой степи стремились к теснейшим контактам с миром оседлых цивилизаций. Политические кризисы или же иные изменения в оседлых регионах всегда становились причинами скорых реакций кочевых народов, вызывали нередко стремительные вторжения и миграции их. Во-вторых, в структуре кочевого общества всегда существовали элементы оседлости. Например, часть населения постоянно была связана земледельческими занятиями. Небольшие группы степняков принимали активное участие в торговле как во внутренней, так и международной. В-третьих, значительная часть кочевников имела во все времена строго определенную территорию зимних стоянок и пастбищ. Такая многоукладность в производственных заняти-

ях, а следовательно и в отношениях, также не укладывается в понятие «общественно-экономической формации». Спору нет, кочевое скотоводство является главным в рассматриваемой системе, но носители этого хозяйственного типа образуют общество только в сочетании с указанными производственными формами деятельности, т.е. кочевое скотоводство желательно рассматривать как главный компонент системы. Известные нам по древнему и средневековому периодам степные общества появились как симбиоз кочевников с земледельческо-городскими регионами. Основным компонентом кочевых обществ служили маргинальные регионы на юге, юго-востоке, западе и т.д. Отношения, складывающиеся между указанными составляющими /кочевыми и оседлыми/, в результате дают систему, которую в отличие от предыдущих терминов /социально-экономическая формация, уклад и т.д./ лучше назвать этносоциальной структурой. Целостность системы определяется как доминированием в нем различных форм кочевого скотоводства, так и ее органическим симбиозом с оседлыми /городские, земледельческие/ составляющими.

Данная конструкция «этносоциальная структура» не отрицает основную роль социально-экономических факторов в формировании и функционировании общества, но в то же время позволяет отражать многие нюансы, например, сложность составляющих общества. Вероятно, настало время рассматривать общество шире, учитывая как его социаль-

но-экономическую природу, так и духовные и иные качества. В таком случае общество составляет совокупность, т.е. интеграционное единство нескольких подсистем. Раскрытие внутренней структуры данного общества, т.е. системы, позволяет вычлнить наиболее сильные подсистемы*.

* Если сводить общество только к производственным отношениям, это значит изучать его с позиции определения отношения собственности. Собственность как социально-экономическое явление совпадает с производственными отношениями. В кочевом обществе отношения собственности нам видятся в несколько ином виде /условный характер и особая специфика категории собственности, владения и т.д./.

В то же время, понятие «этносоциальной структуры», введенное для анализа кочевого общества, не расходится с принципами материалистического понимания истории. К сожалению, в нашей историографии больше обращалось внимание на приоритет экономической составляющей**.

** Принцип историзма, господствовавший в советской науке, исходил из одностороннего понимания развития. В наиболее емкой форме такая методологическая установка определена в «Рецензии на книгу А.Богданова «Краткий курс экономической науки» В.И.Лениным: «Только материалистическое понимание истории вносит свет в хаос и открывает возможность широкого, связанного и осмысленного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как

фундамент особого уклада всей общественной жизни человека».

Этносоциальный подход позволяет рассматривать кочевое общество как живой и действующий организм, а также как историческое явление. Его состояние в каждом временном отрезке есть результат предшествующих исторических обстоятельств. Следовательно, социальные законы не могут рассматриваться отдельно и независимо от законов исторических, являющихся основными и фундаментальными. Преимущество социальных законов состоит в том, что наиболее соответствует задаче упорядочить многообразие исторического опыта логической схемой, позволяет понять причинные условия последовательности различных общественных явлений и событий. В отличие от закона диалектики, этносоциальный закон связан с необходимостью умозрительно и гипотетично определять характеристики исторических конструкций, в том числе и общества. Трудность и благородство труда историка проявляется как раз в этой области, где требуется увидеть за внешней схемой глубинные процессы. Цель научной историографии заключается в том, что она должна работать над выявлением на примере конкретного общества, прежде всего, универсальных исторических законов.

Социально-экономическая структура общества историками определяется эмпирически, но это не означает, что общество само по себе может быть воспринято в виде цифр,

определений, дат и т.д. Безусловно, общество - это реальность, но чрезвычайно сложного характера. Некоторые стороны общественной системы, как определенно организованной совокупности людей, обнаруживаются невооруженным глазом. В том числе политический строй, государственные институты и, в целом, само государство. Хотя в данном случае есть о чем поспорить. Например, государство кочевников также сложно разглядеть за родовой структурой. Для того, чтобы обнаружить в конкретном обществе этнос, понять состояние этого этноса требуются уже более тонкие мыслительные конструкции и инструменты. В последнем случае такая реальность, как этнос не поддается классическому историческому анализу, требуется несколько иная схема. Вышесказанное в полной мере относится и к понятию государства. Государство - это, прежде всего, человеческий коллектив, т.е. общество, обладающее соответствующим сознанием и увлеченное идеей. Вероятно, этими причинами объясняется обращение исследователей к структурно-системному подходу, применение методов этносоциального анализа, обращение к терминам и понятиям из других наук /например, отождествление общества с «организмом» и т.д./. Одна из особенностей нашего исследования заключается в том, что мы схему этносоциальной структуры не накладываем на общество, а на конкретном материале пытаемся конструировать его в исторических реалиях. Поэтому наше исследование не ставит

себе целью поиск каких-то всеобщих законов развития казахского общества в XV-XIX вв. Главная задача заключается в определении и прослеживании хода событий в рассматриваемое время, нахождении некоторых правил игры на огромном степном субконтиненте. В первом томе есть попытка выявления универсальных закономерностей древней и средневековой истории Евразийских степей, взаимоотношения степняков с миром оседлых цивилизаций.

Э.Дюркгейм отнес общество к категории своеобразной реальности. Для историка, как и для социолога, своеобразие заключается в отсутствии ощущения реального существования общества. Причем это не результат мистического и иррационального мышления. Потенциальные возможности историка ограничены многочисленными факторами. Только изучение общества как взаимодействие этносоциальных структур позволяет рассматривать его как реальность, систему. Поэтому, чтобы установить отдельные детали, дать общую характеристику обществу, требуется предварительное изучение различных подсистем и взаимодействия между ними.

Основная цель структурно-системного подхода заключается в выявлении этносоциальных параметров общества и магистральных каналов, связывающих воедино составные части. Общество, прежде всего, сумма этих связей и отношений.

Специфика кочевого общества заключается в доминировании реальных, духовных связей,

выраженных в терминах и отношениях родства. Родство составляет реальную основу сосуществования людей и является основной социальной ценностью, поэтому его принципы существенно влияют на все линии связей /территориальную, хозяйственную, политическую и т.д./.

Человеческая жизнь определяется многообразием деятельности и движения, одновременно через эти формальные каналы проходят социальные связи. В принципе, в этносоциальной системе кроме многочисленных форм, основанных на определенной деятельности и движении людей, есть и общение на более высоком, ценностном уровне. Последняя форма связи является наиболее основательной, поскольку является фундаментальной, на ней основывается самосознание общества как самостоятельного этноса, государства и нации.

Таким образом, понятие «этносоциальное» в применении к изучению общества имеет природу общего и целого. Оно существует вне человека и вне определенных социальных групп, но функционирует через действия и отношения отдельных людей и групп. Оно внешне выражается в территориальной общности, хозяйственно-культурных традициях, административно-политическом строе и институтах. Их контуры зависят, в конечном счете, от самосознания, от духовных ценностей этноса.

Этносоциальная структура - как понятийно-категориальный аппарат позволяет видеть общество как целый, единый, живой организм.

Комментарий

Настоящее издание осуществлено с первого русского издания в переводе с польского и предисловием Ф. Стекловой, под общей редакцией И. Дюйсенбаева, кандидата филологических наук (Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. А.-А.: Казахстан, 1966. – 268 с.).

Несмотря на то обстоятельство, что работа А. Янушкевича имеет неослабевающий успех у историков, этнографов и географов, полного научного комментирования его трудов фактически не осуществлялось. Первое и второе казахстанские издания были снабжены самым общим комментарием, в который вкрались некоторые неточности и погрешности, которые нам удалось преодолеть в настоящем издании. В основном это неточности в объяснении этнографических понятий, например слова «барымта», которое составители определили, как «насильственный угон скота» (Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. А.-А.: «Казахстан», 1966. – 268 с., с. 266; Адольф Янушкевич Дневники и письма из путешествия по казахским степям. А.: МКА, 2005. – 236 с., с. 231). Читатель впервые столкнувшийся с этим понятием может подумать о барымте, как правонарушении, грабеже личного имущества с целью наживы. Но так ли это на самом деле? Барымта – «По своему первоначальному назначению это захват чужого имущества, главным образом скота, для удовлетворения интересов обиженного. Такие

действия допускались как способ исполнения судебных решений при наличии обоснованного требования (Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права А.-А.: Наука, 1989. – 144 с., с. 85-92, с. 85). Также это оставление без разъяснений многих специфических понятий из этнополитической истории, социополитической организации, экономики, духовной культуры Казахстана. Те понятия, которым даны верные объяснения, мы оставили без комментирования.

Особое внимание мы постарались обратить на исторических личностей, этнические названия, социально-политические термины, проблемы связанные с фольклором казахов и т.д. Что в целом должно способствовать лучшему восприятию текста и служить импульсом к продолжению исследований в данном направлении. При этом мы постарались снабдить каждое примечание сноской на источники и литературу, что даст возможность читателю верифицировать приводимые сведения.

[1] Платано Карпини – итальянец по происхождению, уроженец Перуджи. Его полное имя Джованни дель Пьяно-Карпини, но в исторической литературе принята латинизированная форма этого имени Платано Карпини. Он был одним из основателем ордена францисканцев и занимал видные должности в римской церкви. Известен своим путешествием в ставку монгольского великого хана Гуюка от папы Иннокентия IV. По возвращению из путешес-

ствия написал книгу «*Libellus historicus*», в настоящее время известно только пять рукописей этого сочинения (См. Путешествия в восточные страны Платано Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – А.: Гылым, 1993. – 248 с.).

[2] Каракорум – столица Монгольской империи, находившаяся в долине р. Орхон. Определение местоположения древней монгольской столицы и открытия ее развалин было осуществлено в 1889 г. русским ученым Н.М. Ядринцевым. В связи с его открытием была отправлена в Монголию первая археологическая экспедиция Академии наук под руководством знаменитого тюрколога В.В. Радлова. Экспедиция подробно обследовала развалины и впервые сняла план Каракорума. В 1947-1949 гг. специальная археологическая экспедиция под руководством чл.-корр. АН СССР С.В. Кисилева провела обширные раскопки развалин. Ныне Комитет наук МНР продолжает изучение развалин древней монгольской столицы (Подробно см. комментарий из книги Путешествия в восточные страны Платано Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – А.: Гылым, 1993. – 248 с., с. 175-176).

[3] Чингис-хан (1155 – 1227 гг.) – знаменитый монгольский хан и полководец, организатор Монгольской империи. Собственное его имя было Темучин. Титул Чингис-хана Темучин получил в 1206 г., когда был провозглашен верховным ханом. До сих пор точно не установлено значение этого титула. Наиболее убедительным

объяснением можно считать предложенное известным финским монголистом Г.И. Рамstedом, который считал, что титул имеет значение «Океан-хан», т.е. «Великий хан» (Комментарий из кн. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – А.: Гылым, 1993. – 248 с., с. 181; Бартольд В.В. Образование империи Чингисхана // Чингисхан и его империя / Вспомогательное пособие для учащихся, абитуриентов и студентов. А.: Негосударственное учреждение детского творчества и детской прессы «Болашак балапандары», 2006. – 216 с., с. 194-201; Оссон К. От Чингисхана до Тамерлана (Перевод и предисловие проф. Н. Козьмина) 2-е издание. А.: «Санат», 1996. – 256 с.; Хара – Даван Э. Чингис-хан как великий полководец и его наследие. Культурно – исторический очерк Монгольской империи XIII – XIV веков. А.-А.: Изд-во «КРАМДС – Ахмед Яссауи», 1992. – 271 с.).

[4] Татары – в данном случае речь идет о народе, проживающем на территории Татарстана, по-видимому, этнические татары в то время уже проживали в Казахстане. Изначально они вели торговлю, религиозную пропаганду ислама и были муллами в казахской степи.

[5] Кумыс – напиток изготавливаемый из молока кобылиц. Обладает полезными свойствами, особенно при лечении легочных заболеваний: «Туберкулез легких, хронический бронхит лечили в основном усиленным питанием. В первую очередь рекомендовали больным по возможности питаться свежим мясом, постоянно

употреблять кумыс, шубат, барсучий жир и т.д.» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 214).

[6] Тамга – знак рода и племени у казахов. Возникновение тамги у кочевников можно связать с процессом формирования института собственности на скот, т.к. тамги в качестве тавро ставили на собственное стадо. Поэтому появление тамги можно связать с ранними кочевниками. Развитие тамги тесным образом связано с родоплеменной организацией, т.е. этническими процессами в кочевом обществе. Н.Э. Масанов пишет: «Каждое племя имело свой собственный уран, т.е. особый символ этнической принадлежности, в качестве которого обычно фигурировало имя героического предка, а также особую тамгу, т.е. знак принадлежности, символ обладания чем-либо» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 10).

[7] Саукеле – старинный свадебный головной убор невесты (Народы Средней Азии и Казахстана. Том II / Под редакцией С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 780 с., с. 726).

[8] Джатак – бедняк, из-за отсутствия скота не выезжающий на джайлау и занимающийся земледелием (Народы Средней Азии и Казахстана. Том II / Под редакцией С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 780 с., с. 713). Джатак это социально-экономическая категория казахского общества, в большинстве случаев кочевники осевшие на землю вследствие утери скота в период джута (бескормицы), пандемии

скота, боевых действий, при восстановлении поголовья скота возвращались к привычному кочевому образу жизни. Надо думать, что джатачество было распространенным явлением в истории кочевых обществ. С.З. Зиманов же говорит о том, что «Жатаки появились в результате распада казахской аульной общины, родовых отделений» (Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. А.-А.: Изд-во АН КазССР, 1958. – 292 с., с. 256; См. Бекмаханов Е.Б. Джатаки (Вторая половина XIX в.). В кн. Бекмаханов Е.Б. Собрание сочинений в семи томах. Том 5. (Сборник научных статей). Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. – 267 с., с. 108-118). Полагаем, что джатаки появились намного раньше, этот процесс был обусловлен проживанием кочевников в зоне распространения орошаемого земледелия на территории Средней Азии и Юго-Восточного Казахстана (Семиречья), тогда кочевники имели все возможности для оседания на землю. Другой вопрос относительно массовости этого процесса в истории Казахстана, большинство исследователей говорят о периоде XIX – начала XX вв., мы согласны с этой точкой зрения. Особенно активно процесс седентаризации (оседания) казахов приходится на период 1928 – 1933 гг., время «Малого Октября» и коллективизации в Казахстане.

[9] Барантаци – люди промышляющие барымтой. Здесь А. Янушкевич, по-видимому, не разобрался с этим ключевым понятием в области обычного права казахов и понимает

под барантой любой угон скота в личную собственность. Тогда как барымта – «По своему первоначальному назначению это захват чужого имущества, главным образом скота, для удовлетворения интересов обиженного. Такие действия допускались как способ исполнения судебных решений при наличии обоснованного требования (Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права А.-А.: Наука, 1989. – 144 с., с. 85-92, с. 85).

[10] Нуралы хан – сын хана Абулхаира, годы его правления в Младшем жузе 1748 – 1786 гг. В это время происходила активизация колониальной политики на территории Младшего жуза и как следствие ее участие казахов в восстании Е. Пугачева 1773 – 1775 гг., национально-освободительного восстания казахов под предводительством Срыма Датова 1783 – 1797 гг. Неспособность хана Нуралы подавить эти восстания, отсутствие сильного авторитета среди народа и неуспешная внутренняя политика побудили российское правительство отстранить хана от правления в Младшем жузе (Подробно о деятельности Нуралы хана см. труд Вяткин М. Батыр Срым. Учебное пособие. А.: «Санат», 1998. – 344 с.).

[11] Малая Орда – Младший жуз, этнографы отмечают: «В дореволюционной русской литературе вместо «жуз» неправильно применялся термин «орда». Слово «жуз» означает «часть», «сторона» (Народы Средней Азии и Казахстана. Том II / Под редакцией С.П. Толстова, Т.А.

Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 780 с., с. 326). Вопросы истории возникновения и развития дефиниции, этимологию слова, подробно изучил востоковед В.П. Юдин (Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая ... В кн. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. – А.-А.: Гылым, 1992 – 296 с., с. 14-56). «Казахи Младшего жуза традиционно занимали территорию всего Западного Казахстана от водораздела Иргиз-Тобол-Тургай-Мугоджарские горы до восточной оконечности Каспийского моря и низовий Урала, от нижнего и среднего течения Сырдарьи до Урала и Тобола» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 17). Родоплеменной состав казахов Младшего жуза неоднократно рассматривался в казахстанской историографии (См. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – XX в.). А.-А.: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968. – 256 с.). «Согласно казахским генеалогическим преданиям Младший жуз подразделялся на три крупных родоплеменных объединения алимулы, байулы и жетыру. В свою очередь алимулы дифференцируются на шекты, торткара, каракесек, карасакал, кете и шомекей. ... Самым крупным родоплеменным объединением Младшего жуза были байулы, подразделявшиеся на племена: адай, жаппас, алаша, байбакты, маскар, берш, тазлар, есентемир, серкеш, тана, кызылкурт, шихлар, алтын

и исык» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 18-19). В жетыру входили рода табын, жагалбайлы, керейт, тама, толеу, кердери и рамадан (См. Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 19).

[12] Калым – Один из самых распространенных институтов традиционного общества, т. н. брак выкупом. Классический калым у казахов включает 47 голов скота. Так например:

1. Бас жаксы – 10 лошади;
2. Кара мал – 33 лошади;
3. Аяк жауа – 4 лошади.

Кроме указанных калымов основной калым сторона жениха преподносит в доле бракосочетания (неке кияр) еще:

1. Илу – дорогая вещь.
2. Той малы – в зависимости от размеров свадебного пиршества.
3. Сут акы – подарок матери невесты.
4. Босагага бай сау – подарок отцу невесты.

Таким образом в реальной жизни размеры калыма достигать и большего количества лошадей. Обычно ценность придания невесты соответствует калыму, т.е. полная компенсация.

[13] Султан – представитель привилегированного сословия «ак суек» (белой кости), ведущий свое происхождение от Чингис-хана. Чингизид по крови имел наследственное право в занятии престола и пользовался всеобщим уважением среди казахов. Историк Т.И. Султанов акцентирует внимание на юридическом статусе сословия: «султаны своим юридическим положением резко выделялись среди населения ханства, причем права, отличавшие их от дру-

гих, издавна были наследственными. Политическими правами султанов, осуществляемыми ими in сопроге, были: 1) участие в общегосударственном управлении; 2) участие в местном управлении: 3) улусно-вотчинное управление» (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004: 2-е изд., исправл. и доп. – 368 с. – (Orientalia), с. 276).

[14] Камча – кнут или бич, служил для верховой езды. Изготавливался путем плетения кожаных сыромятных ремешков, рукоять камчи обычно изготавливалась из дерева или рога животного (Подробное описание камчи или нагайки в качестве предмета вооружения представлено Ч.Ч. Валихановым Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. В кн. Валиханов Ч.Ч. Этнографическое наследие казахов Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. – 292 с., с. 61-66).

[15] Кафир – буквально «неверный», т.е. немусульманин.

[16] Большая Орда – Старший жуз. «В этно-историческом плане происхождение Старшего жуза и его специфическую историю следует, по-видимому, связывать с районом Семиречья и предгорной полосой западных отрогов Тянь-Шаня. ... Согласно народным преданиям, весьма многочисленным и противоречивым, казахи Старшего жуза подразделялись на следующие племена: джалаир, ошакты, дулат, албан, суан, канглы (канлы), сары-уйсунь, шапрашты, ср-

гели, шанышклы, ысты. При этом источники указывают на наличие ряда автономных этнических групп, в частности, катаганов, бестамгалы, в составе казахов Старшего жуза, которые занимали самостоятельную, промежуточную позицию в традиционной внутриэтнической структуре» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 12-13). Подробные сведения относительно расселения и численности отдельных племен Старшего, Среднего и Младшего жузов суммированы в работе «Казахи» А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 9-21.

[17] Уйсуну – (усуни), наследники культурных традиций саков Семиречья, имели собственное государство и письменность. (См. Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э. – V в. н. э.). Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1986. – 49 с.). В данном случае А. Янушкевич подразумевал представителей казахского племени сары-уйсунь, которые «в основном располагались по левому берегу Или и предгорьях Заилийского Алатау, а также по правому берегу Таласа и по реке Курагаты до ее впадения в Чу. Их численность едва превышала 10 тыс. человек» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 13).

[18] Манап – представитель родовой знати у киргизов в Киргизии.

[19] Бий – родоправитель одновременно исполняющий обязанности судьи, руководствующий

щегося нормами обычного права казахов – адатом. Особую силу и авторитет институт биев приобрел в годы правления Тауке-хана (1680–1718 гг.). «Бии казахских улусов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщая являясь на ежегодно созываемое «народное собрание». Наиболее влиятельные родоначальники входили в «совет биев» при хане. Бии являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии» (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан летопись трех тысячелетий. А.-А.: Рауан, 1992. – 376 с., с. 351).

[20] Средняя Орда – Средний жуз. «Казахи Среднего жуза традиционно занимали территорию Центрального, Северного и Восточного Казахстана, а также отчасти Южного – по среднему течению Сырдарьи. ... Согласно казахским генеалогическим преданиям казахи Среднего жуза подразделялись на следующие этнические группы: кыпчак, аргын, найман, керей, уак, конрат (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 16; См. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. А.-А.: «Наука» КазССР, 1974. – 200 с.).

[21] Султан Барак - (ум. В 1750 г.), «султан Среднего жуза, сын Турсун-хана (ум. В 1717 г.), правитель большинства родов племени найман и части родов племени конрат» (Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И.В. Ерофеевой. Т. 2. А.: Дайк-Пресс, 2005. – 448 с. + вкл. 8 с., с. 398). Султан Барак – один из влиятельных людей в Среднем жузе, принял российское подданство в конце декабря 1735 г. Борьба за влияние и власть в Младшем жузе при вмешательстве российской администрации привела в конечном итоге к убийству хана Абулхаира султаном Бараком в августе 1748 г. (См. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том III. А.-А.: «Наука» Каз ССР, 1979. – 544 с., с. 47, 69, 71, 72). После этого он откочевал в Южный Казахстан.

[22] Батыр – почетное звание присуждалось человеку народом в не зависимости от его социальной принадлежности за героизм в бою с врагами, мужество и воинские способности. Нередко батырами становились влиятельные родоправители, например Срым Датов. Нередко звание батыр присуждалось чингизидам, например Кенесары Касымову. (См. Бекмаханов Е.Б. К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.). В кн. Бекмаханов Е.Б. Собрание сочинений в семи томах. Том 5. (Сборник научных статей). Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. – 267 с., с. 77-80; Валиханов Ч.Ч. Исторические предания

о батырах XVIII в. В кн. Валиханов Ч.Ч. Этнографическое наследие казахов Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. – 292 с., с. 44-55).

[23] Каракиргизы (буруты) – современные киргизы в Киргизии. «Киргизы (самоназвание *кыргыз*) были известны в дореволюционной литературе под названием кара-киргизов, т.е. черных киргизов (а также «закаменных» или «дикоканенных» киргизов)» (Народы Средней Азии и Казахстана. Том II / Под редакцией С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 780 с., с. 154).

[24] Айбалта – боевой топор секира с лезвием в форме месяца (луны).

[25] Найман – историческая судьба этого племени тесно переплетена с историей монголов, с которыми они вели неравную борьбу вплоть до завоевания Средней Азии полчищами Чингис-хана. Эти факты хорошо описаны в многочисленных исторических хрониках и современными исследователями историками (См. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Учебное пособие. 2-е издание, дополненное. – А.: «Санат», 1997. – 608 с., с. 70-82). «Найманы в основном были расселены в предгорной полосе от Джунгарского Алатау на юге до Западного Алтая на севере. Небольшие группы найманов также располагались на юге Казахстана. Численность их достигала 350-400 тыс. человек» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 16).

[26] Кумалак – 1) гадание на круглых камешках. У русских Сибири гадание на бобах; 2) интеллектуальная игра (тоғыз құмалак). «Для игры использовали четырехугольную деревянную доску, имеющую 18 продолговатых лунок (отау), расположенных в два ряда по девять в каждом ряду» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 206).

[27] Палаш – прямой меч с односторонней заточкой.

[28] Байга – конное состязание сопровождало крупные увеселительные, брачные и поминальные мероприятия у казахов. Этнографы выделяют несколько видов конных соревнований: 1) Аламан байга – скачка на длинные и сверхдлинные дистанции (25, 50, 100 км); 2) Жорга жарыс – состязание на иноходцах. Дистанция устанавливалась по прямой в естественных условиях от 2 до 10 км; 3) Сайыс – единоборство всадников на пиках; 4) Аударыспак – борьба на лошадях с целью сбросить соперника с седла; 5) Кокпар тарту, известный у русских как козлодранье; 6) Жамбу ату – стрельба из лука или из ружей на полном скаку в мишень; 7) Куміс алу (джигитовка) – всадник на всем скаку должен поднять положенную на землю монету, а иногда и несколько, расположенных в одинаковом интервале (См. Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 200-203). Все вышеуказанные виды конных игр были распространены у многих кочевых народов Казахстана и Средней Азии, имели глубокие исторические корни и

служили прекрасной школой для воспитания будущих воинов.

[29] Аксуек – ак-суек (белая кость, чингизиды). См. комментарий № 13 султан.

[30] Социокультурное содержание понятия «ру» выделил М.С. Жакин: «понятие «ру» – содержит в себе идею связи во времени. Точнее, архетип понятия «ру» в менталитете народа отождествляется с анатомией (строением) и биологией человека: шея, сустав, (кость), семя, через которые выражается идея связующего звена. Функциональной нагрузкой данного понятия является актуализация преемственности опыта прошлого, в результате которого идеологически обеспечивается передача знания и опыта по каналу межпоколенных связей» (Жакин М.С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII – XIX вв.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. А., 2001. – 32 с., 16-17; Жакин М.С. Социокультурное содержание понятия «ру» и его эквивалентов «ел», «журт» в традиционном обществе казахов. Опыт семантического анализа // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия гуманитарных наук, 2000, № 4, с. 3-16). Многие исследователи отождествляют понятие «ру» с понятием род. Так еще в начале XX века М.М. Ковалевский говорил: «род был и остается еще союзом обнимающим собой всю жизнь», «Родом, – говорит он в другом месте, – нужно считать совокупность семей, все равно мате-

ринских или отеческих, которые с большим или меньшим основанием считают себя соединенными узами крови, имеют общий культ, общие прозвища, коллективную ответственность за деяния, совершенные одним из его членов, и обыкновенно общее пользование имуществом или частью последнего» (Цит. по Максимов А.Н. Теория родового быта. / Максимов А.Н. Избранные труды. Сост., автор послесл. и коммент. О.Ю. Артемова. М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1997 (Этнографическая библиотека). – 543 с., с. 88-104, 92-93). Российский этнограф начала XX в. А.Н. Максимов говорил: «Во всяком случае, не всякий союз, фактически состоящий из родственников, мы назовем родом или кланом. А как только мы перейдем к более точным определениям, сейчас же и начнутся затруднения, выражающиеся, с одной стороны, в разногласиях между исследователями, пытающимися дать такие определения, а с другой – в разного рода колебаниях по вопросу о том, можно ли назвать «родовой» организацию данного конкретного племени. Такие колебания отнюдь не такая большая редкость, как может казаться, и имеют иногда место по отношению к племенам, хорошо изученным, где в нашем распоряжении имеются все нужные фактические данные, где, следовательно, колебания нельзя объяснить пробелами в нашем знании» (Максимов А.Н. Теория родового быта. / Максимов А.Н. Избранные труды. Сост., автор послесл. и коммент. О.Ю. Артемова. М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1997 (Этнографическая библиоте-

ка). – 543 с., с. 88-104, 90-91). На наш взгляд, род, как организация многоплановая, представляет собой биосоциальный организм, постоянно динамически развивающийся подчиняющийся законам своей внутренней динамики.

[31] Тайпа - племя, представляется нам, как организация на порядок выше, чем род и имеет тесную связь с государственностью казахов. Теоретически племя характеризуется как административно-территориальный институт, имеющий внутреннюю политическую организацию на основе родовой организации или совокупность отдельных родов ведущих свое генеалогическое происхождение от одного первопредка (См. Муканов М.С. Таксономические уровни в родо-племенной структуре казахов // ИАН РК. Сер. обществ. наук. 1992. № 4. с. 44-51).

[32] Ала-алаш (пестрота) – слово «алаш» в легенде услышанной А. Янушкевичем, это один из вариантов легенды о происхождении казахов от мифического первопредка Алаша-хана, в ней же освящена история появления трех казахских жузов (Ср. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. В кн. Потанин Г.Н. Избранные сочинения в трех томах. Том 3. Труды по истории, этнографии и фольклору. Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. – 500 с., с. 65-73, с. 67; Потанин Г.Н. Казак-киргизские и алтайские предания и легенды и сказки. В кн. Потанин Г.Н. Избранные сочинения в трех томах. Том 3. Труды по истории, этнографии и фольклору. Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. – 500 с., с. 302-373, с. 309). Интересно, что термин «Алаш»,

как синоним понятия «казах» существует до сих пор (Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982). Алаша-хан это легендарный правитель и родоначальник казахского народа, с его именем связывают эпоху единения всех казахов, своего рода «золотой век» в истории народа. В Центральном Казахстане на Улытау есть мавзолей Алаша-хана.

[33] Аргын – «древнее и многочисленное племя казахов, входившее в состав Среднего жуза и частично Младшего жуза. В конце XIX века численность аргынов определялась в 500 тыс. человек. Аргын принадлежит к числу основных компонентов, образовавших в XV веке казахскую народность. Кочевали в Восточном Казахстане. Язык аргынов – северо-восточный диалект казахского языка, легший в основу современного литературного языка казахов» (Статья «Аргын» из кн. Советская историческая энциклопедия. Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 1. М.: Госуд. науч. изд-во «Советская энциклопедия». 1961. – 1023 с., с. 715; Ср. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Учебное пособие. 2-е издание, дополненное. – А.: «Санат», 1997. – 608 с., с. 47-50; Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. А.-А.: «Наука» КазССР, 1974. – 200 с., с. 47-53).

[34] Алчыны – (по каз. – “алшын”). Общее собирательное название племен Младшего жуза.

[35] Легенда о происхождении султанов приводимая А. Янушкевичем интересна напластованием различных сюжетов из других мифов и исторических преданий. Так, нам удалось выделить несколько пластов: 1) монгольский – происхождение рода Чингис-хана от прародительницы Алан-Гоа: «Каждую ночь прозрачный желтый человек входил через щели порога и дверного косяка и гладил мне чрево. Его сияние проникало мне в чрево. Уходил он подобно солнцу и луне, словно желтая собака, озираясь. ... Судя по приметам, они сыновья Неба. Зачем их приравниваете к черноголовым людям? Когда станут они ханами над всеми, тогда чернь поймет!» (Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1990. – 280 с., с. 12); 2) в фигурировании золотого сундука, в котором сидела беременная девушка, плававшего три дня и приставшего к берегу, мы усмотрели похожий сюжет у поэта А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», который, несомненно, восточного происхождения; 3) старуха вероятно байбише (старшая жена), хан ее муж. Прогневанный хан выгоняет свою дочь из дома. Приключения девушки на чужбине. Вероятно, все это элементы казахской легенды о Алашахане (См. комментарий № 32 ала-алаш). Этот пример демонстрирует гибкость народного сознания в области фольклора, способность ассимилировать элементы других культур сочетая их с элементами местного автохтонного происхождения.

[36] Кунанбаев Ускенбай (1804-1886 гг.) - один из крупных родоправителей казахского общества середины XIX в. служил также ага султаном Каркаралинского округа, в конце жизни совершил хадж. Отец великого казахского писателя Абая Кунанбаева.

[37] Генеалогия султана Барака упоминаемая А. Янушкевичем интересна, как феномен сплетения мусульманской, монгольской и казахской историологических традиций (Ср. Кудайбердыулы Шакарим Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Пер. Б. Каирбекова. А-А.: СП Дастан, 1990. – 120 с.) Что также демонстрирует восприимчивость и изменение генеалогических преданий казахского народа. Фактически здесь мы имеем дело с синкретизмом мусульманской и степной исторических традиций. Исследуя подобные примеры, ученый может прийти к пониманию истоков генезиса и законов внутренней динамики истории и фольклора казахов (См. также комментарий № 35 легенда о происхождении султанов).

[38] Домбаул-мерген – легендарный образ в казахском историческом фольклоре. С именем Домбаул связаны мифические события эпохи Алаша-хана, родоначальника казахов. В Центральном Казахстане в горах Улытау известно древнее каменное сооружение (типа «дын»), построенное в честь этого мифического героя древней эпохи. Имя Домбаул встречается только в топонимических преданиях казахов (появление названий Кулан отпес, Бес кулан) и т.д. Легенда о Домбауле была широко известна и среди

древних монголов (См. Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1990. – 280 с.). В этой связи интерес может представлять сообщение академика К.И. Сатпаева: «Тохтамыш был сыном султана Домбаула – одного из феодалных князей, подчиненных хану Кок-орды Урусу, постоянно враждовавшего со своим сюзереном» (Ер Едиге. А.: Гылым, 1995. – 152 с., (1 с. вкл.), с. 79).

[39] Едиге (1352-1419 гг.) – мангытский бий Ногайской Орды. Основатель правящей династии с его именем связывают убийство хана Тохтамышша. Свое правление он осуществлял не прямым путем, а через ставленников на трон Золотой Орды. Мнения о роли и личности Едиге-бия среди историков расходятся. Так, в советское время Едиге был предметом критики и негативной оценки, исследователи Едиге академики К.И. Сатпаев и А.Х. Маргулан были обвинены в пантюркизме, национализме и т.д. (См. Письма К.И. Сатпаева в кн. Ер Едиге. А.: Гылым, 1995. – 152 с., (1 с. вкл.), с. 132-150). В настоящее время историки объективно подходят к рассмотрению исторической роли и обширному наследию оставшемуся от личности мангытского бия. Литература и источники в которых освящается деятельность Едиге-бия многочисленны и разнообразны (См. Ер Едиге. А.: Гылым, 1995. – 152 с., (1 с. вкл.); Кадыргали Жалайыр Шежірелер жинагы. Алматы: Қазақстан, 1997. – 128 бет, 117-119; Тынышпаев М. Мырза Едіге батыр (Ертегідегі Едіге мен

тарихтағы Едіге). В кн. Тынышпаев М. Тандамалы. Избранное. Избранное. Алматы: «Арыс» баспасы, 2001. – 332 бет. 109-116 бет; Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казацкого народа. – А.-А.: Филиал НОТА БЕНЕ ПРЕСС, АЛТЫН-ОРДА, 1990, с. 59-60).

[40] Чон – Шон-бий (1770-1835 гг.) – известный родопрavitель баянаульских казахов. С ним связано много фольклорных источников, в которых бий показывает себя справедливым и дальновидным судьей, решая сложные правонарушения, как на основе обычного права, так и на основе собственных решений (Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. В кн. Потанин Г.Н. Избранные сочинения в трех томах. Том 3. Труды по истории, этнографии и фольклору. Павлодар: ТОО «ЭКО», 2005. – 500 с., с. 65-73, с. 68). Прах Шон-бия похоронен в г. Туркестан в мавзолее Хаджа Ахмеда Яссави.

[41] Азрет-султан – речь идет о городе Туркестан (древнее название Яссы), где находится мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави.

[42] Аблай-хан – «хан Средней киргиз-кайсацкой (казахской – Н.К.) орды, живший в XVIII веке. Он происходил из младшей линии султанов Средней орды и имел в третьем колене общего родоначальника с Абульмамбетом-ханом, с которым Аблай (в наших бумагах Аблай-султан, двоюродный брат хана) в 1739 году присягнул в Оренбурге на вечное подданство России. Дед его, тоже по имени Аблай, был владельцем города Туркестана и прославился такими воинскими доблестями, что получил грозное и почетное

название Кан-Ичер (кровопийца). Сын его, Вали, не мог поддержать славы отца...» (Валиханов Ч.Ч. Аблай // Из истории казахов / Составитель Е. Аккошкарров. А.: Жалын, 1997. – 448 с., с. 29-34, с. 29). Сведения приводимые Ч.Ч. Валихановым можно дополнить некоторыми подробностями. Так, подлинное имя Аблай-хана было Абулмансур. Годы правления хана в Среднем жузе приходятся на 1771-1781. Выход Аблай-султана на историческую арену происходит в годы борьбы с джунгарами, когда ему удалось в единоборстве одолеть джунгарского батыра Чарыша. Затем следовали тяжелое время плена в стане калмыков, освобождение, разгром Джунгарского ханства в 1756 г. и возведение султана на ханский престол в 1771 году. В условиях сложной международной политики и внутренних противоречиях казахского общества, Аблай-хану удалось сохранить независимость казахских земель. В конце жизни Аблай-хан откочевал на территорию г. Туркестан и был похоронен в мавзолее Ходжа Ахмеда Яссави. (Подробные исторические и фольклорные сведения о Аблай-хане представлены в работе Шакарима Кудайберды-улы Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династии ханов. Пер. Б. Каирбекова. А-А.: СП Дастан, 1990. – 120 с., с. 53-63).

[43] Кенесары-хан – внук хана Аблая, сын султана Касыма. Известен как предводитель национально-освободительного движения против колонизаторской политики России в Казахстане в 1837-1846 гг. Это движение характеризовалось массовостью, всенародностью и отвечало чаяниям всех слоев населения.

Несмотря на ярое противодействие со стороны колониальной администрации, предательскую политику среднеазиатских ханств и отдельных представителей казахской знати движение продолжалось в течение долгих девяти лет и затронуло самые отдаленные районы Казахстана. Кенесары активно помогали его близкие родственники братья Наурызбай и Абулгазы, сестра Бопай возглавлявшие отдельные отряды восставших. В народных преданиях остались имена его прославленных батыров – Агыбая, Жанайдара, Жоламана Тленчиева, Бугубая, Ангала, Басыгара и многих других. Хан Кенесары был последний казахский хан поднятый на белой кошме в 1841 г. В походе на Киргизию в 1846 году Кенесары-хан потерпел поражение и был убит киргизскими манапами. Литература и источники о жизни и деятельности личности хана обширны (См. Букейханов А. Материалы к истории султана Кенесары Касымова. В кн. Э. Бөкейхан Таңдамалы (избранное) / Гл. Ред. Р. Нургалиев А.: “Қазақ энциклопедиясы”, 1995. – 479 бет, 78-83 бет.; Бекмаханов Е.Б. Собрание сочинений в семи томах. Том 2. («Казахстан в 20-40 годы XIX века»). Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. – 427 с.).

[44] Юрта – традиционное жилище казахов, представляет собой переносное жилище полностью отвечающего требованиям кочевого быта. «Казахи проживали в юртах двух типов, отличавшихся по строению своего купола, - со сферическим или конусообразным куполом. Первый тип был распространен по всей территории Казахстана, а второй называвшийся калмак

уй, торгоут уй, говорит сам за себя – он был заимствован казахами у калмыков (торгоутов). Последний тип юрты встречался на востоке Казахстана, в Семиречье (юго-восток)» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 115; Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. В сб. Маргулан А.Х. Мир казаха. А.: Институт развития Казахстана, Международный фонд им. Академика Алькея Маргулана. 1997. – 57 с., с. 45-55).

[45] Толмач – переводчик, служил при местной администрации, содержался за счет местного населения. Нередко переводчики проходили учебу в образовательных учреждениях.

[46] Левшин А.И. (1797 – 1879 гг.) – видный российский ученый, оставивший после себя известный труд по истории, географии и этнографии казахов «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» опубликованного в 1832 году. Впоследствии выдающийся казахский ученый Ч.Ч. Валиханов отмечая заслуги автора назвал его «Геродотом казахского народа» (См. Левшин А.И. Описание (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). – А.: «Санат», 1996. – 656 с.).

[47] Мавзолей на Каракенгире – вероятно, речь идет о мавзолее Джучи-хана, старшего сына Чингис-хана, расположенного в Центральном Казахстане.

[48] Джурт – (каз. жұрт) по-видимому, слово «жұрт» своими корнями уходит восходит к слову «юрт», которое переводится как «1) дом, владение, место жительства, земля, страна; 2) руины, развалины» (Древнетюркский словарь. Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1969. – 676 с., с. 282). Этнограф М.С. Жакин пришел к выводу, что «понятие «жұрт» - содер-

жит в себе идею связи в пространстве. Точнее, архетип понятия «жұрт» в менталитете народа также связан с домом, но с той разницей, что субъектом здесь выступает человек и его семья, живущие в этом доме и которым рождением, и родовыми узами *определено место и горизонтальные связи в социальном пространстве*. Функциональной нагрузкой данного понятия является актуализация опыта структурных взаимосвязей в социальном пространстве, в результате которого идеологически обеспечивается устойчивость и целостность» (Жакин М.С. Функциональное значение принципа родства и родовой структуры в этносистеме кочевой цивилизации казахов (по материалам XVIII – XIX вв.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. А., 2001. – 32 с., с. 17; Жакин М.С. Социокультурное содержание понятия «ру» и его эквивалентов «ел», «журт» в традиционном обществе казахов. Опыт семантического анализа. // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия гуманитарных наук, 2000, № 4, с. 3-16). Другими словами, понятие «жұрт» тесно связано с реальным отождествлением местного населения с территорией проживания на основе родства.

[49] Куырдык – мясное лакомство казахов. В этнографической литературе есть описание этого кушанья: «Излюбленным мясным блюдом был поджарок из субпродуктов (куырдак). Курдючное сало или нутряной жир нарезали мелкими кусочками, растапливали, затем бросали туда нарезанные кусочки мяса, сердца, почек и жарили до готовности» (Казахи А.: Казахстан, 1995. – 352 с., с. 168).

Содержание

Стеклова О.
Адольф Янушкевич и его книга.....5
Дневники и письма из путешествия
по Казахским степям.....49
Словарь-комментарии.....343
Комментарий.....347
Артыкбаев Ж.О.
Феномен кочевого общества:
теоретические подходы.....343
Комментарий.....355

Адольф Янушкевич

**Дневники и письма из путешествия
по казахским степям**

Подписано в печать 12.09.06 г.

Формат 84x100 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Объем в усл. печ. лист. 18,7.

Объем в уч. изд. лист. 12,6.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ТОО НПФ "ЭКО".

140000, Республика Казахстан, г. Павлодар,

ул. 29 Ноября, 2, тел. (3182) 32-16-08

**“Қазақ этнографиясының кітапханасы”
2006 жылы негізделген**

Бұл басылым С. Торайғыров атындағы
Павлодар мемлекеттік университетінің
Х. Арғынбаев ат. “Этноәлеуметтік антропология”
ғылыми-тәжірибелік орталығында
дайындалды.

Бізді адресіміз: Павлодар қ.
Ломов көшесі, 64 үй
Х. Арғынбаев ат. ҒТО
Тел. (83182-45-47-69)
Факс (3182-45-11-23)
E-mail: socantropology@nursat.kz

К